

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6 (72). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол №8 от 5 марта 2020 г.**

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Зябрева Г. А. – к. филол. н., доц.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Яценко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 05.03.2020. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1-09 «20»

В. СИРИН vs V. НАВОКОВ:

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Беспалова Е. К.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru

В данном исследовании предпринимается попытка сравнить и охарактеризовать два периода писательской деятельности русского и американского романиста В. Набокова с точки зрения психологии творчества, а также решаются следующие задачи: уделяется внимание двум типам самоидентификации автора; выделяются черты национальной и интернациональной поэтики; исследуется система персонажей романистики писателя с позиции их принадлежности к русской, европейской или североамериканской культурной традиции.

Для достижения поставленной в работе цели был использован комплекс биографического, типологического, психологического и историко-литературного методов, а также метод анализа бинарных оппозиций. Методологической базой в работе служат научные работы отечественных и зарубежных набоковедов, в разной степени касающиеся исследуемой проблемы.

В качестве материала исследования привлекается, в основном, романная проза автора как русского, так и англоязычного периода творчества, а также его интервью и поэтические произведения.

В статье делается вывод о том, что творчество Набокова-Сирин представляет собой уникальный синтез русско-американского писателя-билингва XX века, органично сочетающий в себе как чисто национальные, так и интернациональные черты, а также намечаются дальнейшие научные перспективы исследования, к которым можно отнести изыскания в области национального и интернационального на материале набоковской драматургии и новеллистики.

Ключевые слова: Сирин, Набоков, национальное, интернациональное, Европа, Америка, самоидентификация, психология творчества.

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской и мировой литературы XX века имена В. Сирин и В. Набокова сосуществуют как уникальная модель творчества успешного писателя-билингва. Безусловно, в первую очередь Набоков известен как американский писатель мирового масштаба, и лишь во вторую – как европейский автор русского происхождения. Однако несправедливо было бы утверждать, что псевдоним, избранный Набоковым в период его первой эмиграции для публикации произведений, написанных на русском языке, является вторичным или менее

значимым, чем ставшая всемирно известной настоящая фамилия, написанная латиницей, которой он подписывал свои англоязычные книги, созданные им во второй эмиграции уже за океаном. И Сирин, и Набоков могут рассматриваться как отдельные, вполне самостоятельные и успешные авторы, соответственно являющиеся представителями не только разных национальных литератур, но и разных эпох литературного процесса XX века. Так, В. Сирин, как известно, модернист, а творчество В. Набокова тяготеет к постмодернистской эстетике. Примечательно также и то, что ранний, «сиринский» этап, представляет собой закат модернистской эпохи в Европе, а поздний, «набоковский» – зарождение постмодернизма в Америке.

Попытки исследовать творчество писателя как органичный синтез европейской и американской культур были предприняты в разное время. Наиболее успешными в этом отношении могут считаться работы отечественных и зарубежных набоковедов: Б. Бойда, М. Виролайнен, А. Долинина, М. Медарича и многих других, однако их авторы не ставили своей целью глубоко проанализировать данный феномен с точки зрения психологии творчества в целом и авторской самоидентификации в частности.

Цель работы – восполнить существующий пробел и рассмотреть творчество В. Набокова как единое целое, включающее в себя два совершенно самостоятельных периода: «русский» и «американский», с точки зрения психологии литературного творчества.

Для достижения поставленной в исследовании цели был использован комплекс следующих **методов**: биографического, типологического, психологического и историко-литературного, а также метод анализа бинарных оппозиций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Безусловно, не только творческий метод или язык, на котором были написаны произведения Сирина и Набокова, являются главными условиями, разделяющими творчество писателя на два периода – «сиринский» и «набоковский», русскоязычный и англоязычный. Не менее значимым является глубинный психологический, точнее, мировоззренческий фактор, отражающий разные установки самоощущения автора.

«Русский в Европе» и «европеец в Америке» – вот две ипостаси, два варианта авторской самоидентификации, которые совершенно отчетливо просматриваются в текстах писателя до и после 1940 года.

Сирин и Набоков. Русская литературная традиция и американская новаторская проза. Европа и США. Модернизм и постмодернизм. Национальное и интернациональное. Эти категории представляется уместным проанализировать как бинарные оппозиции. Как отмечает крымский литературовед Н. П. Иванова, метод анализа бинарных оппозиций весьма продуктивен, поскольку «дает возможность исследовать особенности ментального пространства автора» [5, с. 60].

Рассмотрим некоторые из приведенных оппозиций более подробно.

Русскоязычную прозу В. Сирина принято считать автобиографической или, вернее, псевдоавтобиографической: она буквально начинена событиями из детства и юности автора, однако подача и интерпретация этих фактов в силу их намеренного художественного искажения, столь свойственного манере писателя, не может вызывать полного доверия, вследствие чего не может рассматриваться как исторический документ. Эта особенность раннего творчества писателя вполне объяснима с точки зрения психологии творчества: потеря родины, вынужденное бегство из родного дома, утрата финансовой и социальной стабильности, жизненных перспектив и уверенности в завтрашнем дне побуждают молодого автора к закрытости, отстраненности от диаспоры, замкнутости и уходу в себя, в мир своих личных переживаний и дорогих воспоминаний. Несмотря на то, что в Европе в то время проживало и активно работало множество русских писателей, объединявшихся в кружки и школы, В. Сирин сознательно держался особняком, минимизировал все контакты с бывшими соотечественниками, вновь и вновь творчески переосмысливая свою жизнь и судьбу. Защитный механизм сублимации перенаправляет травмирующие переживания в творческое русло, а уход в себя позволяет сохранить драгоценные крупы воспоминаний в незамутненной неприкосновенности.

В этом смысле быть русским в Европе для Сирина означало быть эмигрантом среди иностранцев: Англия, Германия, Франция были одинаково чужды писателю, а тоска по дому одинаково непреодолима и мучительна. Поэтому неслучайно, что за

редким исключением все главные герои его русских произведений – изгнанники из России – отчаявшиеся, неприкаянные, экзистенциально потерянные, физически или душевно травмированные: Лев Ганин, Лужин, Федор Годунов-Чердынцев, Мартин Эдельвейс.

Что касается его русскоязычной романистики, то она, безусловно, в гораздо большей степени, чем англоязычная, ориентирована на русского читателя, возвращенного на классической русской литературе, на читателя, знакомого с недавней и такой трагической русской историей. Идиостиль романов русского периода также, скорее, можно назвать традиционным для русской литературной традиции, хотя и с большой долей новаторских решений и оригинальных находок.

Совершенно иначе два десятилетия спустя Набоков воспринимает свой отъезд в США, отмечая, что именно здесь, в Америке, он чувствует себя дома «в интеллектуальном отношении» [10, с. 567]. Отчасти именно этим и может быть объяснена смена псевдонима на настоящую фамилию: псевдоним был необходим писателю в изгнании, «дома» же он мог позволить себе вновь стать самим собой.

Этот благополучный переезд в другую страну омрачал лишь один, но весьма важный факт, названный писателем «личной трагедией», заключавшейся в том, что он был вынужден отказаться от его природной речи, от ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного ему русского слога «ради второстепенного сорта английского языка» [11, с. 385]. В остальном же ощущать себя европейцем в Америке для Набокова было значительно комфортнее и приятнее, чем русским изгнанником в Европе: здесь его книги понимали и принимали, его авторитет не ставился под сомнение, а его творческие открытия оценивались по достоинству.

Однако несмотря на это, писатель все же чувствовал свою инородность, особенно поначалу. Протагонисты его первых англоязычных произведений в полной мере отражают эту особенность: живя в Америке, они не являются американцами. Так, Себастьян Найт – наполовину русский, наполовину англичанин, Гумберт Гумберт – европеец смешанного происхождения, Пнин – русский. Более поздние романы, написанные по-английски, населены героями, которые воспринимаются, скорее, как космополиты, чем европейцы или американцы, по аналогии с тем, как

стал воспринимать себя и сам Набоков, чьи произведения получили мировое признание. В 1960 году домом писателя стал весь мир, а местом проживания – отель в Швейцарии.

Исследователями творчества Набокова-Сирина неоднократно выявлялись как черты идиостиля писателя, характеризующие оба творческих периода, так и особенности, свойственные только определенному этапу. Однако и сходные, и отличительные черты весьма условны. Примечательно, что начиная с критических работ В. Ходасевича, молодого писателя В. Сирина обвиняли в «нерусскости», «механистичности» прозы, отсутствии в ней «идейности», «человечности» и «живых людей», однако в то же время именно эти характеристики – условность, ироничность, интертекстуальность, сознательная авторская отстраненность от героя и текста в целом – стали главной приметой зрелого творчества В. Набокова, его «ноухау».

Рассуждая о национальных и интернациональных чертах героев его романов, нельзя не оговориться, что это деление также весьма условно и не предполагает разграничение этих черт на «положительные» и «отрицательные». Писатель отмечает как плюсы, так и минусы характеров своих персонажей, которые имеют как национальную, так и интернациональную природу. Набоков-писатель не разделяет протагонистов на героев и антигероев, на своих и чужих, на русских и иностранцев, однако в системе образов его персонажей возможно выделить определенные закономерности, которые отражают специфику мировоззрения Набокова-человека.

Так, к чисто русским чертам можно отнести характеристики, присущие лучшим героям его ранней прозы (Ганину, Эдельвейсу, Лужину, Годунову-Чердынцеву): острое переживание ностальгии, бесстрашие, героизм, честь, искренность, наивность, склонность к саморефлексии, готовность к самопожертвованию, одаренность и др. Интернациональными чертами могут считаться те, которые отличают героев его зрелых произведений: авантюризм, космополитизм, изобретательность, криминальные наклонности, способность к творческому самовыражению, умение выживать и др. В то же время парадокс творчества Набокова состоит в том, что оно плохо укладывается в рамки каких-либо концепций и теорий. Так, например, один из самых русских типажей Набокова – профессор Пнин – был

создан на английском языке в Америке (роман «Пнин»), а самые интернациональные герои (Драйер, Франц, Кречмар, Горн) вышли из-под пера русского писателя Сирина.

Билингвизм Набокова – еще одна тема многочисленных научных исследований как российских, так и зарубежных ученых. Попытки расшифровать причины успеха Набокова как писателя-билингва порой бывают весьма оригинальны и продуктивны. Одной из таких работ может считаться статья М. Виролайнен, посвященная осмыслению феномена набоковского двуязычия, автор которой справедливо называет английский язык Набокова «инобытием русской речи» [3, с. 264]. И это действительно так, поскольку, определяя себя как американского писателя, Набоков, тем не менее, обращается к западному читателю с русской темой. Исследователь Дж. Розенгрант отмечает, что в мировой литературе, помимо Набокова, нет других примеров писателей-билингвов, которые создали бы такое количество знаковых произведений на обоих языках, как он [13, с. 932], а российский набоковед А. М. Люксембург добавляет, что двуязычие неизменно интересовало писателя и как факт собственной биографии, и как предмет исследования [7, с. 15]. Сам же Набоков при необходимости определить свою языковую принадлежность говорил, что чувствует себя американским писателем, который был рожден в России [9, с. 568].

Стать англоязычным писателем Набокова вынудили обстоятельства жизни, очень похожие на те, которые заставили его еще совсем молодым покинуть родину: в 1940 г. над Францией сгустились грозные тучи гитлеровского нашествия, и Набоков, спасая жену и сына, эмигрировал в Америку. На первый взгляд может показаться, что Набокову в очередной раз повезло: как когда-то в 1919 г. с детства знакомый английский стал языком, на котором он продолжил образование в Лондонском Тринити колледже, так и двадцать лет спустя именно английский стал языком для продолжения творческой деятельности. Но не все так однозначно. Этот переход из одного языкового пространства в другое вовсе не был плавным и безболезненным.

В стихотворении «К России» (1939), написанном накануне отъезда в Америку, Набоков признается, что готов сделать все: отказаться от собственного имени, книг

на родном языке, снов, в которых ему является Родина, чтобы навсегда избавиться от болезненных напоминаний о ней.

Главное «заклинание» из стихотворения Набокова осуществилось, и довольно скоро: уже через год «все, что есть» у него, он сменит на эмоционально бедное по сравнению с русской речью американское «наречие» английского языка. Но русским писателем Набоков быть не перестанет. Примечательно, что это стихотворение позднее было переведено Набоковым на английский язык, причем его размер и смысл автору удалось сохранить с предельной точностью.

Официальный биограф писателя Б. Бойд отмечает, что Набоков, прежде чем посвятить себя иноязычной литературе, внес такой масштабный вклад в литературу родную, равного которому едва ли можно найти в творчестве какого-либо другого писателя-билингва: «При владении русским и английским, в котором Набокову не было равных, он занимал уникальное положение, позволяющее ему ввести русскую литературу в англоязычный мир» [2, с. 382]. Действительно, перейдя на английский язык, Набоков сделал для русской литературы больше, чем многие другие писатели-эмигранты, принявшие решение продолжать творить на русском языке: его многочисленные переводы, комментарии, включая титанический труд по комментированному переводу «Евгения Онегина», лекции по русской литературе – все это вдохнуло в тексты русской классики новую жизнь, сделав их доступными для новой и весьма многочисленной читательской аудитории за океаном. Немаловажно, что все это делалось в ущерб собственному оригинальному творчеству, поскольку в этой работе писатель видел свой гражданский долг перед отечеством, которого в привычной ему форме уже не существовало. В одном из интервью на вопрос о том, чувствует ли он себя все еще русским, прожив столько лет в Америке, Набоков признается, что по-прежнему ощущает себя русским и считает свои русские произведения своего рода данью России. Это утверждение, на наш взгляд, справедливо и в отношении англоязычных произведений писателя. Ведь и все англоязычные его работы – дань любви и памяти стране, которая сформировала Набокова как человека и писателя.

Как справедливо отмечено в одной из статей, посвященных авторскому сознанию, в любой национальной литературе можно отметить наличие «некоей знаковой творческой фигуры, которая тем или иным образом определяет векторы ее художественности» [12, с. 73], а значит Набоков вполне может претендовать на роль подобной фигуры, причем не только для русской, европейской, но и для американской литературы XX века. Украинский набоковед А. Н. Костенко в диссертации, посвященной билингвизму как творческому импульсу, утверждает, что художественный мир Набокова как система формируется в русскоязычном творчестве и базируется на менталитете и традициях русской культуры, при этом испытывая влияние западноевропейской, в первую очередь, немецкой и французской культур [6, с. 8]. Эти наблюдения исследователя представляются также весьма справедливыми, поскольку не противоречат ни объективной реальности, ни субъективному мнению самого Набокова, который как-то произнес всем известную сегодня фразу: «Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски», подчеркнув тем самым равную значимость культуры России, Европы и Америки, впитанные им, для его писательской и человеческой идентификации.

ВЫВОДЫ

Итак, в «сиринский» период творчества Набоков ни в коей мере не должен восприниматься как «русскоязычный» автор (то есть пишущий на русском языке, однако не принадлежащий русской литературной традиции), на чем настаивали многие его современники и критики. В. Сирин – совершенно русский писатель, хотя и, безусловно, автор-новатор, учитывающий в своей работе и веяния времени, и опыт предыдущего мирового литературного процесса.

В «набоковский» или англоязычный период писатель также не являлся чисто американским или европейским автором, поскольку все его творчество проникнуто острой тоской по России, тревогой о ее будущем, ностальгией по ее прошлому, что нашло свое отражение как на идейном, сюжетном, так и на персонажном уровне его романов.

Таким образом можно подытожить, что наследие Набокова-Сирина, русско-американского писателя-билингва XX века, представляет собой уникальный творческий феномен, органично сочетающий в себе как чисто национальные, так и интернациональные компоненты.

К перспективам исследования можно отнести дальнейшие изыскания в области национального и интернационального на материале набоковской драматургии и новеллистики.

Список литературы

1. Бойд, Б. Владимир Набоков: русские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2001. – 695 с.
2. Бойд, Б. Владимир Набоков: американские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.
3. Виролайнен, М. Э. Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности [Текст] / М. Э. Виролайнен // В. В. Набоков : pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 2. – С. 261–269.
4. Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове [Текст] / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 400 с.
5. Иванова, Н. П. Оппозиция «мечта – реальность» в крымском тексте Брюсова В. Я. [Текст] / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71), № 1. – С. 60–69.
6. Костенко, Г. М. Від Конрада до Набокова : білінгвізм та бікультурність як творчий імпульс : монографія [Текст] / Г. М. Костенко. – Запоріжжя: ЗНТУ, 2011. – 407 с.
7. Люксембург, А. М. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова : Английская проза Владимира Набокова [Текст] / А. М. Люксембург // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1997. – Т.1. – С. 9–23.

8. Медарич, М. Владимир Набоков и роман XX столетия [Текст] / М. Медарич // В. В. Набоков: pro et contra. – СПб. : РХГИ, 1997. – С. 454–475.
9. Набоков, В. В. Интервью в журнале «Playboy», 1964 г. [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум» 1997. – Т. 3. – С. 562–588.
10. Набоков, В. В. Интервью телевидению Би-би-си, 1962 г. [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум» 1997. – Т. 2. – С. 567–577.
11. Набоков, В. В. О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года) [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 1997. – Т. 2. – С. 379–385.
12. Остапенко И. В., Глухенькая Л. Н. Структура художественного языка лирического произведения как отражение мифологических стратегий авторского сознания (на материале стихотворения К. Э. Даффи «Энн Хэтэуэй») [Текст] / И. В. Остапенко, Л. Н. Глухенькая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71), № 4. – С. 73–90.
13. Розенгрант, Дж. Владимир Набоков и поэтика изображения. Двужычная практика [Текст] / Дж. Розенгрант // В. В. Набоков: pro et contra. – СПб. : РХГИ, 1997. – Т. 2. – С. 929–955.

References

1. Boid B. *Vladimir Nabokov: Russkie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2001. 695 p.
2. Boid B. *Vladimir Nabokov: Amerikanskie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: American Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2004. 928 p.

3. Virolainen M. E. *Angloyazychie Nabokova kak Inobytie Russkoi Slovesnosti* [English Language of Nabokov as a Different Being of Russian Literature]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 2001, Vol. 2, pp. 261–269.
4. Dolinin A. *Istinnaya Zhizn' Pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The True Life of the Writer Sirin: Works about Nabokov]. SPb.: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 400 p.
5. Ivanova N. P. *Oppozitsiya Mechta – Real'nost' v Krymskom Tekste Bryusova V. Ya.* [Opposition Dream – Reality in the Crimean Text of V. Ya. Bryusov]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 1, pp. 60–69.
6. Kostenko G. M. *Vid Konrada do Nabokova: Bilingvizm ta Bikul'turnist' yak Tvorchii Impul's: Monografiya* [From Conrad to Nabokov: Bilingualism and Multiculturalism as a Creative Impulse: Monograph]. Zaporizhzhya: ZNTU Publ., 2011, 407 p.
7. Lyuksemburg A. M. *Vivian Damor-Blok i Vivisektsiya Slova: Angliiskaya Proza Vladimira Nabokova* [Vivian Damor-Blok and Word's Vivisection: English Prose by Vladimir Nabokov]. Nabokov V. V. *Amerikanskii Period. Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 1, pp. 9–23.
8. Medarich M. *Vladimir Nabokov i Roman XX Stoletiya* [Vladimir Nabokov and the Novel of the 20th Century]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 1997, pp. 454–475.
9. Nabokov V. V. *Interv'yu v Zhurnale «Playboy», 1964 g.* [Interview in Playboy Magazine]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 3, pp. 562–588.
10. Nabokov V. V. *Interv'yu Televideniyu Bi-Bi-Si, 1962 g.* [BBC Television Interview]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 2, pp. 567–577.
11. Nabokov V. V. *O Knige, Ozaglavlennoi Lolita (Posleslovie k Amerikanskomu Izdaniyu 1958-go Goda)* [About the Book Entitled Lolita (Afterword to the 1958 American Edition)]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 2, pp. 379–385.

12. Ostapenko I. V., Gluhenkaya L. N. *Struktura Hudozhestvennogo Yazyka Liricheskogo Proizvedeniya kak Otrazhenie Mifologicheskikh Strategii Avtorskogo Soznaniya (na Materiale Stikhotvoreniya K. Je. Daffi Jenn Hjetjeujei)* [The Structure of the Artistic Language of a Lyric Work as Reflecting the Mythological Strategies of the Author's Consciousness (Based on the Poem Anne Hathaway by C. A. Duffy)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 4, pp. 73–90.
13. Rozengrant Dzh. *Vladimir Nabokov i Poetika Izobrazheniya. Dvuyazychnaya Praktika* [Vladimir Nabokov and the Poetics of the Image. Bilingual Practice]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 1997, Vol. 2, pp. 929–955.

V. SIRIN VS V. NABOKOV: NATIONAL AND INTERNATIONAL

Bespalova Ye. K.

The study attempts to compare and characterize the two periods of the writing activity of the Russian and American novelist V. Nabokov from the point of view of the psychology of creativity, and also solves the following problems: attention is paid to two types of author's self-identification; features of national and international poetics are highlighted; the author investigates the system of characters of the writer's novels from the position of their belonging to the Russian, European or North American cultural tradition.

To achieve the goal set in the work, a complex of biographic, typological, psychological and historical literary methods as well as a method for analyzing binary oppositions were used. The methodological base in the work is the scientific works of Russian and foreign researchers relating to the problem of the study.

The author's novel prose of both the Russian and English-speaking period of creativity, as well as his interviews and poetic works are mainly used as a material of the present research.

The article concludes that the work of Nabokov-Sirin is a unique synthesis of the Russian-American bilingual writer of the twentieth century, organically combining both purely national and international features. The further scientific perspectives of the study are also outlined.

Keywords: Nabokov, national, international, Europe, America, self-identification, psychology of creativity.

УДК 82. 091

**И. С. ШМЕЛЕВ И Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ:
К ПРОБЛЕМЕ «СВЯТОЙ ПЛОТИ»**

Гвоздик Т. С.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: tonyagvozdik277@gmail.com

В статье рассматривается проблема «святой плоти» в эмигрантской прозе Шмелева. Эта идея, являющаяся одной из стержневых в религиозной философии русского символизма Серебряного века, получает у Шмелева резко отрицательную оценку в письмах к философу И. Ильину. В то же время в переписке с О. Бредиус-Субботиной у Шмелева отмечается сакрализация эроса в духе идей Мережковского. И в творчестве Шмелева, как показывает анализ, есть целый ряд знаменательных переключек с идеями «святой плоти», духовного единства «земного» и «небесного», которые развивал Мережковский. В исследовании проводится сопоставление романов «История любовная» Шмелева и «Юлиан Отступник» Мережковского. В романе «Пути небесные» выделяется ряд мотивов, связанных с проблемой «святой плоти».

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, И. С. Шмелев, духовный реализм, литература русской эмиграции, религиозная философия, святая плоть.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественном литературоведении за Шмелевым закрепились репутация одного из самых последовательных выразителей православного сознания в русской литературе. Но при более глубоком анализе выясняется, что «отображение реального присутствия Творца в мире» [9, с. 6] опирается не только на святоотеческую традицию. Литературоведы, в частности, обнаруживают в творчестве Шмелева влияние идей В.С. Соловьева, философия которого, как известно, составила ядро «нового религиозного сознания» [2, 3, 5, 9].

В литературе русского зарубежья исследователи обычно противопоставляют «духовный реализм» (термин А. М. Любомудрова) художников-консерваторов, и в первую очередь Шмелева, религиозным исканиям модернистов. Однако именно в эмиграции наблюдается сближение и дружба Шмелева с К. Д. Бальмонтом, одним из столпов русского символизма, и А. В. Карташевым, богословом, в 1900-е гг. принадлежавшим кругу Д. С. Мережковского. Оба, и Бальмонт, и Карташев,

пережили в пореволюционную пору серьезную духовную эволюцию. Тоже самое можно сказать и о Шмелеве.

Сама замкнутость русского литературного процесса за рубежом способствовала более тесным творческим контактам представителей разных лагерей, большему вниманию изначально далеких в своих художественных устремлениях писателей к умунастроениям друг друга, а потому есть смысл разобраться в этой проблеме детальнее.

Цель данного исследования — продемонстрировать связь эмигрантской прозы Шмелева с идеями и художественной практикой Д. С. Мережковского, в творчестве которого выражается квинтэссенция «нового религиозного сознания», и показать сближение в эмигрантской литературе двух традиций – православной и модернистской.

Целью продиктовано решение следующих задач:

1. Рассмотреть оценку творчества Мережковского в эпистолярии Шмелева;
2. Охарактеризовать суть идей Мережковского;
3. Сопоставить «Историю любовную» Шмелева и «Юлиана Отступника» Мережковского;
4. Выделить круг идей и художественных мотивов, общих Шмелеву и Мережковскому.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Новое религиозное сознание», определившее своеобразие литературы Серебряного века, не утратило своей силы и в эмиграции. Виднейшим выразителем неохристианских идей за рубежом оставался Мережковский. Трилогия «Гайна Трех», созданная писателем в изгнании, ставшая проектом всей его жизни и итогом философских исканий, получила в среде писателей-консерваторов резко отрицательную оценку. Шмелев разделял негативное отношение к личности идеолога символизма. Писатель православного склада, автор «Лета Господня» категорически не принимал религиозно-философскую доктрину мыслителя: «Мережковский все “Лицо” ищет, и удачно устроился, в соавторстве так сказать со

Св. Духом – прости мне, Господи! Чешет из Писания, шепчет-лепечет, переписывает, закручивает, гадает, и так, и эдак, ан и превеликия книги получаютя. Но Пифия сия, как жучок-книгоед, – сам только питается-развлекается, да книги портит» [7, с. 290].

Как отмечает Я. В. Сарычев, за всей сложностью религиозно-мистических конструкций так называемой религии «Третьего Завета» для Мережковского стояла единственная онтологически значимая проблема – «проблема духа и плоти, либо, несколько уже – проблема пола, “половой вопрос”» [12, с. 14]. Данная концепция основывалась на идее Эроса – любви-страсти, из которой проистекает личность и «мистика» пола. Человек мыслится Мережковским как мистериальное существо, духовная энергия которого полностью направлена на стяжание «святого пола». В сжатом виде доктрина писателя сформулирована следующим образом: «Дух и плоть могут, и должны, сосуществовать в органическом единстве, но пол должен быть сначала «преображен»: дух должен быть освящен плотью; плоть должна быть оправдана духом. Чтобы слиться со Христом и во Христе, стать неотделимым от Него, человек должен принять Христом освященную плоть. Человеческая половая жажда есть влечение к трансцендентному: «Пол есть единственно возможное “касание к мирам иным, к трансцендентным сущностям”» [11, с. 342].

Вопреки декларируемому отрицанию идей мыслителя, эмигрантское творчество Шмелева показывает, что в круг волновавших его вопросов входили тематически и идейно соответствующие духу Серебряного века: грехопадение и стяжание святости, любовь плотская и духовная, соединение «земного» и «небесного». Сакрализация эроса достигает апофеоза в последнем романе Шмелева «Пути небесные», однако соответствующую тенденцию можно обнаружить уже в романе «История любовная».

На некоторые переклички в творчестве писателей доэмигрантского периода обратила внимание Т. Д. Белова. Исследовательница отметила типологическое сходство образов художников у Шмелева (повесть «Неупиваемая Чаша» (1918) и у Мережковского («Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», 1900) [7, с. 47], а также портретное сходство Анастасии Ляпуновой с Моной Лизой – двух роковых женщин в судьбах главных героев [1, с. 48]. По мнению Т. Д. Беловой, за всем этим у обоих

писателей стоит представление о художнике как носителе Божественного дара всевидения.

Знаменательно, что Шмелев в письме к О.А. Бредиус-Субботиной от 15.12.1941 г. негативно отзывался о великом полотне: «И какая загадка в Джоконде? Она просто “грязновата, сальновата, и... потновата”, и эти растянутые “сластуни-губки”, и рот, “ниточки”, такой “долгий лисий”, и раскосость лисья» [6, т. 1, с. 337]. Н. М. Солнцева подчеркивает, что плотский аспект живописи вызывает отторжение у автора «Истории любовной»: «Очевидна брезгливость Шмелева к растленной натуре. Таков Шмелев. Для него, например, чеховская Душечка во сто крат возвышенной Джоконды – лисы похотливой, как он писал о ней Бредиус-Субботиной» [13, с.137]. Однако нельзя сказать, что телесное не занимает Шмелева-художника.

В повести «История любовная» (1926-1927), посвящённой описанию первой любви шестнадцатилетнего Тони, писатель изображает момент знакомства неискушенного юноши именно с земным, плотским началом женской природы. Акушерка Серафима, женщина свободных нравов, недвусмысленно даёт понять неопытному юнцу, что готова бросить ему «корку с пира любви». Эту Серафиму (девушку с ангельским именем) главный герой сравнивает в своих письмах то с тургеневской героиней, то с богиней любви Венерой: «Да, вы для меня – лучезарная Зинаида, тоже “грешная” женщина, отдававшаяся безумной любви даже под хлыстом любимого человека! Я плачу, перечитывая ваши письма, вдыхаю аромат женщины! Да, вы женщина, как античная Венера, а я только „мальчик“ <...> ваш телесный образ божественно наполняет мою душу! <...> Вся вы, и ваша бессмертная душа, и ваше прекрасное и бессмертное для меня и святое тело! да, тело богини Венеры!» [14, т. 6, с.122–123].

Почти религиозное преклонение Тони перед женщиной заставляет вспомнить юного героя романа Мережковского перед статуей Афродиты в храме в романе «Христос и Антихрист. Юлиан Отступник». Мальчик в монашеских одеждах с благоговением опускается перед изваянием на колени и погружается в некое подобие сна. В этой дреме он чувствует мистическое присутствие богини: «она опускалась к

нему ближе и ближе; тонкие, белые руки обвилились вокруг его шеи. Ребенок отдавался с бесстрастной улыбкой бесстрастным объятиям. <...> *Душа его освобождалась от земной любви* (курсив наш. – Т. Г.)» [10, с. 53].

У Мережковского посвящение в служители любви происходит через постижение эротического начала. И если шмелевский Тоня переживает свой первый любовный опыт как падение (в бреду его преследуют образы огня, разъяренного быка и ощущение близкой гибели), то Юлиан полностью растворяется в экстатическом единении с богиней любви, после чего считает себя призванным всю жизнь служить ей. Однако само чувство героев – экзальтированное состояние влюблённости – описано авторами довольно схоже. По Мережковскому, это единственное состояние, в котором человеку доступно откровение Божественного знания, и только с ним связана возможность освящения плоти.

Это не означает, что писатель не различает Божественный эрос и похоть. С этой точки зрения особенно показателен эпизод в трилогии «Реформаторы», посвящённой жизнеописанию Мартина Лютера. Ощущение мертвенности плоти, изменности желаний, губительного для богопознающей души, передаётся через запах тела растленной женщины, которую Мережковский называет анти-Венерой, «перерожденной» богиней: «Бледный цветок могил, “тяжело пахнувший”, *baryodmos, страшно сладкий тленом любви-похоти* (курсив наш. – Т. Г.) – вот что такое Нарцисс. <...> Вдруг послышался из спальни, оттуда, где стояла постель, глубокий вздох; тишина сделалась мертвее, свет луны – ярче, *и сильнее запахло нарциссами – женским телом – тленом* (курсив наш. – Т. Г.) <...> И вся она была, как упоительно страшный, тленом «тяжело пахнувший» нарцисс» [11, с. 89].

У Шмелева сильный цветочный запах тоже становится признаком растленной природы. Ландышевым одеколоном, похожим на уксус, пахнет лучший друг Тони – Женька, променявший «запах порохового дыма и смоляных канатов» на кислые духи. Женька становится по отношению к Тоне в позу учителя «науки страсти нежной»: «*Моя* (курсив автора. – Т. Г.), во-первых, самая настоящая бельфам и пахнет ландышами! Роскошная ж-женщина...» [14, т. 6, с. 36]. Серафима, поначалу сравнивая для Тони разве что с Венерой, «роскошные формы которой пахнут

ландышами» [14, т. 6, с. 38], раскрывает тайну своего «запаха женщины»: «Вы угадали. Я всегда мою руки ландышевой водой. Это очень гигиенично» [14, т. 6, с. 210].

Ландышевый запах и в «Путях небесных» выступает лейтмотивом вождления. Подаренная Вагаевым корзина ландышей кружит Дариньке голову: «Какая радость – чистые цветы Божьи... и что они со мной сделали! <...> Те ландыши я приняла не светлой радостью, а озлоблением телесным и отдалась во власть похоти» [14, т. 5, с. 162], – вспоминает она позднее. Цветы, ассоциирующиеся с чистотой, непорочностью, весенним обновлением жизни, символизируют в романе совсем другое. Для героини ландышами пахнет все, что связано с соблазном. Запах ладана в заметном снегом храме мешает Дари молиться, потому что напоминает запах ландышей: «Пахло ландышами и здесь, – и то, что тревожило-таилось, молитвой неотметенное, начинало ее томить. Неотвязно одолевали мысли о приезде Вагаева, <...> старалась забыть, молиться. Но мысли томили и смущали» [14, т. 5, с. 178]. Сводня Тетя Пана душит Дариньку «парижским по-де-вьержем», напоминающими ландыши: «Ах, хороши! <...> право, как тельцем пахнут, девичьей “пошкой”. Поклонник, а? Вспы-хивает, как институтка. На то и цветочки...» [14, т. 2, с. 163].

Ландышевый запах становится у Шмелева запахом порока. Тоня и Даринька представляют собой у Шмелева один духовный тип, они оба переживают «ландышевое» наваждение и высвобождаются от этого дурмана. Однако в одорической символике в «Истории любовной» и «Путях небесных» есть не бросающаяся в глаза, но существенная разница. В «Истории любовной» ландышевый аромат дан в сниженном, парфюмерном варианте, он призван подчеркнуть антиэстетизм, отталкивающее безобразие греха. В эпизодах же с Вагаевым в «Путях небесных» фигурируют живые цветы, происходит нечто обратное: автор эстетизирует влечение Дариньки к Вагаеву и в пространных описаниях переживаний героини художнически оправдывает соблазн.

М. М. Дунаев считал «Историю любовную» произведением, свидетельствующим о духовной зоркости, которая лежит в основе авторской позиции. Исследователь делал акцент на следующих словах Шмелева: «Я особенно

глубоко почувствовал, <...> что есть две силы: добро и зло, чистота и грех, – две жизни! Чистота и – грязь... что разлиты они в людях, и люди блуждают в них» [4, с. 135].

Эта двойственность, действительно, характерна для героинь Шмелева, и авторская позиция, как правило, лишена оттенков: вот Мадонна, а вот блудница. Характер Серафимы в «Истории любовной» подчеркнута лукав, несколько даже карикатурен. Писатель собрал в одном образе полярные качества, не способные сосуществовать в единстве, – выдуманное высокое и реальное низкое. Серафиме в повести противопоставлен не менее противоречивый образ Паши – блондинки с сине-голубыми глазами, девочки-служанки в доме Тони, вначале «прыгающей сорокой» перед юношей, а потом ушедшей в монастырь.

В «Путях небесных» Шмелев продолжает эту тему. Паня – как бы первый эскиз к образу Дариньки. Но при этом позиция автора претерпевает существенные изменения. Вопреки названию последний роман Шмелева, если воспользоваться его собственным выражением, отражает именно «духовные блуждания» героев. При этом позиция писателя ближе всего к идее «святой плоти», которой все позволено: «При помощи познания ее красоты, овладения ею через ее тело, через плотскую любовь», «от прелюбодеяния – от смешения – родилась носительница двух начал» [14, т. 5, с. 442], – рассуждает автор о «небесных путях» главной героини.

Двойственно и отношение Вейденгаммера к своей возлюбленной. В его восторге мешаются благоговение и вождление, эротическое воспринимается как сакральное. «Я мог упасть перед ней, ставить ей свечи, петь ей молитвы, тропари, как... Пречистой!» Православный человек не может не понимать, что такие молитвы – кощунство. «Но в этом кощунстве не было ничего греховного», – утверждает шмелевский герой. Начало своего невенчанного брака, он называет «ночью откровения»: «Не грех тут, а для чего-то нужно» [14, т. 5, с. 54].

Для достижения полной свободы и святости, по мнению Мережковского, необходимо преодолеть нравственный закон. Именно нравственные ограничения, по его логике, не дают человеку перейти в царство свободы, удерживают в рамках дуального восприятия мира. Как отмечал Н. О. Лосский, две открытые

Мережковским бесконечности в мире, – верхняя и нижняя, дух и плоть, – для мыслителя мистически тождественны: «Поэтому он любит повторять в своей трилогии «Христос и Антихрист» следующие строки:

Небо – вверху, небо – внизу,
Звезды – вверху, звезды – внизу,
Все, что вверху – все и внизу» [8, с. 393].

Но те же слова рефреном звучат в письме Шмелева к Бредиус-Субботиной от 17 июля 1946 г., когда писатель пространно рассуждает о разнице между любовью и влюбленность, любовью плотской и любовью небесной, любовью к женщине и любовью к жене. Описанное Шмелевым «дно любви», в котором видно небо, есть не что иное, как две, слитые в одну, бездны-бесконечности Мережковского:

«Прости... – ?
Прости меня, моя родная,
Что отемнил твою мечту,
Что в ласке смел коснуться дна я,
А не вознес на высоту.
<...>
Видала дно и ты, дружочек,
Прознала сердцем тайну ту,
Что небо в звездах и прудочек
Любовь возносят в высоту.

Очами девственно внимала
Что звезды светят и на дне,
И как же чутко понимала...
– Что не мутнеют там оне!..»

«Для нас, в нас, в нашей земной любви – неба отраженье, Оля. <...> Ты не вся права: дно я видел, любви-то... но и там блистали звезды! Да, я в тебе вижу, – пусть

как женщину тебя люблю порой – небо. Так свято и смотрю в него <...>» [6, т. 2, с. 506-507], — убеждает Шмелев свою корреспондентку.

Письма к Субботиной могут служить эпистолярным комментарием к тем страницам «Путей небесных», где автор подчеркнуто, можно сказать принципиально не различает эротическую страсть и христианскую любовь. В письмах к Бредиус-Субботиной прославляется эрос, освобождающий человека от нравственной ответственности, постоянная влюбленность рассматривается как свидетельство истинности чувства. В сущности, Шмелев поэтизирует то эротическое напряжение, в котором видит божественное начало Мережковский.

ВЫВОДЫ

Противопоставление модернистской и консервативной традиции в русской литературе первой половины XX века одновременно обостряется и нивелируется в эмиграции: многие писатели-антиподы за рубежом оказались созвучнее друг другу, чем были в дореволюционной России. В частности, модернистские религиозные идеи оказали влияние и на течение духовного реализма. Эмигрантское творчество Шмелева свидетельствует о том, что он не остался равнодушным к синтезу категорий «земное» и «небесное», прорабатываемому представителями «нового религиозного сознания». Философская система Мережковского, жестко критикуемая Шмелевым в размышлениях о литературе общего характера, в художественном плане оказалась ему весьма близкой.

Если в «Истории любовной» при сравнении с «Юлианом Отступником» позиция Шмелева отличается большим традиционализмом при выраженном сходстве описаний, то в «Путях небесных», в переписке с Бредиус-Субботиной для Шмелева характерна сакрализация эроса в духе Мережковского. Образы двух неразрывно связанных бездн и одорическая символика у двух писателей также свидетельствует о соответствиях художественно-философского порядка.

Проблема «Шмелев – Мережковский» требует дальнейшей разработки и является актуальным направлением при анализе эмигрантского наследия писателей.

Остается открытым и вопрос о влиянии «нового религиозного сознания» на «духовный реализм» в русском зарубежье в целом.

Список литературы

1. Белова, Т. Д. Концепция искусства и образы художников в русской прозе Серебряного века (Мережковский, Горький, Шмелев и другие) [Текст] / Т. Д. Белова // И. С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Материалы международных научных конференций Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – С. 44–51.
2. Борисова, Л. М. Продолжение «Золотого века»: «Пути небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа [Текст] / Л. М. Борисова, Я. О. Дзыга. – Симферополь, 2000 – 227 с.
3. Дзыга, Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы: монография [Текст] / Я. О. Дзыга. – М.: БУКИ ВЕДИ, 2013. – 348 с.
4. Дунаев, М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. I–II. [Текст] / М. М. Дунаев. – Изд. 2-е, испр., дополн. – М. : Христианская литература, 2001. – 736 с.
5. Захарова, В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева : монография [Текст] / В. Т. Захарова. – Нижний Новгород : Минский университет, 2015. – 106 с.
6. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах : в 2 т. [Текст] / предисл., подгот. текста и коммент. О. В. Лексиной, С. А. Мартяновой, Л. В. Хачатурян. – М : Российская политическая энциклопедия, 2003–2005.
7. Ильин, И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934) [Текст] / И. А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.
8. Лосский, Н. О. История русской философии [Текст] / Н. О. Лосский. – М. : Советский писатель, 1991. – 480 с.

9. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев [Текст] / А. М. Любомудров. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 272 с.
10. Мережковский, Д. С. Собрание сочинений в 4 томах [Текст] / Д. С. Мережковский // Сост. и общ. ред. О. Н. Михайлова. – М. : Изд-во «Правда». – 1990.
11. Мережковский, Д. С. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики [Текст] / Редкол. : О. А. Коростелев, А. Н. Николокин, С. Р. Федякин. – М.: Республика, 2002. – 543 с.
12. Сарычев, Я. В. Религия Дмитрия Мережковского : «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение [Текст] / Я. В. Сарычев. – Липецк : «ГУП «ИГ ИНФОЛ», 2001. – 224 с.
13. Солнцева, Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество : Жизнеописание [Текст] / Н. М. Солнцева. – М. : Эллис Лак, 2007 – 512 с.
14. Шмелев, И. С. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 6. История любовная [Текст] / И. С. Шмелев. – М. : Русская книга, 1998. – 480 с.

References

1. Belova T. D. *Kontseptsiya Iskusstva i Obrazy Khudozhnikov v Russkoi Proze Serebryanogo Veka* (Merezhkovskii, Gor'kii, Shmelev i Drugie) [The Concept of Art and Images of the Artists in the Russian Prose of the Silver Age (Merezhkovsky, Gorky, Shmelev and Others)]. *I. S. Shmelev i Problemy Natsional'nogo Samosoznaniya (Traditsii i Novatorstvo). Materialy Mezhdunarodnykh Nauchnykh Konferentsii Shmelevskie Chteniy a 2011 i 2013 gg.*, Moscow: IMLI RAN Publ., 2014, pp. 44–51.
2. Borisova L. M. *Prodolzhenie Zolotogo Veka: Puti Nebesnye I. S. Shmeleva i Traditsii Russkogo Romana* [Continuation of the Golden Age: I. S. Shmelev's Heaven's Ways and Traditions of the Russian Novel]. Simferopol, 2000. 227 p.
3. Dzyga Y. O. *Tvorchestvo I. S. Shmeleva v Kontekste Traditsii Russkoi Literatury* [I. S. Shmelev's Work in the Context of Traditions of Russian Literature]. Moscow: BUKI VEDI Publ., 2013. 348 p.

4. Dunaev M. M. *Pravoslavie i Russkaya Literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]: in 6 Parts. Part. I–II. Moscow: Khristianskaya Literatura Publ., 2001, 736 p.
5. Zakharova T. V. *Poetika Prozy I. S. Shmeleva: Monografiya* [Poetics of I. S. Shmelev's Prose: Monography]. Nizhny Novgorod, Minsk University Publ., 2015. 106 p.
6. *I. S. Shmelev i O. A. Bredius-Subbotina. Roman v Pis'makh* [I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina. Novel in Letters]: in 2 Vol. Pref., prep. work and comment. by O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturia. Moscow: Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2003–2005.
7. Il'in I. A. *Sobranie Sochinenii: Peregiska Dvukh Ivanov (1927–1934)* [Collected Works: Correspondence of Two Ivans (1927 – 1934)]. Ed., introd. and comment. by Yu. T. Lisitsa; Deciph. and prep. work by O. V. Lisitsa; Ill. by L. F. Shkano. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 2000. 560 p.
8. Losskii N. O. *Istoriya Russkoi Filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ., 1991. 480 p.
9. Lyubomudrov A. M. *Duhovnyi Realizm v Literature Russkogo Zarubezh'ya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in Russian Diaspora Literature: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. SPb.: Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 272 p.
10. Merezhkovskii D. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]: in 4 Vol. Moscow: Pravda Publ., 1990.
11. Merezhkovskii D. S. *Sobranie Sochinenii. Reformatory. Ispanskie Mistiki* [Collected Works. Reformers. Spanish Mystics]. Ed. by O. A. Korostelev, A. N. Nikolyukin, S. R. Fedyakin. Moscow: Respublika Publ., 2002. 543 p.
12. Sarychev Ya. V. *Religiya Dmitriya Merezhkovskogo: Neokhristianskaya Doktrina i Yeyo Khudozhestvennoe Voploshchenie* [Religion of Dmitry Merezhkovsky: Neo-Christian Doctrine and its Artistic Embodiment]. Lipetsk, GUP IG INFOL Publ., 2001. 224 p.
13. Solntseva N. M. *Ivan Shmelev. Zhizn' i Tvorchestvo: Zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Creative Work: Biography]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2007, 512 p.
14. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]: in 8 Vol. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1998-2000.

**I. S. SHMELEV AND D. S. MEREJKOVSKY:
TO THE ISSUE OF "HOLY FLESH"**

Gvozdik T. S.

Summary. The article studies the problem of "Holy Flesh", one of the key ideas in the religious philosophy of Russian symbolism of the Silver Age proclaiming the spiritual unity of the "earthly" and "heavenly" elements, in the emigrant prose of Shmelev. The research shows that while rejecting the idea of "Holy Flesh" in letters to the philosopher I. Ilyin, Shmelev himself sacralized eros in correspondence with O. Bredius-Subbotina. The research also reveals a number of references to the ideas of Merezhkovsky's "Holy Flesh" in the creative work of Shmelev. The article compares the novels "Love Story" by Shmelev and "Julian the Apostate" by Merezhkovsky. It discovers a number of motives related to the problem of "Holy Flesh" in the novel "The Ways of Heaven".

Keywords: D. S. Merezhkovsky, I. S. Shmelev, spiritual realism, literature of Russian emigration, religious philosophy, holy flesh.

УДК 398.81 (=512.145)

РОДОВИЙ І ЖАНРОВИЙ СИНКРЕТИЗМ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ ЛІРИЧНОЇ ПІСНІ

Гуменюк О. М.

**Кримський інженерно-педагогічний університет імені Февзі Якубова
Сімферополь, Росія
E-mail: uktlit_tnu@mail.ru**

У статті розглядаються характерні зразки кримськотатарської фольклорної лірики, яким притаманний родовий і жанровий синкретизм, в художній структурі яких поруч із провідним ліричним струменем виразні драматичні, а також епічні аспекти. Найбільш давнім ліричним жанром кримськотатарського пісенного фольклору вважається макам. У цьому жанрі відтворюються душевні страждання ліричного героя з допомогою мальовничих метафор, експресивних інтонацій. Тут певною мірою окреслюється зовнішній драматизм, пов'язаний з конфліктом ліричного героя із середовищем, але найбільш виразний внутрішній драматизм, який полягає в передачі інтенсивних душевних переживань. Характерними для макамів є розлогі розпиви та філософічні медитації.

Натомість іншому різновиду кримськотатарського позаобрядового пісенного фольклору притаманні здебільшого легкі грайливі ритми. Цим пісням властива чітка соціальна конкретика й особливе тематичне розмаїття. Це пісні любовні, трудові, солдатські, емігрантські тощо. Прикметною рисою таких фольклорних творів є поява поруч з основним ліричним плином не лише драматичних, а й епічних аспектів. Підпорядкований ліричному сюжету, передачі розвитку душевних переживань, епічний сюжет переважно не окреслюється безпосередньо, а з'ясовується з допомогою промовистих образних деталей.

Ключові слова: фольклор кримських татар, лірична пісня, поетика, родовий і жанровий синкретизм.

ВСТУП

У статті «Про вивчення фольклору кримських татар», у якій детально розглядається стан наукового осягнення національної уснопоетичної творчості, відомий вчений Рефік Музафаров зазначає: «З усіх жанрів кримськотатарського фольклору, можна сказати, особливо пощастило пісенному жанру» [7, с. 111]. Справді, на час виходу цитованої статті (1976) вже були опубліковані ґрунтовні фольклорні збірники й наукові розвідки Олексія Олесницького [8], Яг'ї Шерфедінова [10], Асана Рефатова [12], інших фольклористів, які внесли великий вклад у справу збирання й популяризації народної пісні кримських татар, її класифікації, вивчення соціально-історичних умов її виникнення й побутування. Більш детально про доробок зазначених фольклористів йдеться в одній з моїх відповідних публікацій [5]. Пізніше з'явилися здебільшого оснащені передмовами й

коментарями нові капітальні збірники Я. Шерфедінова [9; 11], Февзі Алієва [1], Ільєса Бахшиша [2.], Аблязіза Велієва й Сервера Какури [3.] тощо. В існуючих публікаціях звертається увага на особливе жанрово-тематичне, інтонаційне й ладове багатство кримськотатарської народної пісні, продиктоване зокрема тим, що зберігаючи свою орієнтальну неповторність, вона ввібрала в себе художні здобутки багатьох інших народів, долі яких тією чи іншою мірою пов'язані з Кримом. На своєрідності кримськотатарської народної пісні, яка не нівелюється, а увиразнюється внаслідок засвоєння пісенних традицій інших етносів, наголошує, наприклад, Анатолій Луначарський у передмові до фольклорного збірника, виданого збирачем уснопоетичної творчості Аркадієм Кончевським у 20-х роках ХХ століття: «Високо обдарований тюркський народ на півострові, де перетиналися шляхи стількох народів, де перехрещувалися впливи сходу і заходу, не міг не розгорнути цілком своєрідної м'якої, яскравої та поетичної культури. Все це якнайкраще дається взнаки в піснях кримських татар, які вражають вишуканим поєднанням східних та західних мелодій і своєю, рідко в якійсь іншій народній пісні стріваною, витонченістю» [6, с. 4].

В контексті жанрово-стильової багатогранності пісенного фольклору кримських татар можна говорити й про притаманний йому родовий і жанровий синкретизм, який ще не був предметом окремого дослідження, чим і зумовлена наукова новизна запропонованої публікації.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

Фольклор значно ближчий, аніж професійна художня творчість, до міфологічного синкретизму, який можна трактувати зокрема як зародкову єдність в архаїчному світосприйманні певних аспектів пізнішої духовної культури. На це звертає увагу Олександр Веселовський, зазначаючи, що «в поезії обряду, загалом найбільш давньому показнику поетичного розвитку, поєднані в наївному синкретизмі всі роди поезії, наскільки вони визначаються зовнішніми ознаками форми: і драма в дії, і діалог хороводу, й епічна оповідь, і лірична пісня; більше того: усе це в поєднанні з музикою, яка тривалий час супроводжує продукцію тієї чи іншої

поетичної форми, що послідовно виділятиметься із безсторонності обрядової поезії: співатимуть і епос, і лірику, і в драмі буде присутній музичний елемент» [4, с. 53]. Уже в цих словах можна углядіти наголос на тому, що синкретизм, вочевидь, уже не «наївний», себто відмінний від притаманного давній обрядовій поезії, виразно спостерігається і в народній творчості пізнішого часу. Коли з обрядової поезії викристалізуються відносно незалежні один від одного ліричні, епічні й драматичні жанри, то все ж у їхній стильовій структурі попередня спорідненість не зникає, а часто доволі відчутно дається взнаки. Це засвічує й фольклорна лірика кримських татар.

Пісенна лірика належить до найбільш поширених жанрових різновидів кримськотатарського фольклору. До більш-менш чітко означуваних жанрово-тематичних груп народної позаобрядової лірики кримських татар можна віднести такі пісні як любовні (їх часто означають як ліричні – у вузькому сенсі), родинно-побутові, трудові (зокрема чабанські), емігрантські, солдатські, жартівливі.

З огляду на складність, а, може, й неможливість застосувати єдиний критерій у визначенні того чи іншого художнього, зокрема й фольклорного, жанру, а також з урахуванням такого вагомого чинника жанрової специфіки зразків уснопоетичної творчості як спосіб виконання, зокрема відношення до музики, доречно виокремити такий жанровий різновид кримськотатарського пісенного фольклору як макама. Цей жанровий різновид пісенної лірики вважається дуже давнім. Чи не найбільш характерною рисою цього ліричного пісенного жанру є глибоко притаманний йому драматизм. Кримськотатарським макамам, у яких провідним є мотив нещасливої любові, властива особлива емоційна насиченість, органічно поєднана з філософічною медитативністю, вони дуже вигадливі й вишукані у своїй поезиці, що зокрема засвідчує метафорична мальовничість та лаконічна містка символічність їх образного ладу, найбільш характерною рисою їхнього небуденного музичного звучання є розлогі розспіви.

До таких печально прекрасних пісень належить «Сейлетме бени» («Не змушуй мене говорити»). Мальовничі контрастні протиставлення картин світлого полум'яного минулого й невтішного сьогодення не лише посилюють заявлену на

початку пісні експресивність, а й розвивають також означену вже в перших рядках (життя – важкий тягар) художню філософічність, яка окреслюється зокрема в міркуваннях про долю й недолю, про минущість життєвих радощів і тлінність буття. Контрастність як спосіб організації поетичного ладу виявляється тут не лише в характері образності, а й на інших рівнях художньої структури пісні. Інтенаційна експресивність, увиразнена в музиці широкими виспівуваннями, невіддільна від чіткої ритмічної розміреності. Загалом чіткий ритм – і музичний, і особливо віршований (лаконічні рядки кожен з неодмінною цезурою посередині й ударним закінченням) – своєрідно підкреслює затуляту рішучість ліричного героя, його цілковиту впевненість у неможливості повернення згаслих надій. Важливу художню функцію виконують в цьому сенсі і повторюваність другого рядка в кожній з дворядкових строф, і скріпленість першої та другої пар строф (відповідно першого й другого, а потім третього й четвертого куплетів) спільними ударними римами, багатими й повнозвучними (*aaaa, bbbb*). Завершальний дворядковий куплет, який не має подібної римованої пари, сприймається як остаточна крапка, як печальна квінтесенція попередньої журливої патетики й медитативності.

Музичний текст пісні «Сейлемте бени» гармонійно поєднується з текстом поетичним та увиразнює його. По-своєму узгоджується з властивою твору медитативністю спокійно-розміреним плин доволі одноманітної мелодії, побудованої на поєднанні довгих, ніби завислих, та коротших нот. Пройнятий паузами, цей плин також посилює відчуття журливої самоти. Разом з тим мелодія своєрідно орнаментується чергуванням коротших та довших розспівів, значною кількістю форшлагів, синкопами, пунктирними наголосами, що передають інтенсивність душевних переживань ліричного героя і відповідають динаміці образного ладу пісні. Відзначена динаміка виявляється і в тому, що тут поруч із традиційним для східної музичної поезики ступеневим рухом мелодійної лінії і при не дуже широкому діапазоні мелодії (терція через октаву) стрічаються стрибки на кварту і квінту.

У цьому, як здебільшого і в інших макамах, суб'єкт ліричної оповіді висловлює свої душевні болі, особливо не вдаючись до з'ясування їхніх причин. Його переживання не раз сягають мало не космічних масштабів. Вони настільки

інтенсивні, що він часто порівнює себе з меджнуном. Меджнун – безтямно закоханий, ошалілий від любові. Це слово набуло загального значення, хоча походить від прізвиська героя давньої арабської легенди про Лейлі та Меджнуна, яка стала основою славетних поем Нізамі Гянджеві, Алішера Навої, інших авторів (досить виразний знак зв'язку кримськотатарського фольклору з традиціями великої поезії Сходу).

Згідно із суфійською традицією любов у подібному поетичному тексті, здебільшого позбавленому соціально-побутової конкретики, не раз може трактуватися в дуже широкому сенсі й символізувати насамперед любов до Бога, а також до буття, природи, рідного краю... Тож тим більше відзначений глибокий драматизм розглянутого фольклорного твору виявляється відповідним не лише потерпанням безталанно закоханого, а й будь якої чутливої знедаланої людини. Тож не дивно, що фольклорист Аблязіз Велієв записав один з раніше не відомих варіантів цього давнього макаму у 1999 році від кримчанки Неджібе Ісмаїлової, котра повернулася в рідний край з далеких місць депортації. Цей варіант пісні, в якій з особливою зворушливістю розкривається глибина людських страждань, органічно доповнює пісню виселення «Энди бизге Къырым къайда?» («Як же нам оце без Криму?»). Обидва ці фольклорні твори, записані від Н. Ісмаїлової, вміщені в збірнику емігрантських (муаджирських) пісень [3, с.110–101].

Не менш вишуканий розлогий макам «Сом сырмадан акътыр» («Біліше сріберної ниті»). Суголосна вигадливості народних орнаментів структурно-композиційна складність та вишуканість, піднесення ліричної експресивності мало не до епічної масштабності, конкретно-побутова й символічна промовистість лаконічних образних деталей, ефектна звукова організація строф (поєднання переважно білого вірша з багатством внутрішніх співзвуч та перегуків) – усе це напрочуд гармонійно підпорядковано виразній, психологічно проникливій передачі зворушливих переживань безталанно закоханого, враженого житейською гіркотою ліричного героя. Мотив гіркої розлуки, органічне поєднання в провідному ліричному викладі драматичних та епічних стильових аспектів невіддільні від вигадливої

метафоричності й символіки. Суттєва зокрема, така символічна деталь як хустка, пов'язана з постаттю коханої.

Мотив безталанного кохання, поєднаний з мотивом сирітства, зумовлює особливу емоційну насиченість пісні «Атадан оксуз кьалгъанман» («Без батька сиротою лишився я»). Поруч з емоційною наснаженістю, яка швидше вгадується, ніж виявляється безпосередньо, вражає духовна сила ліричного героя, його мужнє ставлення до найжорстокіших життєвих випробувань. Тут ідеться про готовність стерпіти найбільші душевні муки, коли вони пов'язані з любов'ю. Ймовірно, що любов, навіть безталанна, додає духовних сил ліричному герою. Стриманість, прихованість емоцій виявляється в обсязі й структурі пісні, особливому її лаконізмі – тут усього лише два короткі чотирирядкові куплети без жодних повторів чи приспівів. У цій пісні домінує традиційний, часто стріваний у кримськотатарському фольклорі образ палаючого вогню як аналогу не просто бурхливих, а саме пекучих, страждених любовних почуттів. Ліричний герой порівнює себе з деревом, яке палає в тім вогні. Але навіть такі вражаючі, так виразно відчуті й передані муки він ладен терпіти.

Мелодія пісні журлива, стримана, переважає плавкий ступеневий рух, часом помережаний ферматами й паузами, покликаними увиразнити почуття тужливої самоти. Цей простий рух ледь-ледь ускладнюється поодинокими форшлагами, загалом нетривалими розспівами. Лише один-єдиний розспів (посеред третього рядка, в якому на якусь мить проривається болісна збентеженість) вельми розлогий, позначений нотою з ферматою та ще п'ятнадцятьма нотою.

За своїм характером близькі до пісні «Атадан оксуз кьалгъанман» («Без батька сиротою лишився я») такі фольклорні твори як «Кяи, кяи акъан сувлар» («Тихі, тихі води»), «Мердиведен енеркен» («Сходами додолу»). Вкрай лаконічні, але емоційно та образно насичені пісенні мініатюри досить широко представлені в кримськотатарському фольклорі.

Певною мірою близька до макаму, зокрема й з огляду на присутні в музичному тексті широкі розспіви, пісня «Он биринджи айларда горюнди дагълар» («Лиш на одинадцятий місяць прозирнули гори»). Взаємодія ліричних, епічних та драматичних

аспектів вельми суттєва у художньому світі цього фольклорного твору. Він належить до яскравих зразків поетичної мариністики, доволі поширеної в кримськотатарській фольклорній ліриці. Для пісні характерне відтворення загрозливої для корабля і його команди морської бурі й піднесення експресивних пейзажних картин до символічних вимірів. Тут маємо значно більше конкретних реалій, аніж в інших подібних піснях, чіткіше з'ясовано причини виразно окресленої тривоги. Одинадцять місяців, а може й більше ліричний герой разом з іншими моряками був відірваний від рідної сторони, його корабель, ледве відпливши від далекого порту, потрапив у густий туман, зрештою в жорстоку бурю, і коли після виснажливих блукань нарешті вдаліні прозирнули гори, змученим, знесиленим, зневіреним подорожнім (в трюмах порожньо, жодних припасів не лишилося) вкрай складно, а може й неможливо дістатися, здається, вже такого близького берега.

Тут ліричний сюжет близький до епічного, йому притаманна певна оповідність, яка одначе цілком позбавлена епічної розміреності, спокою й пройнята суголочним відтворюваним морським пейзажам емоційним хвилюванням, зворушливою пристрасністю. Динамічна композиція твору невіддільна від передачі інтенсивності переживань ліричного героя. Тут і гостре відчуття драматизму теперішнього моменту, і ретроспективний погляд у минуле, й надія на завтрашній день. Хвилі описів скрути й зневіри чергуються з хвилями передачі неухильного прагнення не коритися гірким обставинам.

Напружений епічний сюжет досить чітко оприявнюється і в пісні «Зевай». Це доволі рідкісний у кримськотатарській фольклорній ліриці твір, у якому можна углядіти риси балади. Дійова динаміка, що виразно вгадується за образними та інтонаційними деталями, надає пісенному плину особливого драматизму, навіть трагізму. Зевай – наречений, про що зокрема свідчить характерна деталь – згідно зі звичаєм його пальці обарвлені хною. Серед весілля («меджліснинь ичерсинде») молодого поранено, очевидно, ревнивим суперником, і його на гарбі везуть рятувати. Певна таємничість, недомовленість є прикметною стильовою рисою цієї лаконічної пісні. Тут дається взнаки елегантна гра образно-інтонаційних півтонів, за якою виразно проступають риси гіркої життєвої драми.

Глибокий драматизм належить до характерних рис пісні «Бей огьлунынъ сарайлары» («Палаці на вулиці Бей-огли»). Нарікання на тяжку немилосердну долю, біль розлуки, туга за втраченим коханням – такі провідні мотиви цієї пісні. Бей-огли – назва однієї з вулиць Стамбула. Нічого дивного в тому, що в кримськотатарській народній пісні фігурує турецький топонім, адже історичні долі двох сусідніх чорноморських земель тісно переплетені. Крім того, зафіксована в першому рядку пісні географічна реалія може мати й метафоричний сенс, означаючи не лише часову, а й просторову віддаленість провідного тут образу розкішних будов, а відтак художньо вмотивовану непевність, примарність, фатаморганність цього образу. «Бей огьлунынъ сарайлары» – палаці, приналежні синові бея (знатного вельможі, багатія). Наголос на такій узагальненості може посилити соціальну мотивацію ліричного сюжету пісенного твору.

Образна яскравість (метафоричність, гіперболічність) і динаміка, емоційна експресивність, проникливий психологізм, ненав'язливість соціальних мотивів, вишуканість композиції, вигадливе римування, своєрідне поєднання лагідної мелодійності й певної ритмічної звихреності, а притому характерна для фольклорної поезики лаконічна простота й дохідливість викладу – все це спонукає віднести пісню «Бей огьлунынъ сарайлары» до прикметних явищ кримськотатарської фольклорної лірики, зокрема до тих її зразків, у художній структурі яких суттєву роль відіграють драматичні аспекти.

Переважає більшість зразків кримськотатарської пісенної лірики створені й виконуються від чоловічого імені. Втім, позаяк у кримськотатарській граматиці відсутня категорія роду, немало пісень можуть виконуватися як від жіночого, так і від чоловічого імені. Разом тим стрічаються й пісні, у яких виспівуються дівочі й жіночі переживання. Очевидно, це пояснюється віками плеканим мусульманським менталітетом, який не заохочує жіноцтво до безпосереднього, хоч би й пісенного, вияву свого інтимного світу. Тим більший інтерес викликають зразки кримськотатарської фольклорної лірики, де цей світ усе ж таки дається взнаки. До таких фольклорних творів належить пісня «Мен анамнынъ бир кызы эдим» («Я у матері була одна»). Сюжет, що окреслює безталання дівчини, яку не лише із суто

меркантильних міркувань, а й щиро бажаючи їй добра, батьки видають заміж за багатого нелюба, доволі поширений в українському пісенному фольклорі. Але при тому, що ця пісня і сюжетно, і тематично, і за характером ліричної героїні, і за проникливим ліризмом, і за лагідною мелодійністю дуже близька до відповідних українських пісень і, як стверджують кримськотатарські дослідники навіть має українське походження [9, с. 8], в ній досить виразні риси, специфічні для поезики саме кримськотатарської народної пісні. Тут відсутня ґрунтовна оповідність, сюжет не розгортається в усіх колоритних подробицях, а тільки вгадується за окремими образними деталями. Лірична героїня, що колись була єдиною і, певно ж, щасливою донькою у своїх батьків, веде мову про своє нинішнє безталання й порівнює себе з нерозквітлим квітом троянди (таке порівняння більшою мірою в традиціях східної, ніж української поезії).

Схожа тема (осоружного заміжжя), лише, так би мовити, не на лірико-драматичному, як у пісні «Мен анамнынъ бир къызы эдим» («Я у матері була одна»), а на трагічному рівні, розкривається в пісні «Бир данем Айше» («Незрівнянна моя Айше»). Повторюваність розлогих фраз, експресивність яких посилюється тужливими розспівами, інтонаційно наближає цю пісню до народного плачу-голосіння. Про переживання дівчини, яку віддають заміж у чужі далекі краї, пісня «Фесим кетти дерьягъа» («Попливла моя феска по ріці»). Феска, головний убір юної дівчини, відпливає по ріці. Охоплена переживаннями, юнка, певно, випадково впустила її і відчуває, що так само безповоротно відпливають, відходять у минуле її дитячі літа. Власне майбутнє дівчині уявляється глибокою темною криницею, куди її жбурляють, мов камінець. Виразні й промовисті метафори тут ненав'язливі й посилюють притаманний пісні елегійний настрій, означений також характерними зойками. У пісні «Алим, Алим демектен...» («Про Аліма, про Аліма розповім...») досить виразно звучить поширений в кримськотатарській і не лише в кримськотатарській народній поезії мотив гіркої розлуки з близькою людиною. Цей мотив безпосередньо заявлений у такій пісні як «Бу дуньяда бир яр севдим» («В цьому світі покохала я»). Вираз «Бу дуньяда...» підкреслює масштабність, незмірність, особливу силу почуттів ліричної героїні. Цю силу увиразнює і

завершальний рефренний рядок кожної з чотирьох п'ятирядкових строф: «Яш юрегим откъа янды, яр» («Серце згора, вогнем пала, ох»). Палкий ліризм цієї пісні невід'ємний від властивої їй психологічної проникливості. У початковій строфі героїня говорить, що вже їй не рада, що поринула у вир кохання, і якби знала про душевний біль, який жде її, то ліпше б їй не закохувалась. Але це тільки хвилиний настрій, назад вороття нема і відтак нічого не лишається, як віддатися любовним стражданням. Пісня «Бу дуньяда бир яр севдим» («В цьому світі покохала я») сповнена палких благородних почуттів, щирої зворушливої пристрасі, яка надихає на долання розпачу та зневіри.

Хоч у кримськотатарській фольклорній ліриці жіночих пісень порівняно з чоловічими не так і багато, все ж вони вражають своєю поетичною довершеністю. Їх ліричні сюжети, а тим паче фабульно-епічні, які також певною мірою тут окреслюються, не розгортаються розлого й ґрунтовно, а здебільшого тільки вгадуються за промовистими образними деталями, які набувають символічних значень і сповнюють тексти особливою настроєвістю. Переживання за свою подальшу долю, зворушлива сила щирих палких почуттів – такі основні тематичні мотиви кримськотатарської лірики, в якій цілком виразні драматичні аспекти.

ВИСНОВКИ

Родовий і жанровий синкретизм належить до характерних ознак кримськотатарської народної емігрантської пісні. Особливо притаманний він фольклорним творам такого давнього жанру уснопетичної творчості як макам. Тут передаються глибокі переживання людини, яка потрапила в скрутні життєві обставини, пов'язані з нещасливим коханням, розлукою з рідним краєм і близькими людьми, сирітством тощо. Тож творам цього ліричного, емоційно насиченого жанру притаманний виразний драматизм, який часто сягає граней трагізму. Хоч маками здебільшого позбавлені соціальної конкретики, все ж зовнішній драматизм, пов'язаний з певним конфліктом ліричного героя із середовищем, тут тією чи іншою мірою окреслюється. Але найбільш виразний тут внутрішній драматизм, який полягає в передачі інтенсивних душевних переживань суб'єкта ліричної оповіді. Це

драматичні переживання виявляються в мальовничих метафорах, експресивних інтонаціях, а також вони пов'язані тут з філософічними медитаціями. Найбільш характерною ознакою музично поетики макаму є широкі розспіви. До характерних зразків цього жанру належать такі фольклорні твори як «Сейлетме бени» («Не змушуй мене говорити»), «Атадан оксуз къалгъанман» («Без батька сиротою лишився я») «Сом сырмадан акътыр» («Біліше сріберної ниті»).

Пісні, які за визнанням фольклористів не такі давні, як маками, відзначаються переважно легкою грайливою ритмікою, яка часто контрастує з їхньою драматичною тональністю. Цим пісням притаманна більша соціальна конкретика, для них характерне широке тематичне розмаїття, тож їх можна класифікувати за жанрово-тематичним принципом і зокрема виділити такі різновиди як пісні любовні, трудові, солдатські, емігрантські тощо. Вони відрізняються від макамів ще й тим, що в цих ліричних піснях поруч з драматичними аспектами тією чи іншою мірою означаються й епічні аспекти, не раз окреслюється епічний сюжет, який проте підпорядковується ліричному сюжету, відтворенню плину душевних переживань. Такий багатогранний родовий і жанровий синкретизм з особливою яскравістю виявляється зокрема в таких піснях як «Он биринджи айларда горюнди дагълар» («Лиш на одинадцятий місяць прозирнули гори»), «Бей огълунынъ сарайлары» («Палаці на вулиці Бей-огли»), «Мен анамнынъ бир къызы эдим» («Я у матері була одна»), «Бир данем Айше» («Незрівнянна моя Айше»).

Список літератури

1. Алиев, Ф. М. Антология крымской народной музыки – Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф. М. Алиев. – Симферополь : Крымчпедгиз, 2001. – 600 с.
2. Бахшыш, Ил. Къырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш. – Симферополь : Къырым девлет окъув нешрияты, 2004. – 384 с.
3. Велиев, А. Къырымтатар муаджир тюркюлери / А. Велиев, С. Какура. – Симферополь : Крымчпедгиз, 2007. – 224 с.

4. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 406 с.
5. Гуменюк, О. Кримськотатарська народна пісня в фольклористичних дослідженнях кінця ХІХ – перших десятиліть ХХ століття / О. Гуменюк // Слов'янський світ : щорічник. – К. : Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, 1918. – Випуск 17. – С. 103–125.
6. Луначарский, А. Предисловие к сборнику «Песни Крыма» / А. Луначарский // Песни Крыма / Собраны и записаны А. К. Кончевским. – Москва : Гос. и-во.; Муз. сектор, 1929. – 50 с. – С. 4.
7. Музафаров, Р. Об изучении фольклора крымских татар / Р. Музафаров // Советская тюркология. – Баку, 1970. – № 6. – С. 110–113.
8. Олесницкий, А. Песни крымских турок / А. Олесницкий. – Москва : Лазаревский институт восточных языков, 1910. – 85 с.
9. Шерфединов, Я. Звучит кайтарма – Яньрай кьайтарма / Я. Шерфединов. – Ташкент : И-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
10. Шерфединов, Я. Песни и танцы крымских татар / Я. Шерфединов. – Симферополь : Крымское гос. изд-во; Москва: Гос. муз. изд-во, 1931. – 94 с.
11. Шерфединов, Я. Яньра кьайтарма – Звучи хайтарма / Тертип эткен – Составитель Я. Шерфединов. – Ташкент : Г. Гьулям адына эдебиет ве санъат нешрияты, 1990. – 230 с.
12. Refatov, N. Qъгъm tatar jъrlagъ / N. Refatov. – Симферополь : Qъгъm devlet nesrijatъ, 1932. – 150 b.

References

1. Aliyev F. M. *Antologiya Krymskoy Narodnoy Muzyki* [Anthology of Crimean Folk Music]. Simferopol: Krymuchpedgiz Publ., 2001. 600 p.
2. Bakhshysh I. *Kyrymtatar Khalk Iyrlary* [Crimean Tatars Folk Songs]. Simferopol: Kyrym Devlet Okuv Publ., 2004. 384 p.
3. Veliyev A., Kakura S. *Kyrymtatar Muadzhyr Tyurkyuleri* [Crimean Tatars Emigrant Songs]. Simferopol: Krymuchpedgiz Publ., 2007. 224 p.

4. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1989. 406 p.
5. Humeniuk O. *Kryms'kotatars'ka Narodna Pisnya v Folklorystychnykh Doslidzhennyakh Kintsya XIX – Pershykh Desiatylyt' XX Stolittya* [Crimean Tatars Folk Song in the Scientific Studies of the End of the 19th – Last Decades of the 20th Centuries]. *Slovyans'kii Svit*, Kyiv: National Academy of Sciences, Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology Publ., 1918, issue 17, pp. 103–125.
6. Lunacharski A. Priedislovie k Sborniku Pesni Kryma [Preface to the Collection Songs of Crimea]. *Pesni Kryma. Sobrany i Zapisany A. K. Konchevskim*, Moscow: State Publ., Musical Department, 1929. 55 p.
7. Muzafarov R. *Ob Izuchenii Folklori Krymskikh Tatar* [About the Studies of Crimean Tatars Folklore]. *Sovetskaya Tyurkologiya*, Baku, 1970, no 6, pp. 110–113.
8. Olesnitski A. *Pesni Krymskikh Turok* [Songs of Crimean Turks]. Moscow: Lazarev Institute of Orient Languages Publ., 1910, 85 p.
9. Sherfedinov Ya. *Zvuchit Khaytarma* [Haytarma is Ringing]. Tashkent: Gafyr Gulyam Literature and Art Publ., 1979. 232 p.
10. Sherfedinov Ya. *Pesni i Tantsy Krymskikh Tatar* [Crimean Tatars Songs and Dances]. Simferopol: Crimean State Publ.; Moscow: State Musical Publ., 1931, 94 p.
11. Sherfedinov Ya. *Yanray Kaytarma* [Ring Haytarma]. Tashkent: Gafyr Gulyam Literature and Art Publ., 1990. 230 p.
12. Refatov H. *Kyrym Tatar Iyrlary* [Crimean Tatars Songs]. Simferopol: Crimean State Publ., 1932. 150 p.

РОДОВОЙ И ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Гуменюк О. Н.

В статье рассматриваются характерные образцы крымскотатарской фольклорной лирики, которым присущ родовой и жанровый синкретизм, в художественной структуре которых наряду с ведущим лирическим изложением выразительны драматические, а также эпические аспекты. Наиболее давним лирическим жанром крымскотатарского песенного фольклора считается макама. В этом жанре воспроизводятся душевные страдания лирического героя с помощью живописных метафор, экспрессивных интонаций. Здесь в определенной мере очерчивается внешний драматизм, связанный с конфликтом лирического героя со средой, но наиболее выразителен внутренний драматизм, заключающийся в передаче интенсивных душевных переживаний. Характерными для макамов являются широкие распевы и философичные медитации.

Иной разновидности крымскотатарского внеобрядового песенного фольклора присущи, главным образом, легкие игривые ритмы. Для этих песен характерны четкая социальная конкретика и особое тематическое разнообразие. Это песни любовные, трудовые, солдатские, эмигрантские и др. Примечательной чертой этих фольклорных произведений является появление наряду с основным лирическим течением не только драматических, но и эпических аспектов. Подчиненный лирическому сюжету, передаче развития душевных переживаний, эпический сюжет преимущественно не обрисовывается непосредственно, а уясняется с помощью красноречивых образных деталей.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, лирическая песня, поэтика, родовой и жанровый синкретизм.

GENERIC AND GENRE SYNCRETISM OF THE CRIMEAN TATAR FOLK LYRIC SONG

Humeniuk O. M.

The article deals with typical examples of Crimean Tatar folk lyrics, which are characterized by generic (kind) and genre syncretism, in the artistic structure of which, along with the leading lyrical presentation, dramatic and epic aspects are expressive. The most long-standing lyrical genre of Crimean Tatar song folklore is considered to be makama. In this genre, the emotional suffering of the lyric hero is reproduced with the help of picturesque metaphors and expressive intonations. Here, to a certain extent, the external drama associated with the conflict of the lyrical hero with the environment is outlined, but the most expressive is the internal dramatic quality, which consists in the transfer of intense emotional experiences. Wide chants and philosophical meditations are typical for makams.

Another kind of Crimean Tatar non-ritual song folklore is characterized mainly by light playful rhythms. These songs are characterized by clear social specificity and special thematic diversity. These songs are love songs, labor songs, soldier songs, emigrant songs, etc. Notable feature of these folklore works is the appearance of not only dramatic but also epic aspects along with the main lyrical course. Subordinated to the lyrical plot, the transmission of the development of spiritual experiences, the epic plot is mostly not outlined directly, but is clarified with the help of eloquent figurative details.

Keywords: folklore by the Crimean Tatars, lyrical song, poetics, generic (kind) and genre syncretism.

УДК 8-82-1/-9

**ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» В
ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ**

Лушникова Г. И., Дзюба А. А.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялта,
Ялта, Россия
e-mail: lushgal@mail.ru; alina_anatolna@mail.ru

Работа посвящена проблеме жанровых трансформаций и новых интерпретаций классических произведений во вторичных текстах. В статье рассматриваются литературные произведения, написанные на основе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»: приквел Дж. Рис «Широкое Саргассово море», мэшап Ш. Б. Ирвинг «Джейн Слэйр», эротический мэшап К. Роуз «Джейн Эйротика». На конкретном материале показаны разные формы преобразования претекста, исследованы основные функции и результирующий эффект данных преобразований. Проанализированные вторичные тексты неоднородны как по содержанию, так и по художественно-эстетической ценности. Создание приквела может привести к переосмыслению претекста, к иной трактовке образов героев, к раскрытию многоплановости первичного текста и неоднозначности описываемых в нем событий. Трансформации в стиле мэшап представляют собой род литературной игры, основанной на искусственном сочетании элементов разных жанров, что не всегда оправдано с точки зрения эстетики. Включение в повествование претекста ирреальных персонажей, грубых описаний сцен насилия и эротики, рассчитанных на невзыскательные вкусы, ведет к искажению идейного замысла автора претекста, и, в конечном счете, к превратному представлению об известном произведении.

Ключевые слова: современный американский роман, интертекстуальность, трансформация жанров, претекст, вторичный текст, приквел, мэшап, эротический мэшап

ВВЕДЕНИЕ

Одна из доминирующих тенденций в литературе на данный момент – появление интертекстуальных жанров, вторичных текстов, текстов, написанных на основе классических произведений. Подобные художественные тексты, сохраняя связь с определённым культурным кодом, типом сознания, эпохой, конкретным произведением, вписываясь в новый формат, обретают иное содержание [6; с.109]. В поисках новых литературных форм смешение становится главным контаминирующим принципом взаимодействия разных художественных систем, а категория интертекстуальности является способом жанрового моделирования в современном романе [5; 4; 2]. По мнению В. Е. Хализева, жанровые структуры видоизменились, утратив каноническую строгость [9; с. 335]. Подвижная жанровая

модель позволяет отследить динамику некоторых тенденций литературного процесса, что привлекает исследователей в области жанрообразования. Активный жанровый поиск приводит к созданию всё новых литературных жанровых форм, которые отходят от канонов прошлого, что объясняет **актуальность данного исследования**.

Цель предлагаемой статьи – изучение литературных произведений, написанных на основе претекста – романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»: приквел Дж. Рис «Широкое Саргассово море», мэшап Ш. Б. Ирвинг «Джейн Слэйр», эротический мэшап К. Роуз «Джейн Эйротика».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Синтез различных жанров стал основной формотворческой тенденцией в современной литературе, кроме того, в литературе последних двух веков господствуют жанровые нормы исторически новые [8; с.8]. К таким новым, синтетическим жанровым трансформациям можно отнести: сиквел, приквел, интеквел, мидквел, триквелом, квадриквел, спин-офф, римейк, кроссовер, пастиш и мэшап к хорошо известным произведениям. Гибриды «эпохи повторений» [10], образованные на основе претекста, обладают рядом жанрообразующих признаков (сюжетных и структурных компонентов, языковых и стилистических средств, т.е. специфических свойств формы и содержания), с помощью которых можно идентифицировать данную жанровую модель.

На современном этапе существует большое разнообразие интертекстуальных жанровых модификаций, представим их определения:

Приквел (англ. *prequel*, контаминация приставки *pre-* («до») и *sequel*) — произведение, хронологически описывающее события, предшествующие более раннему первоначальному произведению.

Мэшап (или «мэш-ап», от английского *mash up* — «смешивать») – жанр литературы, в основе которого лежит интеграция классического произведения или исторического сюжета с фантастическими элементами. Однако, когда мы говорим

о мэшапе, то подразумеваем не просто использование переделок на уровне отдельных фрагментов и мотивов, а целостное копирование претекста и его разбавление «генами» хоррора. Появление данного жанра в целом отражает современную ситуацию в литературных концепциях, которые носят характер жанровой трансформации. Основные сюжетные линии и стилистика произведения при этом сохраняются, но видоизменяются из-за внедрения в повествование таких фантастических фигур с ярко выраженными чертами монструозности, как вампиры, оборотни, зомби, демоны или роботы [3].

В данной статье рассматриваются такие жанровые формы, как приквел, мэшап и эротический мэшап, основанные на произведении викторианской эпохи – романе Ш. Бронте «Джейн Эйр». Традиционно его трактуют как автобиографический и социально-психологический роман, который обладает чертами романтического и реалистического направлений. Произведение строится по канону романа воспитания, в котором показано становление независимой личности [1]. Классический роман «Джейн Эйр» стал прототекстом для создания на его основе нескольких новых произведений (вторичных текстов), которые были обозначены выше. Рассмотрим каждый из них.

1. *Жанровая трансформация приквел – роман Дж. Рис «Широкое Саргассово море»*

Постколониальный роман Дж. Рис «Широкое Саргассово море» (1966) представляет собой приквел, своеобразный ответ на роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» (1847). Приквел – это предыстория, повествующая о событиях, которые предшествовали действию другого, уже опубликованного и, как правило, ставшего известным произведения. Сюжетная линия приквела предшествует сюжетной линии оригинального текста. Приквел может не касаться сюжета, из которого он взят, но чаще всего он объясняет обстоятельства, приведшие к событиям в оригинале.

Современный автор берет за основу уже известную читателю историю героев викторианского произведения и дает альтернативное видение судьбы Берты Мэйсон, которое кардинально меняет взгляд на события первичного произведения. События,

описанные в романе-предыстории, повествуют о первой жене мистера Эдварда Рочестера – Антуанетте Косуэй (Берта Мейсон в романе «Джейн Эйр»), белой креолке, ее юности на Карибах, несчастливом браке и переезде в Англию.

Для того чтобы осознать, как именно приквел способен изменить точку зрения читателя, необходимо найти моменты, объединяющие два романа. Прежде всего, связь между этими произведениями существует благодаря главной героине романа Дж. Рис «Широкое Саргассово море» – Антуанетте Мейсон, известной в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» как «безумная Берта», первой жене мистера Рочестера, являющейся препятствием для счастья влюбленных героев – Эдварда и Джейн.

В версии Дж. Рис Антуанетта предстает жертвой, доведенной до сумасшествия. Ее безумие — результат череды событий, которые вначале косвенно, а затем прямо повлияли на психическое состояние Антуанетты.

Во-первых, чернокожая прислуга поместья Гранбуа и Антуанетта разговаривают на наречии патуа, который совсем не понимает Эдвард, порой они даже смотрят враждебно на него: «She trusted them and I did not. But I could hardly say so. Not yet» [14; p.81]. В этом новом мире на Карибах, молодому господину неуютно, впоследствии такую же атмосферу дискомфорта он создаёт для своей нареченной намеренно.

Во-вторых, окружающая действительность отторгает Антуанетту ежечасно: креолка английского происхождения, она не принадлежит ни белому сообществу, ни черному: «Did you hear what that girl was singing? – Antoinette said. – I don't always understand what they say or sing. – It was a song about a white cockroach. That's me. That's what they call all of us who were here before their own people in Africa sold them to the slave traders. And I've heard English women call us white niggers» [14; p.93]. Антуанетта как-то признается Эдварду, что порой не может взять в толк, кто она такая, откуда она, где ее родина и вообще, зачем она появилась на этом свете. Ощущение ненужности со временем подкрепляется изменой мужа со служанкой из их дома: «Do you know what you've done to me? It's not the girl. But I loved this place and you have made it into a place I hate. I used to think that if everything else went out of my life I would

still have this, and now you have spoilt it. It's just somewhere else where I have been unhappy, and all the other things are nothing to what has happened here» [14; p.134].

В-третьих, молодой господин узнает о безумии матери Антуанетты из письма некоего Дэниэла Косуэй. Вначале Эдвард не придает значение этой информации, затем начинает задумываться о возможной наследственной болезни его жены и задает прямой вопрос Кристофине, няне Антуанетты, о тех, кто знал мать Антуанетты, и хотя их ответы не вносят достаточной ясности, Эдвард склонен верить версии о психическом заболевании. Старая няня пытается объяснить, что до сумасшествия мать Антуанетты довело ее окружение: «Was her mother mad? – They drive her to it. They shut she away. They tell her she is mad, they act like she is mad. They won't let me see her. That man who is in charge of her he take her whenever he want and his woman talk. That man and others they have her» [14; p.143]. Чернокожая служанка, воспитывавшая Антуанетту с младенчества, переживает за нее и просит Эдварда не обманывать свою воспитанницу. Догадываясь, что он хочет признать Антуанетту сумасшедшей и отобрать ее имущество, Кристофина упрашивает свою малышку, свою doudou покинуть эти места, но та отказывается.

В-четвертых, Эдвард не любит Антуанетту и постепенно эта нелюбовь переходит в ненависть: «Chistophine, he does not love me, I think he hates me. He always sleeps in his dressing-room now and the servants know. Sometimes he does not speak to me for hours and I cannot endure it any more, I cannot. What shall I do? He was not like that at first» [14; p.99]. Примечательно, что со временем он даже называет ее другим именем – Берта, как будто пытается заколдовать, что, естественно, вызывает негодование у героини: «Berhta, – Edward said. – Bertha is not my name. You are trying to make me into someone else, calling me by another name. I know, that's obeah too» [14; p.133].

В конце концов, они покидают поместье Гранбуа, последнее пристанище, где Антуанетта могла себя чувствовать безопасно – молодая чета переезжает в Англию, и Эдвард уже не скрывает своего отношения к ней: «If I was bound for hell let it be hell. No more false heavens. No more damned magic. You hate me and I hate you. We'll see who hates best. But first I will destroy you. My hate is colder, stronger» [14; p.154].

В романе «Широкое Саргассово море» на протяжении трех глав прослеживается жизнь главной героини в обществе, где она не принадлежала ни к светлокожим европейцам, ни к чёрным жителям Карибов и где постепенно Антуанетта превращается в безумную Бертю на чердаке Торнфилд-Холла. Так, второстепенная героиня классического романа, само существование которой было препятствием для брака Эдварда Рочестера и Джейн Эйр, в приквеле становится главным действующим лицом, героиней, вызывающей сочувствие и симпатии читателя.

2. *Жанровая трансформация мэшап – роман Ш. Б. Ирвинг «Джейн Слэйр».*

Как и все произведения мэшап, роман «Джейн Слэйр» (2010) представляет собой контаминацию авторского оригинала и фантастического нарратива о вампирах и зомби, литературный гибрид, созданный на основе классического романа. В то же время мэшэпом можно назвать те произведения, которые использовали классическое произведение в качестве основы, а затем отдельными вставками, достаточно искусственными, изменили жанр произведения. В данном случае был использован роман английской писательницы XIX в. Ш. Бронте «Джейн Эйр». Проблематика и идейный замысел произведения Ш. Бронте не трансформируется, изменениям подвергается только жанровая форма романа. Во вторичном тексте мы можем наблюдать совершенно инородные эпизоды, вставленные в сюжет претекста, которые при прочтении ощущаются искусственно на фоне стиля претекста, они же и меняют контекст всего повествования. Ш. Б. Ирвинг в своем романе «Джейн Слэйр», играя словами, заменяет фамилию главной героини «Еуге» на «Slayer», то есть «убийца, киллер», что отражает ее жажду охоты на вампиров. Уже заглавие романа наводит на мысль о смешении в литературных жанрах.

Джейн Слэйр, как и в претексте, проживает в доме своей тёти миссис Рид и её детей – Джона, Элизы и Джорджианы. Однако во вторичном романе это не простая семья, это семья вампиров, а прислуга – мертвецы: «Gateshead Hall sheltered a family of vampires, an undead maid, some two dozen mortal servants who were paid well for their silence and their service, and me» [13]. В претексте причиной неприязни между родственниками было низкое происхождение Джейн, во вторичном тексте – то, что

она – обычный человек, проживает рядом с вампирами, вынужденными терпеть ее, поскольку кровь ее способна заразить вампиров: «John is going to eat her, Mama! May we all join in? – No, no dears! Her common blood will bring on fevers, maybe apoplexy!» [13].

Маленькая Джейн, живущая взаперти, практически не видит дневного света. Со временем она понимает, что её главная цель в жизни – не дать себя обратить в вампира и «жить, чтобы видеть свет» – «to live to see the sun». Однако, у Джейн видение – дядя Рид сообщает, что её долг – убивать вампиров, помогая им таким образом обрести покой: «Your aunt and your cousins need you to end their earthly tortures. Only in death can they be reunited with their mortal souls. Save them» [13]. С этого момента маленькая Джейн начинает тренироваться точить колья и вонзать их во врагов.

Когда семья отправляет ее в Ловуд, Джейн находит там для себя учителя во всех смыслах: мисс Темпл обучает ее не только школьным предметам, но и боевым навыкам: «She posed like a true fighter, feet planted firmly apart, one arm in the air, the other holding out the sword and waving it boldly. I felt more secure knowing of Miss Temple's secret talent» [13]. С этого момента, где бы ни была главная героиня, она всегда находила возможность истреблять то вампиров, то зомби: в школе Ловуд, по пути в Торнфилд-холл, на шелковом складе Уиткрасса, в Милкоте.

В романе Ш. Б. Ирвинг в Ловудской школе появляются «особенные студенты» – «special students», которых специально «разводит» директор Бокохерст, оживляя трупы умерших пансионеров при помощи магии вуду и продавая их в качестве прислуги: «Mr. Bokorhurst seems to believe he's doing a service for the dead, in keeping their bodies useful after their soul's earthly departure» [13]. В претексте директор Бокохерст был черствым человеком, сэкономил на питании и условиях жизни пансионеров, и был заменен на другого руководителя после обнаружения нарушений в Ловуде.

Знакомство Джейн с владельцем Торнфилд-холла происходит при обстоятельствах в духе мэшап романа: она спасает мистера Рочестера от вампиров, напавших на него по дороге в Хэй, прикинувшись бедными путешественниками: «We

could do the poor injured-traveller bit. When he stops, the two of us can jump out and accost him. Vou-a-la, dinner for three» [13]. В первичном романе Эдвард Рочестер пострадал при падении с лошади на скользком льду.

Примечательно пояснение природы безумия первой жены мистера Рочестера – Бэрты Мэйсон – она оказалась оборотнем. Заболевание ей передал ее любовник-вервольф : «One of her lovers had been afflicted with what they called in the West Indies lob hombre. In short, he was a werewolf, and when he bit her in their lovemaking, he infected her with the condition as well» [13]. В претекстовом романе психические проблемы Бэрты объяснялись наследственными причинами.

Двоюродный брат главной героини Сент-Джон оказался не только священником, как в прототексте, но и истребителем вампиров, изобретателем оружия, он обучал местных детей убивать вампиров, и это стало главной причиной, почему он хотел отправиться с миссией в Индию и забрать с собой Джейн: «The vampyre populations grow wild, unchecked in India. I plan to combine missionary work with slaying, to leave our world a better place» [13]. В претексте он тоже хотел жениться на Джейн, но в романе современного автора у Сент-Джона появляется дополнительная мотивация – бесценное умение Джейн убивать нечисть.

В конце романа Джейн Слэйр закапывает мистера Рочестера заживо...чтобы спасти его: «On the night of the full moon, after the eight hours had passed, I'd cried all over again when we'd opened the coffin and found Edward, not a wolf, but a man, smiling sweetly in his sleep» [13]. Тот, в свою очередь, освобождается от проклятия быть оборотнем и через три дня после полнолуния она выходит за него замуж – «three days after full moon, reader, I married him» [13].

Мэшап произведение «Джейн Слэйр» – это отклик на современные изменения в литературе и обществе. Данная трансформация предлагает альтернативную трактовку событий и персонажей в романе эпохи XIX в., искажая идейный замысел первичного текста.

3. *Жанровая трансформация эротический мэшап – роман К. Рос «Джейн Эротика»*

Роман К. Рос «Джейн Эротика» (2012) является наглядным примером новой модели жанровых взаимоотношений, которые основываются на принципах жанрового синтеза в литературе, жанровой модификации и взаимопроникновения элементов различных жанров друг в друга. Относительно романа-прототекста Ш. Бронте «Джейн Эйр», роман К. Рос «Джейн Эротика» является вторичным текстом. Основные сюжетные линии первичного произведения в целом сохраняются, но стилистика видоизменяется из-за грубого, искусственного внедрения в повествование эротических подробностей, что объясняет принадлежность данного романа к жанровой форме мэшап. Можно сказать, что данное произведение – это «эротические фантазии на тему мировой классики». Само заглавие говорит нам об этом: теперь оно звучит не как «Jane Eyre», а «Jane Eyrotica», что сразу настраивает читателя на эротический роман.

Современное произведение начинается с описания любовной связи Джейн Эйр с Джоном Ридом. Герои вторичного текста несколько старше своих прототипов в претексте. Но это не главное, более существенное изменение заключается в том, что заклятые враги в претексте, во вторичном тексте – любовники: «He visited me often in the midnight hours and we were both lucky that his sisters were such heavy sleepers» [12; p.24].

Пока длится ее связь с наследником дома Ридов, Джейн случайно находит в каталоге портрет удивительного красавца и начинает фантазировать о незнакомце: «Those eyes. They smoldered into me, penetrating deep into my soul and laying bare my naked core» [11; p.3].

После того, как главная героиня покидает Гэйтсхэд-холл, разрывая, таким образом, связь с Джоном Ридом, она переезжает жить в Ловуд, где с течением времени обнаруживает для себя нового партнера Джека. В претексте Джейн во время эпидемии тифа просто гуляла, в эротической вариации она совмещает прогулки на свежем воздухе со встречами с Джеком: «I usually met Jack on the low stone wall and together we would walk across Lowood's scrubland» [12; p. 68]. Вскоре Джек уезжает.

Джейн снова остается одна. По мысли автора, одиночество героини мотивирует ее к созданию интимных взаимоотношений с мужчинами: «Such lonely hearts as that belonging to my childhood cannot be condemned for wanting such a human needs as love» [12; p. 58].

Время идет, и Джейн поступает на службу в Торфилд-холл. Однажды по пути в Хэй она встречает лунной ночью незнакомца. Удивительное сходство с портретным красавцем, ее ночной грезой, подталкивает Джейн поддаться искушению – далее в романе описывается их любовная связь с достаточно интимными подробностями, что характерно для жанра эротики: «I am going to kiss you», he said. I began to tremble with anticipation» [12; p.102].

Вернувшись, она узнает, что мистер Рочестер и незнакомец на дороге – одно лицо. Джейн боится, что он прогонит ее. Впрочем, их отношения остаются такими же, как и вначале знакомства: после пожара, учиненного Грейс Пул, после изобличения гадалки, после приезда мистера Мэйсона Джейн Эйр и мистер Рочестер остаются наедине.

Со временем Джейн начинает ревновать мистера Рочестера к Грейс Пул, полагая, что у них была связь задолго до ее собственной встречи с Эдвардом, затем думает, что он женится на леди Ингрэм. Как и в претексте, мистер Рочестер делает предложение Джейн Эйр.

Разоблачение, что Эдвард женат, побег Джейн из Торнфилд-холла, ее счастливое обретение брата и сестер в Милкоте, а также возвращение к мистеру Рочестеру – все эти события, взятые из претекста, остались во вторичном тексте неизменными. Главное отличие этого вторичного текста – наличие эротических сцен, откровенных описаний любовных связей и интимных подробностей. Финальная сцена романа также написана в эротическом ключе.

Современный взгляд на классику в эротическом ключе – дань моде на смешение жанров и иную трактовку хорошо известных произведений. Можно ли подобные произведения называть полноценными, самостоятельными – спорный вопрос. Они являются разновидностью литературного эксперимента, литературной игры.

ВЫВОДЫ

Благодаря эволюционным трансформациям жанровых систем, вопрос исследования вторичных текстов остаётся актуальным. Современная культура все больше уходит от традиционных установок, меняя вектор жанровых поисков. Литературная ассимиляция становится доминирующей тенденцией. Видоизменения такого рода приводят к возникновению вторичных текстов, основанных на текстах первичных. На данном этапе трансформация претекста может иметь разные вариации:

1. Приквел. Глубокий роман Дж. Рис «Широкое Саргассово море», который является приквелом романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», заставляет совершенно с иной стороны взглянуть как на события прошлого четы Антуанетты и Эдварда, так и на образ одной и той же героини – Антуанетты Берты Мэйсон, характер которой по-разному трактуется в претексте и в приквеле. Из-за этого меняется отношение к ней читателя с отрицательного на положительное, читатель начинает сочувствовать героине и критически относиться к главному герою Эдварду Рочестеру. Взгляд на претекст, соответственно, тоже видоизменяется. Сравнивая вторичный текст с претекстом, наблюдаем самое примечательное различие между этими двумя романами: во-первых, преобразование романтического героя романа Ш. Бронте Эдварда Рочестера в слабого и алчного человека в произведении Дж. Рис; во-вторых, трансформация образа первой жены Рочестера – Берты Мэйсон, которая в приквеле является главной героиней, а не «частью туманной биографии Эдварда Рочестера», не иностранка, не сумасшедшая креолка, а Антуанетта Косуэй, богатая креольская невеста, одинокая и несчастная.

2. Мэшап. Автор мэшап романа Ш. Б. Ирвинг «Джейн Слэйр» адаптировала для современного прочтения и предложила альтернативную версию событий викторианского романа «Джейн Эйр»: скромная героиня известной истории преобразуется в потомственную истребительницу вампиров, ищет своих родных, носящих фамилию Слэйр и неутомимо уничтожает всю нечисть в Англии. Подобный литературный эксперимент, проведенный над классическим произведением, есть, не

что иное, как дань современным тенденциям в жанровых поисках, может понравиться читателям, увлекающимся хоррор-тематикой.

3. Эротический мэшап. В основе произведения К. Рос «Джейн Эротика» – интеграция классического произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр» с эротическими элементами. Автор данного произведения переработал материал прототекста, добавив детали, что привело к интерпретационной вариативности: в канву известной викторианской истории вплетены эротические сцены с элементами порно, интимные подробности которых в корне меняют классический образ героини Джейн Эйр, практически уничтожая классический роман викторианской эпохи и идейно-художественный замысел романа Ш. Бронте в целом.

Рассмотренные в данной статье вторичные тексты неоднородны как по содержанию, так и по художественно-эстетической ценности. Приквел Дж. Рис «Широкое Саргассово море» вызывает интерес и заслуживает самых высоких оценок с точки зрения новой трактовки поведения и характеров героев, и может быть поставлен в ряд серьезных литературных произведений. Что касается переделок в форме мэшап Ш. Б. Ирвинг «Джейн Слэйр» и К. Рос «Джейн Эротика», то их художественная ценность представляется весьма спорной. Вторичные тексты такого типа видоизменяют претекст практически до неузнаваемости, кардинально меняют его идейно-тематический план и стилистику. В случае, если читатель знаком с текстом-предшественником, такого рода переписывания классики могут рассматриваться как пример литературной игры. Но если читатель незнаком с оригиналом, то прочтение таких текстов может иметь крайне негативный эффект, поскольку они создают превратное впечатление о классических произведениях прошлого.

Список литературы

1. Борунова, Е. Е., Столярова, Е. В. Воспитательный потенциал романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр» [Электронный ресурс] / Е. Е. Борунова // Молодой ученый. – 2017. – № 1.1. – С. 18–21. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/135/37675/> (Дата обращения: 13.12.2019).

2. Гаспаров, М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст [Текст] / М. Л. Гаспаров // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2002. – Т. 61. – № 4. – С. 3–9
3. Шнайдер, Е. Э., Гредина, И. В. Мэшап «Гордость и Предубеждение и Зомби»: новая литературная тенденция или литературный вандализм? [Электронный ресурс] / Е. Э. Шнайдер, И. В. Гредина // Молодой ученый. – 2012. – № 7. – С. 186–189. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/42/5124/> (Дата обращения: 30.03.2019).
4. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка [Текст] / Н.А. Кузьмина. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
5. Кулакова, О. К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / О. К. Кулакова. – Иркутск, 2011.– 22 с.
6. Кучменко, М. А. Интертекстуальность как воплощение идеи «смерти автора» в литературе постмодернизма [Текст] / М. А. Кучменко // Вестник АГУ, Вып. 3 (145). – Адыгея, 2014. – С. 108–111.
7. Тамарченко, Н. Д. Теория литературных жанров [Электронный ресурс] / Н. Д. Тамарченко. – Режим доступа: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_17937.pdf. – (Дата обращения: 30.03.2019).
8. Хализев, В. Е. Теория литературы. Учеб. [Текст] / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 1999. – 398 с.
9. Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна [Электронный ресурс] / У. Эко – Режим доступа: http://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/31.pdf. – (Дата обращения: 01.05.2019).
10. Шульга, О. С. Роман Дж. Рис «Антуанетта» (Wide Sargasso sea) как приквел романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» [Текст] / О. С. Шульга // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей по материалам III

Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 183–190.

11. Bronte, C. Jane Eyre / C. Bronte. – The Literature page, 2017. – 702 p.
12. Bronte. C., Rose K. Jane Eyrotica / C. Bronte, K. Rose. – Piatkus, 2012. – 283 p.
13. Erwin, S. B. Jane Slayre [Электронный ресурс] / S. B. Erwin // Greycity. – Global book search. – Режим доступа: https://graycity.net/sherri-browning-erwin/page,1,455874-jane_slayre.html. – (Дата обращения 23.11.2019).
14. Rhys, J. Wide Sargasso Sea / J. Rhys. – Norton paperback, 1982. – 171 p.

References

1. Borunova E. E., Stolyarova E. V. *Vospitatel'nyi Potentsial Romana Sharlotty Bronte Dzhein Jeir* [The Educational Potential of the Novel Jane Eyre by Charlotte Bronte]. *Molodoi uchenyi*, 2017. Available at: <https://moluch.ru/archive/135/37675/> (accessed 13 December 2019).
2. Gasparov M. L. *Literaturnyi Intertekst i Yazykovyi Intertekst* [Literary Intertext and Language Intertext]. *Izvestiya AN*, 2002, Vol. 61, № 4, pp. 3–9.
3. Shnaider Ye. Je., Gredina I. V. *Mjeshap Gordost' i Predubezhdenie i Zombi: Novaya Literaturnaya Tendenciya ili Literaturnyi Vandalizm?* [Mashup Pride and Prejudice and Zombies: a New Literary Trend or Literary Vandalism?]. *Molodoi uchenyi*, 2012, № 7, pp. 186–189. Available at: <https://moluch.ru/archive/42/5124/> (accessed 18 November 2019).
4. Kuz'mina N. A. *Intertekst i Ego Rol' v Protsessah Evolyucii Poeticheskogo Yazyka* [Intertext and its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language.]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 272 p.
5. Kulakova O. K. *Intertekstual'nost' v Aspekte Zhanroobrazovaniya (na Materiale Zhanra Fentezi): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Intertextuality in the Aspect of Genre Formation (Based on the Material of the Fantasy Genre). Abstract of Thesis]. Irkutsk, 2011.
6. Kuchmenko M. A. *Intertekstual'nost' kak Voploshchenie Idei Smerti Avtora v Literature Postmodernizma* [Intertextuality as Embodiment of the Idea of the Death of the Author

- in Postmodern Literature]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no 2, pp. 108–111.
7. Tamarchenko N. D. *Teoriya Literaturnykh Zhanrov* [Theory of Literary Genres]. *Izdatelskiy Tsentr Academia*, 2010. Available at: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_17937.pdf (accessed 30 March 2019).
  8. Halizev V. E. *Teoriya Literatury. Uchebnik* [Theory of Literature. Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1999. 398 p.
  9. Eko U. *Innovatsiya i Povtorenie. Mezhdue Jestetikoie Moderna i Postmoderna* [Innovation and Repetition. Between the Aesthetics of Modern and Postmodern]. *Izdatelskiy Tsentr Academia*, 2010. Available at: http://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/31.pdf (accessed 01 May 2019).
  10. Shulga O. S. *Roman Dzh. Ris Antuanetta (Wide Sargasso Sea) kak Priquel Romana Sh. Bronte Dzhein Jeir* [The Novel Antoinette (Wide Sargasso Sea) by J. Rhys as a Prequel to the Novel Jane Eyre by Ch. Bronte]. *Aktualnye Voprosy Filologicheskoi Nauki XXI Veka. Sbornik Statei po Materialam III Vserossiiskoi Nauchnoi Konferencii Molodykh Uchenykh s Mezhdunarodnym Uchastiem* (8 February 2013). Ekaterinburg: UrFU Publ., 2013, Vol. 2, pp. 183–190.
  11. Bronte C. *Jane Eyre*. London: The Literature page, 2017. 702 p.
  12. Bronte. C., Rose K. *Jane Eyrotica*. New York: Piatkus, 2012. 283 p.
  13. Erwin S. B. *Jane Slayre*. Simon & Shuster, 2010. Available at: https://graycity.net/sherri-browning-erwin/page,1,455874-jane_slayre.html (accessed 23 November 2019).
  14. Rhys J. *Wide Sargasso Sea*. New York: Norton paperback, 1982. 171 p.

**GENRE TRANSFORMATION OF THE NOVEL S. BRONTE “JANE AIR” IN
THE TEXTS OF MODERN AMERICAN AUTHORS**

Lushnikova G. I., Dzyuba A. A.

Summary. The work is devoted to the problem of genre transformations and new interpretations of classical works in secondary texts. The article discusses literary works based on the novel by S. Bronte “Jane Air”: prequel J. Rhys “The Wide Sargasso Sea”, mashup Sh. B. Irving “Jane Slayre”, erotic mashup K. Rose “Jane Eyrotica”. The concrete material shows different forms of pretext transformation, explores the main functions and the resulting effect of these transformations. The analyzed secondary texts are heterogeneous both in content and in artistic and aesthetic value. Creating a prequel can lead to a rethinking of the pretext, to a different interpretation of the images of heroes, to the disclosure of the diversity of the primary text and the ambiguity of the events described in it. Mash-up transformations are a kind of literary game based on an artificial combination of elements of different genres, which is not always justified from the point of view of aesthetics. The inclusion in the narrative of the pretext of unreal characters, rude descriptions of scenes of violence and eroticism, designed for undemanding tastes, leads to a distortion of the ideological intent of the author of the pretext, and, ultimately, to a misconception of the famous work.

Keywords: modern American novel, intertextuality, transformation of genres, pretext, secondary text, prequel, mashup, erotic mashup

УДК 81'42

**АЛФАВИТНЫЙ ИКОНИЗМ *ОТТО* В ИГРОВОЙ ПОЭТИКЕ В. НАБОКОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БЕРЛИНУ»)**

Мальцева Г. Ю.

**ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Белгород, Россия
E-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru**

Основной задачей исследования является контекстуально-интерпретационный анализ алфавитного иконического знака в набокковском тексте. Понятие *алфавитный иконизм*, введенное Д.Б. Джонсоном, рассматривается не в литературоведческом, а в лингвистическом ключе – как иконический знак определенной прагматической направленности в игровой поэтике рассказов «Путеводитель по Берлину», «Сказка», «Благость» и романа «Лолита». Алфавитный иконизм – уникальная составляющая игровой поэтики произведений В. Набокова, которую можно определить как один из видов повтора в индивидуально-авторском художественном узоре. Повтор как сильная позиция, маркер игровой поэтики, позволяет декодировать игровые установки художественного текста. Повтор иконического знака *ОТТО* рассматривается как компонент более сложного понятия, определяющего набокковскую прозу – узора. Алфавитный иконизм определяется как особый элемент узора, уникальный вид повтора, графические комбинации с авторской семантикой. Игровой принцип в данном случае реализуется в неявных семантических приращениях лексемы *ОТТО*, направляющих читательские интенции на поиск путей декодирования подтекстовой информации художественного произведения. На примере рассказов «Путеводитель по Берлину» и «Сказка» определяется не только семантическая наполненность знака *ОТТО*, но и прослеживаются связи знаков на метатекстовом уровне. Анализ алфавитного иконического знака *ОТТО* позволяет говорить о нем как об индивидуально-авторской философеме, синтезирующей в себе языковое и визуальное (иконическое) представление о бытийной сущности жизни.

Ключевые слова: алфавитный иконизм, игровая поэтика, иконический знак, художественный дискурс, идиостиль, индивидуально-авторская картина мира.

ВВЕДЕНИЕ

При анализе конкретного художественного текста следует учитывать доминанты индивидуально-авторского стиля. Общеизвестно, что доминантным признаком такого непростого в плане индивидуальной стилистики автора, как В. В. Набоков, является игровая поэтика его произведений.

Об игровом характере художественного текста писали Ж. Деррида, Ю. Кристева, У. Эко и др. В рамках теории игровой поэтики были осмыслены и систематизированы данные об игровом тексте, выделены принципы и подходы к анализу текста игрового характера. Н. Н. Большакова отмечает, что «игровая поэтика имеет интегративный характер, включает как языковые художественные средства, так и композиционный

уровень создания игровой атмосферы в тексте» [2, с. 6]. Н. А. Малишевская отождествляет понятия игровая поэтика и поэтика метапрозы, определяя целью такого текста игровые отношения с читателем [8, с. 24]. Использует такой термин и А. С. Долинин, исследователь творчества В. Набокова. В игровой поэтике В. Набокова А. С. Долинин выделяет следующие варианты: «случайные совпадения соединяются в значимые дуплеты и серии, второстепенные мотивы и события ретроспективно оказываются скрытыми предвосхищениями романного будущего, реалистически мотивированные реплики действующих лиц приобретают двойной смысл...» [4, с. 23].

Однако, нам представляется, что концепция игровой поэтики как доминанты идиостиля писателя, предложенная А. М. Люксембургом, является наиболее систематизированной и проработанной. Он понимает игровую поэтику как поэтику игрового текста: «Это вся система художественных средств, обеспечивающих игровую специфику текста» [6, с. 6]. А. С. Люксембург выделил целый ряд художественных принципов игрового текста, таких как амбивалентность, лабиринтизм, калейдоскопичность, игровая наррация и др. [7, с. 515-517].

По мнению исследователей, игровое начало прозы В.В. Набокова заключается в «искусственности», в выставлении всех манипуляций с языком и структурой текста напоказ. Это, на первый взгляд, облегчает задачу реципиента – читателя или исследователя (всё на виду – напоказ!), с другой – несомненно, усложняет её, так как для расшифровки этих «текстовых манипуляций» необходимо определение ключевых позиций игрового феномена.

Важно, что определение сильных (ключевых) языковых позиций игрового элемента невозможно без учета их места в структурной *ткани* текста. В слове *ткань* относительно идиостиля В. Набокова проявляется его (слова) буквальный (этимологически обусловленный) смысл: исследователи утверждают, что игровая стилистика писателя подобна узору на ткани. В частности, Г. Ф. Рахимкулова пишет, что узор в его творчестве – это способ организации текста в игровом стиле, который проявляется «в создании лексического волшебного ковра» [14, с. 30]. Узловым элементом такого узора является *повтор* – ритмообразующее свойство поэтического

текста, один из способов его гармонической организации. Повтор маркирует сильную позицию и является сигналом, позволяющим декодировать игровой знак. Поиск повтора в набоковском игровом тексте преимущественно осуществляется на уровне лексики, о чем свидетельствует и приведенная выше цитата Г. Ф. Рахимкуловой. Через слово в художественном дискурсе «проглядывают смыслы, заложенные в глубинах веков, причем смыслы эти в различных текстах варьируются, накладываются друг на друга, пересекаются, «мерцают» [15, с. 61]. Но наши наблюдения показали, что в набоковский узор, наряду со звуком или словом, вплетается буква, в ткани текста реализуются игровые манипуляции с буквами. Подобные графические комбинации с авторской семантикой получили (в соответствии с определением Джонсона) название алфавитного иконизма [3].

Алфавитный иконизм как графический повтор является уникальным проявлением игровой поэтики В. Набокова и осуществляется на метатекстовом уровне. Например, исследуемая далее алфавитная икона *Отто* и ее трансформации обнаруживаются в разных текстах дискурса писателя («Драка», «Путеводитель по Берлину», «Сказка», «Лолита»).

Целью исследования является анализ алфавитного иконического знака ОТТО (на примере рассказа «Путеводитель по Берлину» и связанных с ним рассказов «Благость» и «Сказка», романа «Лолита»). Определенная нами цель предполагает выполнение следующих задач:

- рассмотреть контекстуально-семантические особенности входящих в состав *ОТТО* букв как отдельных знаков-икон;
- определить семантическую наполненность единицы *ОТТО*, применив метод контекстуального-интерпретационного анализа (то есть анализ единиц языка в контексте);
- проследить связи между знаками на метатекстовом уровне;
- доказать, что иконический знак ОТТО представляет собой особую языковую ультракомпактную философему, хранилище и передатчик авторского взгляда на мир.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Об алфавитном иконизме у В. Набокова впервые написал в книге «Миры и антимирсы Владимира Набокова» крупнейший американский набоковед Д. Б. Джонсон. Осуществляя анализ важных мотивов, пронизывающих дискурс писателя, к которым он относил игру, анаграмму, мотив зеркала и др., исследователь обращает внимание на одно из проявлений игровой поэтики художественного произведения у В. Набокова – на алфавитный иконизм. Указывая на важность не только слова, но и звука, буквы в творческой мастерской В. Набокова, Д. Б. Джонсон приводит в пример синестетические характеристики дискурса писателя, исходя из которых каждая буква, «атом его искусства», имеет свой оттенок цвета [3, с. 48]. Кроме того, каждая буква обладает не только звуковой и цветовой окраской, но и визуализируется.

Джонсон справедливо замечает, что буквы в дискурсе писателя могут выступать как «алфавитные иконические образы, которые не только что-то *означают*, но и что-то *изображают*» [3, с. 48 – выделено нами. – Г. М.].

Буква – это графический знак, а знак обладает такими свойствами как материальность (знак всегда материален) и информативность (знак несет в себе определенную информацию, о чем говорит и этимология слова: *знак-знать*). Но самое главное свойство знака в том, что он позволяет преодолеть пространственные и временные границы, так как «позволяет использующему знаки ... говорить о том, что отсутствует в момент речи» [5, с. 8]. Знак всегда замещает то, о чем сообщает. Таким образом, знак представляет собой единство формы, предмета, который этой формой замещается, и информации о предмете [5, с. 8]. Главное свойство знака – условность, так как «их денотат связан с формой как бы по соглашению, договору, негласно заключенному между пользующимися этими знаками» [5, с. 10].

В соответствии с классификацией Ч. С. Пирса, который делит знаки на 3 вида: символы, иконические знаки и индексы, буква – знак-символ: она указывает на звук, но не дает представления о денотате так же, как, например, форма слова *яблоко* не дает нам представления о яблоке как о предмете, не похожа на него [12, с. 1983].

Несомненна условность использования буквы *c* как графического изображения звука [с], однако, когда форма буквы ассоциируется с улыбкой, можно говорить об этой букве как о знаке иконическом.

Именно таким образом, по наблюдениям Д. Б. Джонсона, представлена эта буква как иконический знак в рассказе В. Набокова «Письмо в Россию» (1925 г.). «Русский эмигрант, от лица которого ведется повествование, стоит на кладбище, около креста, на котором ночью повесилась вдова покойного». Глядя на серповидный след от каблучков повесившейся женщины, «рассказчик думает о том, что и в смерти есть детская улыбка» [3, с. 49]. Игра проявляется в способности рассказчика (смотрящего глазами автора) разглядеть узор и наложить его на то, что ему известно. След напоминает букву *C*, улыбку ребенка, кроме того, с буквы *C* начинается слово *смерть*.

Здесь буква *c* – иконический знак, который строится по принципу схожести формы и денотата. В работах Б.А. Плотникова иконические знаки классифицируются следующим образом: «фотография-рисунок-чертеж-схема-график-диаграмма-символ-таблица-формула-цифра-способ написания вербальных знаков» [13, с. 180].

Здесь буква-символ через игру приобретает статус иконического знака, так как ее зримая форма схожа с денотатом. Это особое отношение к букве в текстах В. Набокова впервые отметил Д. Б. Джонсон: буква не есть условно принятый знак, символ, а приобретает значение и образность посредством визуализации ее очертаний.

Стоит отметить, что древнее, изначальное письмо (руническое, пиктографическое) тоже создавалось по принципу иконичности. Можно предположить, что В. Набоков не желает принимать готовое, устоявшееся значение, хочет созидать, ощутить себя в роли первотворца, создателя своего слова. Тема мучений творящего духа в темнице закованного языка звучит во многих произведениях писателя. Например, в рассказе «Ужас» герой, чтобы выразить свое состояние, ищет «точного определения, но на складе готовых слов нет ничего подходящего» [10, с. 398].

Используя алфавитный иконизм как элемент языковой игры, В. Набоков, несомненно, решает определенную художественную задачу, создавая собственный затейливый узор текста. Каждый случай пересечения *буква–знак* прагматически предопределен.

«Включение» алфавитного иконизма может быть мимолетным, эпизодическим, «дополнять общую картину». Так, в описанном уподоблении улыбки букве *С* создается эмоциональный фон эпизода – потрясение от увиденной картины, осознание величия смерти.

Чисто изобразительную функцию играет эта фигура в рассказе «Memory, speak», где французскую гувернантку, обозначенную как *Mademoiselle O.*, писатель сравнивает с луной, «ассоциация с которой вызывается с помощью буквы «*O*» с ее синестетическим фоном круглого, обрамленного в слоновую кость ручного зеркальца» [3, с. 49]. Стоит заметить, что буква *O*, как и некоторые другие, по наблюдениям Джонсона, в мастерской писателя используется для иконической игры чаще других.

Особенно важны случаи, когда алфавитный иконизм выполняет в тексте смыслообразующую роль. Совершенно особую разновидность алфавитного иконизма Д.Б. Джонсон находит в романе «Приглашение на казнь». Игры с буквами призваны показать муки художника слова в темнице языка. Цинциннат уверен «в своем гностическом знании и в своей «способности» или «даре» выражения», но все же «его старания передать словами свою мечту, выразить другой мир на языке этого мира» оказываются тщетны [3, с. 57].

Важно напомнить, что алфавитный иконизм – это элемент набоковского узора, метода игровой поэтики писателя, предполагающего вариации элементов, как отмечалось выше, «особым образом повторяющихся». Этот узор можно воссоздать, только детально проследив динамику использования графических единиц.

Представим детальный анализ проявления иконической игры с буквами на примере рассказа «Прогулки по Берлину», написанного в 1925 году. Этот рассказ таит в себе интересный пример алфавитного иконизма, как нам кажется, важный для понимания мирозерцания писателя.

Как известно, в Берлине писатель жил с 1922 по 1925 годы и недолюбливал этот город, который для него стал чередой съемных комнат. В декабре 1925 года был написан рассказ «Путеводитель по Берлину», в котором, по словам Б. Бойда, «происходит перелом и неоперившийся Сирин превращается во взрослую райскую птицу» [1, с. 297]. В «Путеводителе по Берлину» равно как и в «Машеньке» и в «Возращении Чорба» В. Набоков «наметил путь к своей особой цели. Вместо того чтобы копить старые иконы потусторонности, он подвергает парадоксальные условия нашего существования философскому анализу» [1, с. 297]. Философ и мирозозецатель, упоенный хитрой работой наложения узоров, ищет пути в неизведанное, потустороннее, используя игровые возможности того материала, который становится его кровью и плотью, «кровным наречием», – русского языка.

Рассмотрим подробнее эпизод «Путеводителя по Берлину», в котором присутствует алфавитный иконизм:

«Трубы.

Перед домом, где я живу, лежит вдоль панели огромная черная труба, и на аршин подальше – другая, а там – третья, четвертая: железные кишки улиц, еще пустые, еще не спущенные в земляные глубины, под асфальт. В первые дни после того, как их гудко свалили с грузовиков, мальчишки бегали по ним, ползали на четвереньках сквозь эти круглые туннели, но через неделю уже больше никто не играл, – только валил снег. И теперь, когда в матовой полутьме раннего утра я выхожу из дома, то на каждой черной трубе белеет ровная полоса, а по внутреннему скату, у самого жерла одной из них, мимо которой как раз сворачивают рельсы, отблеск еще освещенного трамвая взмывает оранжевой зарницей. Сегодня на снеговой полосе кто-то пальцем написал «Отто», и я подумал, что такое имя, с двумя белыми «о» по бокам и четой тихих согласных посередке, удивительно хорошо подходит к этому снегу, лежащему тихим слоем, к этой трубе с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной» [10, с. 336].

Имя «Отто», начертанное на трубе, рассказчик рассматривает побуквенно: он видит две белые «о» по бокам и «чету тихих согласных посередке» (тт). Разглядев в

слове особый узор, он сразу же накладывает его на другую – на трубу «с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной».

По ходу движения повествования становится ясно, что трубы – это «железные кишки улиц», то есть рассказчик увидел то, что обычно скрыто от глаз, находится под землей. Позиция рассказчика – наблюдение со стороны, над миром, даже вне мира, позволяет ему увидеть намного больше, чем может разглядеть простой обыватель: «мир лучше рассматривать, отступив в сторону или даже выйдя из него вон» [1, с. 295]. По мнению Бойда, «дистанцированность повествователя» это «один из возможных вариантов отношения искусства к жизни» [1, с. 320].

И улица, и Берлин для писателя – модель мира, мира обывателя, немецкого педантичного и практичного мира бюргера.

Этимологический анализ немецкого имени *Отто* подтверждает эту мысль: *Отто* означает «богатство, владение, господство». Человек в земном мире в его низших проявлениях – накопитель, стяжатель, он стремится и жаждет материального.

Лексема *Отто*, рассматриваемая рассказчиком побуквенно («с двумя белыми «о» по бокам и четкой тихих согласных посерединке»), – это одно из проявлений алфавитного иконизма, призванного вовлечь читателя в особые, игровые, отношения с текстом.

Возможность рассматривать лексему *Отто* как соединение алфавитных икон *отт-о* предоставляет нам анализ контекста. Само соединение букв Отто представляет собой графическое изображение трубы.

Описывая свой *audition colore*, в «Других берегах», В. Набоков причисляет букву «о» к «белесой группе», в английской вариации «Memoгу, speak» восприятие «о» связано «с ее синестетическим фоном круглого, обрамленного в слоновую кость ручного зеркала» [3, с. 49].

Буква «о» в буквенном «рисунке» *Отто* для писателя не просто символизирует, а по своим контурам, очертаниям повторяет образы входа-выхода, отверстия. Неслучайно в произведении есть слова со значением отверстия (*жерло, пасть, отверстие*), значениями входа-выхода, помещений со входом-выходом, которые являются вариантами, моделями из реального мира, иллюстрирующими икону Отто

(пивная, трамвай (Ср. «Телега жизни» А.С. Пушкина), фургон, почтовый ящик, лиственница с корнями и макушкой, лавка мясника, церковь, Зоологический сад, гостиница, витрина).

Буквы «тт», определяемые рассказчиком как «чета тихих согласных» – это сам тоннель, тело трубы, символизирующей жизненный путь человека. Человек рождается (*о-вход*), проживает свой жизненный путь (*тт-путь, таинственная глубина*) и умирает (*о-выход*). В икону, графически представленную как «тт», вписывается и труба, и трамвай (люди входят, платят за проезд и выходят на своей остановке), и лиственница (с ее корнями и подрагивающей верхушкой).

Таким образом, первая глава «Трубы» - заглавная. В ней появляется игровой элемент в виде алфавитной иконы Отто, разгадать который помогают образы, представленные в следующих главах. Отто – родовой элемент системы образов, первым из которых является труба. Труба – это **пространственная геометрическая** модель человеческого существования. Кроме того, в главе «Трубы» раскрывается семантическая наполненность буквы-иконы «о» - начального знака алфавитной иконы *Отто*. Контекст *«еще праздные, еще не спущенные в земляные глубины»* дает представление о **начале пути, о рождении**.

В следующей главе «Трамвай» перед читателем предстает трамвайный кондуктор с «особыми» руками: *«они так же проворно работают, как руки пианиста, – но вместо того, чтобы быть бескостными, потными, с мягкими ногтями, руки кондуктора – такие жесткие, что когда, – вливая ему в ладонь мелочь, – случайно дотронешься до этой ладони, обросшей словно грубым, сухим хитином, становится нехорошо на душе»* [10, с. 337].

Здесь явно прослеживается противопоставление *пианист – трамвайный кондуктор*, демонстрирующее доминирующие антиномии в творчестве писателя: *гений-обыватель, духовное-телесное, небесное-земное*.

Трамвай – следующая материальная репрезентация алфавитной иконы *Отто*. Однако в отличие от первого образа (трубы) трамвай представляет собой **временной** образ – человеческое существование как **путь**: «о» - посадка (*«отпахивается окошечко в передней двери, чтобы дать билеты стоящим на площадке»*), «тт» - сам

путь, движение («вагон качает, люди в проходе хватаются за висячие ремни, при каждом толчке подаются то вперед, то назад»), «о» - высадка, конечная остановка («у остановки, на краю панели...»; «на конечной станции передний вагон отцепляется...»).

Глава «Работы» представляет собой «образы разных работ» [10, с. 338], то есть алфавитная икона *Отто* реализуется как **действие, жизнедеятельность, оканчивающаяся смертью**. Как образы неумолимого рока или потусторонних сил выступают четверо рабочих, вгоняющих в землю котыргу равномерными ударами молота. «*Что-то ангельское*» замечает рассказчик в пекарне, который везет «*ровные ряды пустых бутылок, собранных по кабакам*» [10, с. 338]. Таинственно выглядит почтальон, опоражнивающий ящик и захлопывающий «*квадратную пасть отяжелевшего мешка*». На палача похож мясник «*в переднике, в кожаном капюшоне с долгим затылком*», который тянет в свою лавку «*бланжевые, в розовых подтеках и извилинах туши*» [10, с. 338]. Как жертва выглядит листовница, которую везут на телеге: «*она лежит плашмя, макушка мягко вздрагивает, а корни с землей, завернутые в плотную рогожу, образуют у ее основания огромную, желто-бурую бомбу*» [10, с.338].

В главе «Эдем» алфавитная икона *Отто* реализуется в образе «искусственного рая», который тешит человека мыслью о возможном бессмертном существовании. Однако и этот рай представлен чередой решеток и оград. Человек, который «способен рай восстановить», воссоздает его по образцу своего существования. Таким образом, графическая пара «тт» проецируется и на представление человека о рае.

Еще раз повторимся, что позиция у рассказчика особенная. Он находится, вернее, у него есть такая способность – находиться как бы вне жизни, наблюдать человека-обывателя, жука-скарабея, катящего свое материальное приобретение впереди себя до самого конца – смерти.

«Чета тихих согласных» «тт» отображает этот путь как путь темницы, где «верх» (нематериальное, потустороннее, духовное, принадлежащее истинному искусству) закрыт. Таким образом, «таинственная глубина», репрезентированная графически в сочетании «тт», является индивидуально-авторским образом жизненного пути

человека, находящимся между двумя алфавитными иконами «о», символизирующими рождение и смерть.

Описание кормления черепахи в главе «Эдем» нацелено на то, чтобы вызвать чувство отвращения в читающем, но в момент, когда отвращение уже достигнуто, рассказчик находит в ней красоту, над которой замирает в восхищении: *Из-под пятипудового купола медленно (как задержанный снимок в кинематографе), с какой-то дряхлой опаской, высовывается морщинистая плоская голова и две ни на что не способные лапы. И толстым, рыхлым языком, чем-то напоминающим язык гугнивого крестина, которого вяло рвет безобразной речью, черепаха, уткнувшись в кучу мокрых овощей, неопрятно жует листья. Но этот купол над ней, – ах, этот купол, – вековой, потертый, тусклая бронза, великолепный груз времен...* [10, с. 339].

Понимание счастья как поиска дивных мелочей, сочетаний, тайных узоров даже в уродливом находим уже в ранних стихотворения Сирина. В стихотворении «Садом шел Христос с учениками...» (1921), посвященном годовщине смерти Ф. М. Достоевского, Иоанн «отвернулся» и Матфей «поморщился», глядя на собачий «труп гниющий», «полный склизких, слипшихся червей». Иисус же сказал «Зубы у него – как жемчуга...» [11, с. 180].

Глава «Пивная» замыкает круг рассказа: в пивной автор начинает свой рассказ «о трубах, трамваях и прочих важных вещах» [10, с. 336], сцена в пивной заканчивает повествование. В этой главе через мотив зеркального удвоения раскрывается палиндромная структура алфавитной иконы Отто.

Через год после написания «Путеводителя по Берлину», в мае 1926 года, была написана новелла «Сказка», в которой появляется *госпожа Отт*, черт в обличье пожилой женщины. Герой рассказа – молодой берлинец, развлечением которого является подбор женщин в свой фантазийный гарем. Госпожа Отт предлагает ему осуществление своей фантазии наяву. «Рассказ сочетает чистую фантастику и психологическую детализацию, форму сказки и реалистическую тему полового влечения» [1, с. 306].

Совершенно ясно, что два этих иконических знака (Отто из «Путеводителя по Берлину» и Отт из «Сказки») связаны между собой, играют неразгаданностью тайны.

Алфавитный иконизм «Отто» – это синтез графического, буквенного и семантического единства, призванного в максимально сжатой форме донести до читателя квинтэссенцию смысла: жизнь обывателя, как жизнь обитателей Зоологического сада, имеет три составляющих: рождение (о-вход) – существование (тт-путь) – смерть (о-выход).

Алфавитный иконизм «Отт» отличается отсутствием одного знака-иконы «о», соответствующего в модели бытия В. Набокова выходу или смерти. Именно бессмертие носителя этого имени (черта) определяет трансформацию иконического знака «Отто» в «Отт». Кроме того, гармония сочетания нарушается, возникает графическая дисгармония, которая несет в себе и семантическую нагрузку. Черт является представителем дьявольского мира, мира разрушения, хаоса и ассиметрии. В контексте новеллы он олицетворяет грешную страсть самого героя, которая разрушает его духовность. Иконический знак «Отт» – это ловушка, на которую Эрвин попадает из-за своей греховной сущности: вход туда есть, а выхода нет, и поэтому он проигрывает свою игру. Эта тема безвыходности положения поглощенного страстями человека будет звучать и «Волшебнике», и в «Лолите».

В романе «Лолита» главный герой Гумберт Гумберт имеет несколько несостоявшихся псевдонимов, среди которых – Отто Отто. Семантика имени *Отто* как алфавитной иконы позволяет сделать вывод, что использованный в данной вариации алфавитного иконизма повтор (Отто Отто) отсылает к предыстории гумбертовского грехопадения: детской любви к Аннабелле и желанию воплотить эту любовь через Лолиту. Гумберт видит в Лолите Анабеллу, забывая, что вернуться в прошлое невозможно. Герой хочет прожить вторую жизнь, нарушает естественный ход времени, но осознание совершенного греха превращает его жизнь в ужас. Таким образом, несостоявшийся псевдоним Отто Отто представляет собой алфавитную икону «копирования»/ повторения жизненного пути. Контекст романа и нереализованный псевдоним подтверждают авторскую позицию невозможности прожить жизнь заново. В то же время двойное имя (таутоним) может репрезентировать двойственную натуру самого Гумберта, в котором борются человеческое и дьявольское начала (*«кабы дьявол не смекнул, что ему надобно мне*

дать небольшое удовлетворение, ежели он желает, чтобы я ему еще послужил игралищем»; «несмотря на всю изобретательность дьявола, схема была ежедневно одна и та же: он начинал с того, что соблазнял меня...» [9, с. 265]).

Следовательно, если алфавитная икона ОТТО синтезирует философское понимание человеческого (обывательского) существования, то две ее трансформации ОТТ и ОТТО ОТТО – страшную деградацию человеческого желания обладать, раздвоение личности, в которой борются бог и дьявол.

Читателю, готовому пройти сквозь эту очень тонкую смысловую игру предоставляется возможность посмотреть на мир глазами автора, оказаться за гранью жизни, не в «отто», а над моделью мира, чтобы, созерцая тайный узор, выуженный гением из повседневности, по-другому понимать этот мир и свое предназначение в нем.

А на вопрос, в чем смысл жизни, в чем ее счастье, автор отвечает нам рассказом «Благость», который написан в 1924 году. О связи двух рассказов («Путеводитель по Берлину» и «Благость») говорит одна важная деталь в рассказе «Благость», героиней которого становится старушка, продающая открытки: *Она деловито возилась у лотка. Рядом, на табурете, осталась книга – **путеводитель по Берлину**, – и осенний ветер рассеянно поворачивал страницы, трепал план, выпавший из них ступеньками* [10, с. 376].

Если рассмотренные выше рассказы представляют нам алфавитные иконы бытия-темницы, беспросветности земной жизни, то «Благость» показывает нам, как художнику, человеку тонкой душевной организации найти счастье в этом мире: *«...я почувствовал всю нежность мира, глубокую благость всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня, повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оцененный нами»* [10, с. 377].

Только истинному художнику доступно трансцендентное познание сущности бытия именно потому, что искусство позволяет ему смотреть сверху, возвышаться над смертным бытием. А читателю набоковского текста через игровой прием алфавитного иконизма дается возможность посмотреть глазами художника, со стороны, на жизнь обывателя, быть может, ужаснуться этой жизни. Трудно не согласиться с Б. Бойдом в том, что «Набоков никогда не призывает нас поворачиваться спиной к известному нам миру, но чудесной силой своего зрелого искусства предлагает нам шанс, который не может дать жизнь. Он позволяет нам открыть для себя, сколь бесценным и неисчерпаемым кажется этот мир, если взглянуть на него извне человеческого времени» [1, с. 376].

Участь художника не изобличать и ненавидеть, а любоваться прекрасным, собирать никому не нужные драгоценности, доказательства мимолетности и прелести жизни и живого существа вообще. И эти мелочи всегда есть маленькое «но», которое позволяет художнику быть счастливым.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на примере двух взаимосвязанных моделей алфавитного иконизма мы показали, что в игровой поэтике дискурса В. Набокова инструментарием могут быть самые минимальные элементы языка – буквы. Автор использует «алфавитные мотивы как символ стремления художника прорваться сквозь барьеры языка и выразить невыразимое» [3, с. 68]. Можно сказать, что творческий метод писателя состоит в том, чтобы менять темы жизни «... по-своему, стремясь к какой-то условной гармонии, к художественной сжатости» [10, с. 363].

ОТТО в игровой поэтике Набокова имеет не только лексическое значение, но предстает как знак-икона, определяемый нами вслед за Д.Б. Джонсоном как алфавитный иконизм. Синтезируя в себе лексическое и индивидуально-авторское графическое значения, алфавитная икона ОТТО отражает авторское представление о сущности земной жизни. ОТТО – это картина жизненного пути от художника слова.

Контекстуально-интерпретационный анализ помог определить семантическую наполненность не только текстовых единиц ОТТО, но и отдельных букв-икон «О»-

«ТТ»-«О». Общее значение алфавитной иконы ОТТО «жизнь»/ «человеческое существование» дробится на составляющие элементы «О»-вход/рождение, ТТ»-жизненный путь и «О»-выход/смерть.

Была прослежена и проанализирована связь между алфавитной иконой ОТТО и ее трансформациями на метатекстовом уровне. Так, были рассмотрены алфавитные иконы ОТТ в новелле «Сказка» и алфавитная икона ОТТО ОТТО в романе «Лолита». Было доказано, что любые трансформации гармоничной структуры знака-палиндрома ОТТО отражают деградацию личности в дискурсе В. Набокова.

Графические элементы-буквы, выступая в игровом тексте как алфавитные иконы, позволили В. Набокову вместить авторский взгляд на мир в одну текстовую единицу ОТТО. Алфавитная икона ОТТО приобретает свое особое значение только при игровом прочтении текста, при разгадывании элементов игровой поэтики. В связи с тем, что имя ОТТО по прочтении, в ходе сопоставления с контекстуальными единицами наполняется другой, индивидуально-авторской семантикой, мы понимаем этот текстовый знак как философему не только текста, но и метатекста В. Набокова.

Список литературы

1. Бойд, Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография [Текст] / Б. Бойд. – СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. – 696 с.
2. Большакова, Н. Н. Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Н. Большакова. – Смоленск, 2007. – 18 с.
3. Джонсон, Д. Б. Миры и антимирy Владимира Набокова [Текст] / Д. Б. Джонсон. – СПб. : Издательство «Симпозиум», 2011. – 352 с.
4. Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове [Текст] / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 402 с.
5. Лукин, В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] / В. А. Лукин. – М. : Издательство «Ось-89», 1999. – 192 с.

6. Люксембург, А. М. Игровая поэтика: введение в теорию и историю [Текст] / А. М. Люксембург // Игровая поэтика. Выпуск 1. Сборник научных трудов ростовской школы игровой поэтики. – Ростов-на-Дону : Литфонд, 2006. – 272 с.
7. Люксембург, А. М. Отражения отражений: творчество В. Набокова в зеркале литературной критики [Текст] / А. М. Люксембург. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2004. – 639 с.
8. Малишевская, Н. А. Игровые практики в дискурсе постмодерна [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 24.00.01 / Н. А. Малишевская. – Ростов-н/Д, 2007. – 30 с.
9. Набоков, В. В. Романы. Рассказы [Текст] / В. В. Набоков. – М. : Звездный мир, 2003. – 607 с.
10. Набоков, В. В. Собр. соч. : В 4 т. Т.1 [Текст] / В. В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – 414 с.
11. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М. : Современник, 1991. – 576 с.
12. Пирс, Ч. С. Элементы логики. Grammatica speculativa [Текст] / Ч. С. Пирс // Семиотика. – М., 1983. – С. 151–210.
13. Плотников, Б. А. Семиотика текста. Параграфемика [Текст] / Б. А. Плотников. – Минск, 1992. – 190 с.
14. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова : К проблеме игрового стиля [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 332 с.
15. Чумак-Жунь, И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков : моногр. [Текст] / И. И. Чумак-Жунь. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.

References

1. Boid B. Vladimir Nabokov: Russkie Gody: Biografiya [Vladimir Nabokov: Russian Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2010. 696 p.

2. Bolshakova N. N. *Igrovaya Poetika v Literaturnykh Skazkakh Mikhaelya Jende: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Game Poetics in the Literary Tales of Michael Ende. Abstract of Thesis]. Smolensk, 2007.
3. Dzhonson D. B. *Miry i Antimiry Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov's Worlds and Anti-Worlds]. SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2011. 352 p.
4. Dolinin A. *Istinnaya Zhizn' Pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The True Life of the Writer Sirin: Works about Nabokov]. SPb.: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 402 p.
5. Lukin V. A. *Hudozhestvennyi Tekst: Osnovy Lingvisticheskoi Teorii i Elementy Analiza* [Artistic Text: The Basics of Linguistic Theory and Elements of Analysis]. Moscow: Izdatelstvo Os-89, 1999. 192 p.
6. Lyuksemburg A. M. *Igrovaya Poetika: Vvedenie v Teoriyu i Istoriyu* [Game Poetics: an Introduction to Theory and History]. *Igrovaya Poetika*. Vypusk 1. Sbornik Nauchnykh Trudov Rostovskoi Shkoly Igrovoi Poetiki. Rostov-na-Donu: Litfond Publ., 2006. 272 p.
7. Lyuksemburg A. M. *Otrazheniya Otrazhenii: Tvorchestvo V. Nabokova v Zerkale Literaturnoi Kritiki* [Reflections of Reflections: V. Nabokov's Work in the Mirror of Literary Criticism]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Rostovskogo Universiteta, 2004. 639 p.
8. Malishevskaya N. A. *Igrovye Praktiki v Diskurse Postmoderna: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Game Practice in the Discourse of Postmodernism. Abstract of Thesis]. Rostov-na-Donu, 2007.
9. Nabokov V. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]: in 4 Vol. Vol.1. Moscow: Pravda Publ., 1990. 414 p.
10. Nabokov V. *Stikhotvoreniya i Poemy* [Poems and Problems]. Moscow: Sovremennik Publ., 1991. 576 p.
11. Nabokov V. V. *Romany. Rasskazy* [Novels. Tales.]. Moscow: Zvezdnyi Mir Publ., 2003. 607 p.
12. Pirs Ch. S. *Elementy Logiki. Grammatica Speculative* [Elements of Logic. Grammatica Speculativa]. *Semiotika*. Moscow, 1983, pp. 151–210.
13. Plotnikov B. A. *Semiotika Teksta. Paragrafemika*. [Semiotics of the Text. Paragraphemics]. Minsk, 1992. 190 p.

14. Rakhimkulova G. F. *Yazykovaya Igra v Proze Vladimira Nabokova: K Probleme Igrovogo Stilya: Dis. ... Dok. Filol. Nauk* [Language Play in Vladimir Nabokov's Prose: To the Problem of Game Style. Thesis]. Rostov-na-Donu, 2004. 332 p.
15. Chumak-Zhun I. I. *Poeticheskii Tekst v Russkom Liricheskom Diskurse Kontsa XVIII – Nachala XXI Vekov: Monografiya* [Poetic Text in the Russian Lyric Discourse of the Late 18th – Early 21st Centuries. Monography]. Belgorod: Izdatelstvo BelGU, 2009. 244 p.

ALPHABETIC ICONISM OTTO / OTT IN THE GAME POETICS OF V. NABOKOV (ON THE STORY MATERIAL “BERLIN GUIDE”, “TALE”)

Maltseva G. Y.

The article considers a unique component of Vladimir Nabokov's game poetics-alphabetical iconism of OTTO/OTT. The concept of alphabetic iconism, introduced by DB Johnson, is considered not in literary, but in a linguistic vein - as an iconic sign of a certain pragmatic orientation in the game poetics of the stories “Guide to Berlin” and “Goodness”. Within the framework of the anthropocentric paradigm of modern linguistic research, alphabetical iconism is defined as a special kind of repetition in the pattern of Nabokov's poetics. Repeat as a strong position, a marker of game poetics, allows you to decode game settings of a literary text. The repetition of the iconic OTTO sign is considered as a component of a more complex concept that defines Nabokov's prose - pattern. Alphabetical iconism is defined as a special element of the pattern, a unique kind of repetition, graphic combinations with author's semantics. The game principle is implemented in the implicit semantic increments of the OTTO lexeme, directing the reader's intentions to find ways to decode the subtext information of a work of art. The Central issue of the study is the analysis of the alphabetic iconic sign in the context of contextual and interpretative analysis. On the example of the stories "Guide to Berlin" and "Fairy Tale" is determined not only the semantic content of the sign OTTO/OTT, but also traced the relationship of signs at the metatext level. The author's idea of the alphabetical iconism of OTTO/OTT as an individual author's philosophy synthesizing the linguistic and visual (iconic) idea of the being essence of life is presented.

Keywords: alphabetical iconism, game poetics, iconic sign, artistic discourse, idiostyle, individual author's picture of the world.

УДК 821.161.1—311.4

DOI:10.37279/2413-1679-2020-6-1-76-94

**«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»: СПОРЫ О ДУШЕ
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ**

Машкова Е. Е.

**Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Россия
lebed_ekaterina@bk.ru**

Статья посвящена проблеме трансформации ключевого концепта русской ментальности «Душа» в советской литературе и критике первых послереволюционных десятилетий. Обнаруживается, что для адептов нового строя *душа* прежде всего связана с религиозными представлениями о божественном начале в человеке. Описываются симптоматичные для 1920-х годов попытки дискредитировать это понятие, исключить его из активного словаря как идеологически чуждый анахронизм. Показана сложная авторская рефлексия «попутчиков» (Л. Леонова, М. Шагинян), представителей «внутренней эмиграции» (А. Платонова) относительно духовных экспериментов эпохи. В «Соти» Л. Леонова, «Гидроцентрали» М. Шагинян, «Шарманке» А. Платонова обнаруживаются контексты, свидетельствующие, что для указанных авторов *душа* по-прежнему остается основополагающей бытийной категорией.

Констатируется, что к середине 1930-х годов слово *душа* из обихода литераторов не уходит, хотя в большинстве случаев употребляется только в составе фразеологизмов. На материале произведений Ф. Гладкова, И. Ле, В. Кетлинской, Б. Ясенского, Г. Дальнего, П. Нилина, А. Зорича, А. Карцева доказывается, что традиционные представления о душе не просто искоренялись новой идеологией, а, искажаясь, адаптировались к ней.

Обосновывается нетождественность категорий «коллективизм» и «соборность».

Ключевые слова: советская литература, социалистический реализм, концепт «Душа», национальная ментальность, соборность, коллективизм.

ВВЕДЕНИЕ

Современные гуманитарии единодушны во мнении о религиозной природе русского коммунизма, при этом среди источников большевизма одним из первых упоминают православие [7, с. 127–131]. Порой «переделка» русского в советское, православного в коммунистическое представляется упрощенно – как перелицовка, переименование существовавших до революции обрядов и аксиологических ориентиров. Качественно иную оценку происходившему дают М. М. Дунаев, И. А. Есаулов, В. Мочалова. М. М. Дунаев подчеркивает, что коммунизм пародирует православное миропонимание [13, с. 13]. И. А. Есаулов отмечает, что большевистская религиозность, используя христианскую каноничность, полностью перекодирует православную ценностную систему [18, с. 14–15].

Анализ трансформаций в эпоху большевизма концептов, ключевых для русского национального сознания, позволяет доказать, что тогда имели место не просто переименование, а именно тотальная перекодировка дореволюционных ценностных категорий.

Концепт «Душа» традиционно называют основообразующим для русской ментальности [28], однако его связь со сферой религиозного характеризуют по-разному. Ряд исследователей считает, что для русского народа и сегодня *душа* прежде всего – вместилище Божественного в человеке [6, с. 205]. Существует и прямо противоположное мнение, согласно которому сакральное значение слова, определяющее для древних памятников и церковных текстов, утрачивается по мере утверждения материалистического мировоззрения и уже в XIX веке в русском сознании душа – это не столько *божественное*, сколько индивидуально-личностное, *человеческое* [1, с. 97; 33, с. 168; 5, с. 488]. В 1920-е годы, тем не менее, представления о душе развенчивались прежде всего потому, что «от души рукой подать до веры, до Бога» [14, с. 170]. Подчеркивалось, что до революции так много говорилось о душе именно служителями церкви: церковь «использовала понятие о душе для направления поведения людей» [4, с. 157].

Подобные процитированному контексты позволяют рассмотреть трансформации концепта «Душа» в литературно-критическом дискурсе 1920–1930-х годов в свете проблемы псевдорелигиозных претензий большевизма, охарактеризовать природу предлагаемых им духовных ценностей, что составляет цель настоящего исследования.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Страницы «толстых» литературных журналов первых послереволюционных десятилетий изобилуют свидетельствами того, что слово *душа* воспринималось адептами нового строя как чуждое, инородное. Об этом говорят многочисленные кавычки, оговорки, пояснения.

В 1933 году на страницах «Красной нови» рапповский критик В. Ермилов в статье «Рост пролетарской интеллигенции и вопросы тематики художественной

литературы» приводит слова передовика Государственного подшивникового завода имени Л. М. Кагановича рабочего Крапивина о технической литературе тех лет. Главный недостаток книг на производственные темы рабочий видел в том, что в них «не вложено души» [17, с. 180]. Трижды цитируя слова Крапивина, Ермилов всякий раз считает необходимым пояснить сомнительную формулировку: «души, *т. е. живой и горячей творческой мысли, работающей на социализм*» (здесь и далее курсив наш. – Е. М.); «“души”, *т. е. ... ленинско-сталинского, партийного, наполненного духом бешеной страстности, большевистским революционным размахом отношения к технике...*»; «“души”, *революционного размаха, боевого огня...*» [17, с. 180, 184].

Кавычек, идеологически выдержанного разъяснения В. Ермилову как будто недостаточно – критик, словно пытаясь обезопасить себя, прячется за авторитет вождей, отсылает читателя к ленинским и сталинским высказываниям.

Ни Ленин, ни Сталин от слова *душа* не отказывались. Вспомним ленинские слова о двух душах мелкого собственника и сталинскую формулировку «инженеры человеческих душ», адресованную советским писателям. Нужно отметить, что существует версия, согласно которой автором известной номинации художников слова был Ю. Олеша – Сталину же она просто понравилась. Поначалу, прибегая к этому выражению, Сталин в духе эпохи сопровождал фразу своего рода пояснением, указанием на первоисточник – словами «Как метко выразился товарищ Олеша...» [38]. Со временем формулировка прижилась и закрепилась за «отцом народов», оговорки стали излишними.

Между тем, участники литературного процесса 1920–1930-х годов, даже цитируя вождей, слово *душа* считали необходимым выделять графически и комментировали особо. Давая оценку массово издаваемой в конце 1920-х книге Ф. И. Панферова, критик М. Гельфанд последовательно закавычивает опасную лексику: «“Бруски” есть художественное <...> применение ленинского учения о “двух душах” мелкого товаропроизводителя <...>. Борьба этих “двух душ” – “души” торгаша и приобретателя против “души” труженика – и составляет драматический конфликт, лежащий в основе “Брусков”» [8, с. 156].

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей А. Н. Афиногенов, упомянув о том, что Сталин назвал советских писателей инженерами человеческих душ, осторожно пояснил сталинское определение со ссылкой на Малую советскую энциклопедию. В энциклопедической словарной статье констатировалось, что марксистская психология дискредитировала представления о душе как научно несостоятельные [28, с. 429]. (Вспомним здесь и тиражируемое в СССР определение самого понятия «психология»: марксистская психология – психология не «в точном словесном смысле (психэ – душа)», она «начисто» отказалась от понятия души [4, с. 157–158].)

По мысли А. Н. Афиногенова, всякий раз, когда говорится о душе, на самом деле «речь идет о психологии, о психическом в человеке», соответственно, советские литераторы – это «инженеры человеческой психологии», что проявляется в раскрытии в книге личностного начала, характера человека [Там же].

Такое словесное блуждание, попытки обойтись без сущностно необходимых понятий точно воссоздал в пьесе «Шарманка» А. Платонов. По сюжету пьесы в СССР приезжает профессор Стерветсен, желающий разобраться: правда ли, что большевики изжили душу как слово и феномен. Герои пьесы, страшая обвинений в религиозной пропаганде, заменяют слово *душа* новыми, не всегда осмысленными и понятными словами-симулякрами (например, лексемой *надстройка*). Адепты нового строя, как Л. Авербах в роковой для Платонова статье «О целостных масштабах и частных Макарах», недорого оценили духовный и лексический вакуум, ощущаемый писателем онтологически трагично: «...конкретный смысл платоновского “даешь душу” означает “даешь право на ячество, на шкурничество, на себялюбие...”» [цит. по: 2, с. 273–274]. На языке эпохи реквием Платонова по душе – не более чем «правоуклонистские и кулацкие лозунги» [Там же].

Несмотря на то, что перед литературой официально ставилась задача утверждать «диалектико-материалистическое миросозерцание» [26], на уровне живого художественного слова отказаться от понятия души оказалось невозможно не только для А. Платонова. Авторы, мировоззрение которых формировалось до революции, в сложную эпоху эстетических, философских, религиозных исканий разного толка,

художники, личностное и творческое становление которых пришлось на первое послереволюционное десятилетие, названное исследователями периодом плюрализма идей и подходов, не могли не говорить о душе и духе. В «попутнической» литературе *душа* становится предметом размышлений и писателей, и героев. Авторское видение заданных временем идейно-нравственных пертурбаций чаще раскрывается через подтекст, через осторожные комментарии, сопровождающие однозначные, казалось бы, идеологически выдержанные речи персонажей.

Спор о душе завязывается между героями леоновской «Соти»: большевиком Увадьевым и обитателем монашеского скита Геласием. Слова Увадьева критики расценили как свидетельство его неколебимого материализма. «Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мыло...» – отвечает Геласию Увадьев. – Я делал их или ел, или держал в руках... я знаю их на цвет и на ощупь. Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?... где это продают?» [25, с. 24]. Один из рецензентов романа Арк. Глаголев на основании этой сцены сделал вывод о том, что новый человек в художественной трактовке Леонова «справедливо не верит в “душу”», противопоставляя ей конкретно материальный мир [9, с. 168]. Между тем у Леонова Увадьев как раз не готов определенно ответить на вопрос Геласия о душе. Этого «чугунного» большевика мысли о душе привели в растерянность – он даже перестал вычерпывать воду из протекающей лодки. Потребность разгадать тайну вселенной человека зрела в самом Увадьеве: «в этот миг он отвечал *не одному только* Геласию» – прежде всего, он говорил самому себе [25, с. 24]. По Леонову, новый человек не столько отрицает свое духовное бытие, сколько не знает себя, а потому, волевой, решительный и сильный внешне, обречен на сомнения и внутреннюю, духовную неустроенность, что вызывает авторское сочувствие и сожаление.

Представления о душе и духе как сущностном, бессмертном начале личности оставались органичными и художественному миру автора «Гидроцентрали». Для М. Шагинян, прошедшей серьезную школу символизма, не понаслышке знакомой с богословием, душа всегда была понятием особой, исключительной важности (о чем свидетельствует книга ее мемуаров «Человек и время» [37, с. 291]). В романе о

строительстве Мизингэса налицо примета эпохи – несколько вариаций названия внутреннего «я» героев: это и «пролетарское нутро», и «ток той высшей формы материи», которую, как замечает повествователь, можно называть по-разному: «электричеством, внутренней секрецией, энергией или просто, как средневековые храбрецы иные, духом» [36, с. 393]. Автор прибегает к категориальному аппарату материализма, но это как будто не кажется ему исчерпывающим. Финальное определение души у М. Шагинян оказывается парадоксально созвучным строкам о душе писавшегося в те же 1920–1930-е годы труда Св. Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело», его посылу о *духовной энергии*, увлекавшей в средние века тысячи людей в крестовые походы [30]. Здесь писательница, безусловно, выдает себя: в бытийных вопросах ей не удастся довольствоваться новоязом.

В произведениях другого поколения писателей, пришедших в советскую литературу в 1930-е годы, уверенно шагающих по «столбовой дороге» пролетарского искусства, *душа* – уже не повод для философской рефлексии. У героев И. Ле в «Романе межгорья» в *душе* кипят самые противоречивые чувства [24, с. 12, 110, 131, 236, 410–411, 497, 526, 551]. Персонажи ощущают потребность в *душевной теплоте* [там же, с. 14], им хочется в дружеской беседе *отвести душу* [там же, с. 92, 468], претит *кривить душой* [там же, с. 123, 519], *на душе, в глубине души* бывает и тяжело, и радостно [там же, с. 67, 116, 128, 338, 351, 559]. В их жизни случалось, что *душу* сковывал страх [Там же, с. 485, 526], «*сомнения, словно ржавчина, разъедали душу*» [Там же, с. 87]; воспоминание *терзало душу* [Там же, с. 335]. У строителей светлого будущего в романе П. Нилина «Человек идет в гору» *душа* и радуется, и бывает беспокойна [27, с. 68], у главного героя «Магистрала» Карцева *на душе* было хорошо, ясно [21, с. 118, 130].

Большинство приведенных примеров – фразеологизмы, а, как известно, в идиомах значение отдельного слова зачастую «стерто» [5, с. 527]. Однако в литературе 1930-х годов слово *душа* далеко не всегда употребляется авторами безотчетно. «Саид-Али, точно душа, потерявшая покой, метался по межгорной долине», и только в беседах с коммунистом Лодыженко «он находил успокоение для своей души», – читаем в романе И. Ле о тревоге Саида за судьбу строительства [24,

с. 77, 80]. *Душа* в этом случае – именно нечто бестелесное, хотя и не имеющее никакого отношения к религиозной традиции. Напротив, по логике писателя, религия убивает в человеке душу, церковная обрядовость калечит ее – в двадцатом столетии душой человека овладевают не «Магомет, не Коран, а другие книги, другие истины» [Там же, с. 18, 63].

Об особой – настоящей, комсомольской – душе говорят герои В. Кетлинской. Когда Васька Бессонов возмутился, что его, лучшего ударника, отсылают из столицы работать на Дальний Восток, секретарь райкома упрекнул его в том, что он будто бы и ударник, и герой производства, а душа в нем не как у комсомольца – *липовая* [22, с. 36]. Изменяются критерии оценки нравственного, высокого. Комсомолец *обогащается душой* (значит «вырастает в настоящего, нового человека»), только если труд для него «дело чести и славы» [Там же, с. 202]. А в истории строительства Беломорско-Балтийского канала основатели ГУЛАГа настроены заново «сотворить» заключенных: «Мы в них *живую душу вдунем*» [3, с. 76]. Таким образом, в литературе соцреализма представления о душе не только дискредитируются как чуждые советской культуре, но и «подгоняются» под ее нужды.

Симптоматично, что, описывая внутренний мир героев, писатели нередко дают им парадоксальные характеристики. В повести Ф. Гладкова «Новая земля» партсекретарю Банкину чужды какие-либо симпатии, чувства – он прямо называется бездушным. Что бы Банкин ни делал: общался ли с людьми, улыбался, ел, – в его портретных зарисовках неизменно одно: делал он это *бездушно* [10, с. 80, 53, 51, 55, 80, 125, 141, 144, 146, 171, 173, 182]. В его окружении такая бездушность воспринимается едва ли не как обязательная черта облика настоящего вождя. У Банкина появляются подражатели: бездушным, косноязычным старается казаться секретарь коммуны Тришка [Там же, с. 139].

Еще в замятинском «Мы» у строителя «Интеграла» не должно было быть души. Е. Замятин пророчески писал о том, что в мире тотального контроля уцелеют слова с этим корнем, и даже, возможно, кто-то по старой памяти скажет ненароком «душа в душу». Но слово *душа*, такое «странное, древнее», запретят, вычеркнут, забудут: душа – это неподконтрольно, душа – это «очень опасно» [15, с. 135]).

В «Новой земле» Ф. Гладкова бездушие Банкина особого рода. Эта черта не расценивается ни автором, ни персонажами как недостаток. Бездушие будто не исключает в герое чуткости. Такую парадоксальность нового типа руководителя подмечает педалогичка Галя. Она называет Банкина глухим, слепым и бездушным и тут же говорит, что он «отзывчивый и чуткий» [10, с. 174]. Подобные взаимоисключающие характеристики – не описка, не писательская небрежность. Автор осознанно наделяет своего героя столь противоречивыми чертами. Через несколько лет после окончания повести Ф. Гладков начал работу над романом о строительстве Днепрогэса, главный герой которого – руководитель проекта Мирон Ватагин – тоже производит впечатление человека без души. В написанной позже статье «Моя работа над “Энергией”» писатель объяснял, что Ватагин только кажется бездушным, на самом деле герой – «добрый человек», а за бездушие принимают его «холодную прямолинейность» [11, с. 169].

В свое время критик С. Канатчиков, давший едва ли не единственную положительную рецензию на повесть «Новая земля», объяснял феномен Банкина просто: в первые годы после революции в стране остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров и в провинцию на партийную работу посылали людей, не имеющих достаточных знаний и опыта для взаимодействия с массами, с коллективом [20, с. 162]. Позже, в середине 1930-х годов, критики дали свое объяснение тому, почему в художественных произведениях первых послереволюционных десятилетий большевики нередко лишены рефлексии, душевной жизни: партиец – человек дела, он не выставляет сомнений, переживаний напоказ, а литераторы лишь по неумелости не смогли разглядеть «огромной душевной интеллектуальной высоты» своих персонажей [29, с. 57].

Думается, в случае с Ф. Гладковым дело не столько в этом. Воспитанный в патриархальной семье, он безотчетно, но фотографически точно воспроизвел эксперименты эпохи с самой сущностью русской ментальности, отразил отклонение нового человека, большевика, от традиционного национального типа.

Обращенность советских писателей к душе, к душевному в самых, казалось бы, не располагающих к тому произведениях на актуальные в 1920—1930-е темы –

колхозного и индустриального строительства – воспринимается не иначе как устойчивая ментальная особенность русской литературы, не искорененная даже в эпоху «нейтрального стиля». Любопытно здесь и другое. Ю. Тильман, опираясь на анализ русской классики XIX века, пишет о том, что внешний мир так или иначе вторгается во внутреннее «я» человека – *пространство души* и именно душа выступает своеобразной мерой всех вещей: становится понятным, что герою лично близко (приходится *по душе*), а что, напротив, – чужеродно, чуждо (оказывается *не по душе*) [34, с. 156]. Концепт «Душа», по мысли исследователя, включает в себя архетипические категории *свое* и *чужое*.

Это наблюдение принципиально важно и для литературы советской. Героям 1930-х годов развернувшееся в стране строительство (внешнее пространство) *по душе*; это неотделимо близкое, *свое*, а не *чужое*. В «Мужестве» В. Кетлинской юноши и девушки *всей душой* тянутся к настоящей жизни, открывшейся им на Дальнем Востоке [22, с. 510]. Персонажи Б. Ясенского *душу отводят* в разговорах о нуждах строительства [39, с. 30]. В повести Г. Дальнего «Срок» у рабочих *душа за дело болит* [12, с. 61], их *до глубины души* оскорбляет любой намек на личную незаинтересованность в судьбе производства [12, с. 67]. *Болит за дело душа* у пионеров каучуковой промышленности СССР, изображенных в очерке А. Зорича: невероятно много «сил, нервов и души», *душевных сил* они отдают опытам по синтезу резины [16, с. 161, 163, 160]. В словах директора каучукового завода Осипова о нерациональном использовании сырья ощущается *подлинная и острая душевная боль* [Там же, с. 160].

И напротив, *равнодушие* – «чиновное равнодушие», «безразличие к живому делу и живым людям» [Там же, с. 163] – обличались в производственной прозе как порок. Выражения *бюрократ* и *черствая душа* воспринимались как синонимы [22, с. 262]. Большевик, руководитель строительства Боровой в повести С. Колдунова «Р. S.» именно равнодушием объясняет, почему у инженера Соколова, который, к слову, «не был ни врагом, ни вредителем, ни даже недоброжелателем», «из фактов росло безволие, из плана – сомнение и безнадежность»: «В *равнодушии* – вот в чем дело!

Равнодушие искажает, как ложь. Оно деформирует факты, изменяет возможность. *Равнодушным нельзя делать социализм*» [23, с. 53].

Герои соцреалистических произведений связаны с общим делом и друг с другом *душою, объединены душевно*. Особенно явственно, осязаемо *душевная* природа такого родства проступает в романе В. Кетлинской «Мужество», где руководители разговаривают с мобилизованными на стройку комсомольцами *по душам*, а сами комсомольцы между собой общаются *с душой, начистоту, всей душой* стоят друг за друга, *от всей души* желают, чтобы каждый добросовестно выполнял порученную ему работу [22, с. 169, 197, 178, 172, 501].

В природе такого коллективизма как будто угадывается определяющее для русской духовно-нравственной традиции соборное начало. Ведь традиционно под соборностью понимается духовное единение людей, а вместилищем соборного в русском человеке считается именно душа [19, с. 149]. Безусловно, духовные основы этих феноменов различны: соборность в народе зиждется на евангельской любви к ближнему, а строителей нового мира связывает иное – общие переживания о темпах, планах, гигантах индустрии. Но ведь и советскому человеку, герою-производственнику не понаслышке знакомы чувство локтя, дух коллектива. Это ли не своего рода душевное родство?

Неслучайно А. Платонов единение строителей узкоколейки в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» называл именно родством. Позднее, в 1980-е годы, исследователи обнаруживали такое душевное единство и в других литературных произведениях эпохи первых пятилеток. Так, например, Е. Скороспелова, размышляя о романе В. Катаева «Время, вперед!», резюмировала, что «преодоление отчуждения между людьми» возможно лишь в особой нравственной атмосфере, которая включает в себя «общую заинтересованность делами стройки, сосредоточенность человеческих помыслов на решении гражданских задач» и «ситуацию общей жизни» [31, с. 148].

Как видим, в выражениях «родство», «заинтересованность», «ситуация общей жизни», «нравственный климат», «преодоление отчуждения» налицо все тот же поиск, подбор альтернативных соборности дефиниций, попытка закрепить в слове

«перелицовку» национальной ментальности. В 1932 году на первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей такую попытку сделал и М. Пришвин, предложив именовать чувство общности, единения коллег по писательскому цеху словом *сорадование*. В. Каменский поддержал Пришвина и призвал «петь сорадование и вообще нашу радость» [32, с. 150]. Пролетарские же писатели пришвинский призыв к сорадованию назвали анархизмом, обнажающим «контрреволюционную сущность» автора. По мнению выступающих, это самый что ни на есть «баптистский или сектантский термин», «евангельское слово» и до ликвидации РАПП просто произнести его вслух вряд ли кто-то посчитал бы возможным («Попробовал бы Пришвин “сорадоваться” месяцев семь-восемь тому назад, показали бы ему “сорадование”!») [Там же, с. 150, 236]. Но и сторонники, и противники предложения Пришвина не единожды подчеркивали, что сорадование никоим образом не исключает «принципиальной товарищеской самокритики», «коллективного поправления друг друга» [Там же, с. 172]. В. Кирпотин в своем заключительном слове сделал на этом особенный акцент и заявил, что у литераторов действительно есть немало поводов для *сорадования* (в кавычках и с обязательной оговоркой «раз уж это слово тут употреблялось»): это и проект Союза советских писателей, и «братское объединение литератур всех народов СССР». Но следует помнить, что Союз советских писателей – никоим образом не «союз маниловский», не «аполитичный культуртрегерский союз». Это сближение не исключает «совместной борьбы» [Там же, с. 248, 250].

Именно эта ставка на борьбу, критику, порицание, выискивание недостатков – противостояние и противоборство – позволяет нам, вслед за М. М. Дунаевым, разграничить коллективизм и соборность [13, с. 10] и признать, что в 1930-е годы законы человеческого общежития определяло уже не соборное начало, а нечто принципиально иное.

Соборность – проявление работы духа, а духовное в человеке, согласно мысли Св. Луки (Войно-Ясенецкого), отсылающего к Посланию Апостола Павла к галатам (Гал., 5: 22–23), – это любовь, долготерпение, милосердие.

Романы о соцстроительстве («Мужество» В. Кетлинской, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Энергия» Ф. Гладкова), напротив, свидетельствуют, что коммунистический коллективизм не был основан на долготерпящей и всепрощающей любви к ближнему и часто переходил в качества, собственно соборности противоположные, – единодушное поношение и подозрительность. Строители светлого будущего, еще вчера самозабвенно трудившиеся в едином душевном порыве, сегодня могли так же единодушно присоединиться к травле недавнего товарища, а теперь врага народа.

ВЫВОДЫ

Произведения, созданные в первые послереволюционные десятилетия, в полной мере отразили сложный процесс «переделки» национального сознания, нацеленной на основу русской ментальности – первичность в человеке духовного начала. Неоднозначность, трагичность таких экспериментов с духовностью народа вынесена в подтекст романов и повестей писателей-«попутчиков» и представителей «внутренней эмиграции» конца 1920-х – начала 1930-х годов. Литература социалистического реализма 1930-х годов, вопреки декларируемым материалистическим установкам, изобилует примерами того, как традиционные представления о душе, искажаясь, адаптировались к большевистской идеологии, а соборное мироощущение народа вырождалось в бездушный коллективизм. Новая концепция человека утверждалась в массах путем манипуляций сакральным.

Список литературы

1. Арват, Н. Н. Концептосфера лексемы ДУША в русском языке / Н. Н. Арват // Концептосфера русского языка : константы и динамика изменений. Русское слово в мировой культуре : Материалы X Конгресса МАПРИАЛ, 30 июня – 5 июля 2003 г. – С. 94–97.
2. Белая Г. А. Дон Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Советский писатель, 1989. – 400 с.
3. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / текст ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М., 1998. – 616 с.

4. Боровский, В. М. Что такое психология / В. М. Боровски // Красная новь. – 1927. – № 3. – С. 153–175.
5. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
6. Буянова, Л. Ю. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры : специфика вербализации / Л. Я. Буянова, А. Р. Ерошенко // Система концептов в русской языковой картине мира. – М., 1999. – С. 204–209.
7. Вайскопф, М. Писатель Сталин / М. Вайскопф. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 383 с.
8. Гельфанд, М. Заметки о «Брусках» Панферова / М. Гельфанд // Красная новь. – 1930. – Кн. 8. – С. 152–164.
9. Глаголев, А. О «Соти» Л. Леонова / Арк. Глаголев // Новый мир. – 1935. – № 5. – С. 162–169.
10. Гладков, Ф. Новая земля / Федор Гладков // Гладков Ф. Собр. соч. : в 4 т. / Федор Гладков. – М. : Худож. лит., 1931. – Т. 4 : Новая земля : п-ть. – 288 с.
11. Гладков, Ф. Моя работа над «Энергией» / Ф. Гладков // Октябрь. – 1934. – Кн. 5. – С. 162–167.
12. Дальний, Г. Срок / Г. Дальний // Октябрь. – 1932. – Кн. 7. – С. 63–93.
13. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6-ти т. / М. М. Дунаев. – Т. 4. – М. : Христианская литература, 2000. – 896 с.
14. Залкинд, А. Б. Целеустремленность / А. Б. Залкинд // Красная новь. – 1927. – № 6. – С. 169–189.
15. Замятин, Е. Уездное. Мы : Романы / Е. И. Замятин. – М. : Олимп, 2001. – 608 с.
16. Зорич, А. Заметки о каучуке / А. Зорич // Красная новь. – 1933. – Кн. 11. – С. 151–188.
17. Ермилов, В. Рост пролетарской интеллигенции и вопросы тематики художественной литературы (О передовиках ГПЗ им. Л. М. Кагановича) / В. Ермилов // Красная новь. – 1933. – Кн. 8. – С. 157–191.

18. Есаулов, И. А. Поэма А. Блока «Двенадцать» и проблема границ между русской и советской культурами / И. А. Есаулов // Постсимволизм как явление культуры : материалы международной научной конференции (4–6 марта 1998 г.). – Вып. 2. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 10–16.
19. Есаулов И. Тоталитарность и соборность : два лика русской культуры / И. Есаулов // Вопросы литературы. – 1992. – № 1. – С. 148–170.
20. Канатчиков, С. О «Новой земле» Ф. Гладкова / С. О. Канатчиков // Красная новь. – 1931. – Кн. 1. – С. 158–163.
21. Карцев, А. Магистраль / А. Карцев // Новый мир. – 1936. – Кн. 10. – С. 104–130.
22. Кетлинская, В. К. Мужество / В. К. Кетлинская. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1987. – 640 с.
23. Колдунов, С. Р. S. / С. Колунов // Красная новь. – 1933. – Кн. 5. – С. 51–115.
24. Ле, И. Роман межгорья / Иван Ле. – К. : Дніпро, 1986. – 639 с.
25. Леонов, Л. М. Соть / Л. М. Леонов // Собр. соч. : в 5-ти томах. – Т. 2. – М. : Гослитиздат, 1953. – 360 с.
26. Литературная энциклопедия : в 11 т. – Т. 6. – М. : Сов. энцикл., 1932. – 920 стб.
27. Нилин, П. Человек идет в гору / П. Нилин // Новый мир. – 1936. – Кн. 10. – С. 44–86.
28. Первый Всесоюзный съезд советских писателей : Стенографический отчет. – М., 1934. – 719 с.
29. Русская советская литературная критика (1935–1955) : хрестоматия : учеб. пособие для студ. филолог. фак. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / сост. П. А. Бугаенко. – М.: Просвещение, 1983. – 272 с.
30. Св. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело [Электронный ресурс] / Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasnetskij/dukh-dusha-i-telo/#0_2. – Дата обращения: 30.11.2019 г.
31. Скорospelова, Е. Русская советская проза 20–30-х годов: судьбы романа / Е. Скорospelова. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 264 с.

32. Советская литература на новом этапе : стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 8 ноября 1932). – М., 1933. – 257 с.
33. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
34. Тильман, Ю. Д. Концепт «душа» в языковой картине мира Ф. И. Тютчева / Ю. Д. Тильман // Онтология языка и его социокультурные аспекты: материалы конф. аспирантов и молодых ученых Ин-та языкознания РАН (1998 г.). – М., 1999. – С. 155–164.
35. Чурева, О. Концепт «Душа» в русских романах / О. Чурева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология». – 2004. – Т. 16 (55). – № 1. – С. 92–96.
36. Шагинян, М. С. Гидроцентральный / М. С. Шагинян // Шагинян М. С. Собр. соч. : в 6-ти т. / М. С. Шагинян. – Т. 3. – М. : Гослитиздат. – 1956. – 776 с. 29
37. Шагинян, М. С. Человек и время. История человеческого становления / М. С. Шагинян. – М. : Худож. лит., 1980. – 717 с.
38. Шохина В. О Фельдфебелях, карнавале и заговоре чувств [Электронный ресурс] / Виктория Шохина // Режим доступа : <http://www.pseudology.org/babel/Predtechi.htm>. – Дата обращения: 30.11.2019 г.
39. Ясенский, Б. Человек меняет кожу / Бруно Ясенский. – М. : Сов. писатель, 1956. – 584 с.

References

1. Arvat N. N. *Konceptosfera Leksemy Dusha v Russkom Jazyke* [Conceptual Sphere of Lexeme Soul in Russian Language]. *Konceptosfera Russkogo Jazyka: Konstanty i Dinamika Izmenenij. Russkoe Slovo v Mirovoj Kulture* [Conceptual Sphere of Russian Language: Constants and Dynamic of Changes. Russian Word in World Culture], 2003, pp. 94–97.
2. Belaya G. A. *Don Kikhoty 20-kh Godov: Pereval i Sudba Ego Idei* [Don Quixote of 20s: *Pereval* and the Fate of His Ideas]. Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1989. 400 p.

3. *Belomorsko-Baltiiskii Kanal Imeni Stalina. Istoriya Stroitelstva. 1931–1934 gg.* [White Sea Baltic Canal Named After Stalin. The History of the Construction. 1931–1934-ies]. Moscow, 1998. 616 p.
4. Borovsky V. M. *Chto Takoe Psihologiya?* [What is Psychology?]. *Krasnaya Nov*, 1927, pp. 153–175.
5. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. *Yazykovaya Conceptualizaciya Mira* (Na Materiale Russkoj Grammatiki) [Language Conceptualization of the World (On the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki Russkoj Culture Publ., 1997. 576 p.
6. Buyanova L. Yu., Yeroshenko A. R. *Constanty Zhizn, Dusha, Lyubov kak Osnovy Russkoj Mentalnosti i Culture* [Constants Life, Soul, Love as Fundamentals of Russian Mentality and Cultural: The Specifics of Realization]. *Sistema Conceptov v Russkoi Yazykovoj Kartine Mira* [The System of Concepts in Russian Language World Picture], Moscow, 1999, pp. 204-209.
7. Vaiskopf M. *Pisatel Stalin* [Writer Stalin]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2002. 383 p.
8. Gelfand M. *Zametki o Bruskakh Panferova* [The Notes about *Bars* by Panferov]. *Krasnaya Nov*, 1930, pp. 152–164.
9. Glagolev A. *O Soti L. Leonova* [About *Soviet River* by Leonov]. *Novy Mir*, 1935, pp. 162–169.
10. Gladkov F. *Novaya Zemlya* [New Land]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works], vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1931, 288 p.
11. Gladkov F. *Moya Rabota nad Energiei* [My Creation of *The Energy*]. *Oktyabr*, 1934. pp. 162–167.
12. Dalnii G. *Srok* [The Time Frame]. *Oktyabr*, 1932, pp. 58–91.
13. Dunaev M. M. *Pravoslavie i Russkaya Literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Moscow, Khristianskaya Literatura Publ., 2000. 896 p.
14. Zalkind A. B. *Tselestremennost* [Commitment]. *Krasnaya Nov*, 1927. pp. 169–189.
15. Zamyatin Ye. *My. Uezdnoye* [We. A Provincial Tale]. Moscow, Olymp Publ., 2001, 608 p.

16. Zorich A. *Zametki o Kauchuke* [The Notes about Caoutchouc]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 151–188.
17. Yermilov V. *Rost Proletarskoi Intelligentsii i Voprosy Tematiki Khudozhestvennoi Literatry (O Peredovikakh GPZ im. L. M. Kaganovicha)* [Growth of the Proletarian Intelligentsia and Issues of the Subject of Fiction (On the Foremen of L. M. Kaganovich State Plant)]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 157–191.
18. Yesaulov I. A. *Poema A. Bloka Dvenadtsat i Problema Granic mezhdu Russkoi i Sovetskoi Kulturami* [The Poem *The Twelve* by A. Block and the Problem of Sharp Lines Between Russian and Soviet Cultures]. *Postsimvolizm kak Yavlenie Kultury* [Postsymbolism as Cultural Phenomenon], 1998, pp. 10–16.
19. Yesaulov I. A. *Totalitarnost i Sobornost: Dva Lika Russkoi Kultury* [Totalitarianism and Sobornost: Two Faces of Russian Culture]. *Voprosy Literatry*, 1992, pp. 148–170.
20. Kanatchikov S. *O Novoi Zemle F. Gladkova* [About *New Land* by Gladkov]. *Krasnaya Nov*, 1931, pp. 158–163.
21. Kartsev A. *Magistral* [Highway]. *Novy Mir*, 1936, pp. 104–130.
22. Ketlinskaya V. *Muzhestvo* [Courage]. Kishinev, Lit. Artistice Publ., 1987. 640 p.
23. Koldunov S. P. S. [P. S.]. *Krasnaya Nov*, 1933, pp. 51–115.
24. Le I. *Roman Mezhgorya* [Mezhgorye's Novel]. Kyiv, Dnipro Publ., 1986. 639 p.
25. Leonov L. *Sot* [Soviet River]. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1970, pp. 7–296.
26. *Literaturnaya Entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1932.
27. Nilin P. *Chelovek Idet v Goru* [Man Goes Uphill]. *Novy Mir*, 1936, pp. 44–86.
28. *Pervyi Vsesoyuznyi Syezd Sovetskikh Pisatelei, 1934: Stenograficheskii Otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. 1934: Verbatim Report]. Moscow, 1934. 719 p.
29. *Russkaya Sovetskaya Literaturnaya Kritika (1935–1955): Khrestomatiya* [Russian Soviet Literary Criticism (1935-1955s): Chrestomy]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 272 p.
30. Sv. Luka (Voino-Yasenetskii). *Dukh, Dusha i Telo* [Spirit, Soul and Body]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/dukh-dusha-i-telo/#0_2.

31. Skorospelova E. *Russkaya Sovetskaya Proza 20–30-kh Godov: Sudby Romana* [Russian Soviet Prose of 20-30s: The Fates of Fiction]. Moscow, Moscow State University Publ., 1985. 264 p.
32. *Sovetskaya Literatura na Novom Etape: Stenogramma Pervogo Plenuma Orgkomiteta Soyuzo Sovetskikh Pisatelei (29 Oktyabrya – 8 Noyabrya 1932)* [Soviet Literature at the New Stage: Transcript of the First Plenary of the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers (October 29 – November 8, 1932)]. Moscow, 1933. 257 p.
33. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i Mezhekulturnaya Kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 624 p.
34. Tilman Yu. D. *Concept Dusha v Yazykovoj Kartine Mira F. I. Tutcheva* [Concept Soul in F. I. Tyutchev's Language World Picture]. *Ontologija Yazyka i Yego Sociokulturnye Aspekty* [Ontology of Language and Its Sociocultural Aspects], 1999, pp. 155–164.
35. Chureyeva O. A. *Concept Dusha v Russkih Romansah* [Concept Soul in Russian Romances]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Nacionalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija Philologiya*, vol. 16 (55), no 1, 2004, pp. 92–96.
36. Shokhina V. *O Feldfebelyakh, Karnavale i Zagovore Chuvstv* [About Sergeant-Major, Carnival and Plot of Feelings]. Available at: <http://www.pseudology.org/babel/Predtechi.htm>.
37. Shaginyan M. S. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1956, 776 p.
38. Shaginyan M. S. *Chelovek i Vremya. Istoriya Chelovecheskogo Stanovleniya* [Man and Epoch. The History about Personal Formation]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1980, 717 p.
39. Jasenskij B. *Chelovek Menjaet Kozhu* [Man Changes His Skin]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1956. 584 p.

**“TO BE OR NOT TO BE?”: DISCUSSIONS ABOUT SOUL
IN SOVIET LITERATURE AND CRITICISM OF THE 1920–1930S**

Mashkova Ye. Ye.

The article is devoted to the problem of transformation of the key Russian concept “Soul” in the socialist realism literature and critique of post-revolutionary decades. It is found that for the supporters of new political system this concept is mainly related to religious ideas about divine in human being. Symptomatic for 1920s attempts to discredit this concept, to exclude it from the active vocabulary as ideologically alien anachronism are described. Complex “poputchik’s” (L. Leonov’s, M. Shaginyan’s), “internal emigrant’s” (A. Platonov’s) reflection on Bolshevik spiritual experiment is shown. *Soviet River* by L. Leonov, *Gidrocentral* by M. Shaginyan, *The Street Organ* by A. Platonov do indicate that Soul continues to be one of the main ontological categories for these writers.

It is stated that by the mid-1930s the word *Soul* has not disappeared from literary language, although more often than not it has been used only in structure of idioms. The texts by F. Gladkov, I. Le, V. Ketlinskaya, B. Yasensky, G. Dalny, P. Nilin, A. Zorich, A. Carcev prove that traditional views on Soul have just not been eradicated by new ideology but have been distorted and adapted to it.

The difference between categories “collectivism” and “sobornost” is demonstrated.

Keywords: Soviet literature, socialist realism, concept “Soul”, national mentality, sobornost, collectivism.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81:1

ЯЗЫК КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

Глазунова О. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
o.i.glazunova@mail.ru

В основе каждого уровня организации языка лежат одни и те же сходные с природой принципы, позволяющие осуществить переход от структурных форм воплощения языковых значений к их системной организации. Звуки речи составляют структуру, на основе которой строятся отдельные слоги, обладающие системным статусом. Связь между отдельными звуками в составе слога возникает при условии их разнородности. В отличие от равноправных структурных элементов (звуков), слоги имеют иерархическое строение системного образования, которое отличается последовательностью расположения частей (согласный + гласный), встроенным алгоритмом осуществления действий, цикличностью использования моделей и их целевым предназначением. На основе выбора из всех существующих в языке слогов (структурных единиц) строятся отдельные лексемы, выступающие в качестве систем, обладающих лексико-грамматическим значением. Процесс объединения структурных компонентов в содержательные системы проходит в языке через несколько стадий до тех пор, пока в дело не вступают единицы лексического уровня (лексемы) и структурные единицы синтаксического уровня (модели предложений). Взаимодействие языковых единиц разных уровней на основе внешних (структурных) и внутренних (системных) показателей подчиняется определенным правилам, способствующим поступательному преобразованию материальных (фонетических, буквенных, слоговых, морфемных, лексических и синтаксических) структур в информационные сообщения на условиях взаимной дополняемости, при которой основой для объединения является возможность компенсировать отсутствие у них каких-то качеств и свойств.

Ключевые слова: философия языка, единицы языка, принципы языковой трансформации, структурный и системный анализ.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Наряду с изучением объектов материального мира современная наука разрабатывает методы их исследования для выявления общих закономерностей развития природы и общества. Синергетический подход к анализу самых разных явлений дал возможность объединить усилия точных, естественных и гуманитарных наук и выработать подходы, которые, учитывая особенности каждой сферы,

выявляли общие принципы системной организации самых разных объектов действительности.

В области нелинейного анализа проблемами синергетики занимаются коллективы исследователей под руководством С. П. Курдюмова и А. А. Самарского; в биофизике процессы самоорганизации изучают Д. С. Чернавский и М. В. Волькенштейн [17, 7]; возможность анализа пространственно-временной динамики исторических событий рассматривается в работах С. П. Капицы, П. В. Турчина, Г. Г. Малинецкого, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. И. Бородкина, А. П. Назаретяна, Е. Н. Князевой и др. [10; 13; 11; 14; 12]; в гуманитарной сфере на примере языка, литературы и искусства синергетические методы разрабатывают К. И. Белоусов, И. А. Евин, О. И. Глазунова [3; 10; 9].

В ходе исследований было выявлено, что системные объекты разных уровней взаимодействуют друг с другом по одним и тем же алгоритмам и на основе единых принципов, что позволило применять одни и те же методологические подходы к их изучению. «В движении материи обнаруживаются две системы фундаментальных, универсальных отношений: причинная связь, воздействие одних явлений на другие, с одной стороны, и пространственно-временные отношения, с другой стороны. Оказывается, что между этими двумя сторонами имеется не только тесная связь — что само по себе достаточно очевидно, — но что между ними есть полное единство: общая структура пространственно-временных отношений, т. е. структура пространства-времени, полностью определяется системой материальных воздействий одних явлений на другие» [1, с. 272–273]. Взаимодействие пространства и времени находит проявление во всех объектах и явлениях действительности. Проблема заключается в том, что эта связь настолько сложна, что ее выявление и осмысление становится возможным только на определенном пути развития науки, при использовании результатов междисциплинарных исследований.

«Преобладание того или иного метода в определенную историческую эпоху, — по мнению Б. А. Серебренникова, — может даже определять общий характер развития языкознания» [15, с. 5]. Методология современных лингвистических исследований, которая складывалась с середины XX века, подразумевает использование общих для

науки мировоззренческих принципов и соотнесение полученных результатов с данными других фундаментальных наук.

В настоящее время функционально-системный подход к исследованию языка стал «господствующей парадигмой, т.е. господствующим стилем мышления»; «все большее признание получает понимание адаптивности как самоорганизации систем и антропоцентризм» в сфере научных исследований в лингвистики [2, с. 6].

Язык существует в пространстве и времени. Как системное образование, элементы которого взаимодействуют между собой, он имеет многоуровневое строение, его части подчиняются определенному, причинно-следственному, порядку организации и единым законам функционирования составе целого. Отличие языка от природных систем состоит в том, что его форма – набор языковых знаков – соотносится с содержанием не только на функциональной основе, но и с учетом психологических особенностей восприятия окружающей среды. «Язык не передаёт мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, т. е. обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире» [6, с. 189].

Взгляды, которые составляют основу мировосприятия и находят выражение в языке, с одной стороны, подчиняются общим принципам функционирования систем в окружающем нас мире (в этой связи язык выступает в одном ряду с другими объектами действительности), а с другой — передают субъективно-личностное отношение человека к тому, что происходит в окружающем мире.

ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ЧАСТЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Для выработки способов мышления, познания и систематизации объективных данных о действительности наука использует методы преобразования объектов реального мира (или отношений между ними) в понятия, соответствующие данной предметной области. И гуманитарные и естественно-научные исследования имеют дело с изучением объектов внешнего мира; следовательно, в своей основе они опираются на одни и те же способы их восприятия, оценки и классификации, на

сходные методологические принципы и методы выявления причинно-следственных закономерностей.

Задача научных исследований сводится не столько к описанию объектов действительности, сколько к интерпретации их на теоретическом уровне, к открытию принципов организации и алгоритмов эволюционного преобразования природы, человека и общества в пространстве и времени. Выработка схем мышления, которые позволяют от имеющихся эмпирических данных перейти к построению теорий, отражающих присутствующие в окружающем мире закономерности, составляют основу любой продуктивной научной деятельности. Вместе с тем единственной наукой, которая исторически, на протяжении веков, наряду с выявлением законов развития природы и общества изучала сам процесс познания и способы проведения научных исследований, была философия, а потому её требования лежат в основе методологических подходов и принципов работы с научной информацией во многих сферах.

Процесс познания ничем не отличается от любого другого вида деятельности человека с той лишь разницей, что в отличие от физического действия (например, забивания гвоздей), в основе которого лежит практическая необходимость, научное исследование, по сути, с этой необходимостью не связано, так как начинается оно с лишённого всякого практицизма случайного наблюдения над каким-то фактом или явлением, которое в дальнейшем может перерасти в научное открытие.

Рассмотрим основные отличия физического действия от исследовательской работы. Как уже было сказано, процессу забивания гвоздей предшествует практическая необходимость соединить что-то с чем-то, т.е. сначала ставится вопрос *зачем делать?*, за которым следует *как делать?* (использовать гвоздь), и лишь затем субъект переходит к мысли о том, *чем делать?* (молотком). Без определённой цели человек вряд ли возьмёт в руки молоток, а потому его физическая деятельность подчиняется алгоритму, предусматривающему порядок от цели к способу осуществления действия.

В основе алгоритма познания как способа отражения реальной действительности лежит обратный порядок следования — от средств к цели. Постигание объективных

закономерностей окружающего мира предполагает сначала создание мыслительных структур — аналогов объектов окружающего мира (*чем мыслить?*), затем методологического аппарата — логических инструментов мышления, применяя которые по отношению к фактам действительности можно выстраивать непротиворечивые рассуждения и получать объективную информацию (*как мыслить?*), и лишь в конце мы можем получить ответ на вопрос *зачем мыслить?* При ином подходе, без предварительного создания системы мыслительных аналогов объектов исследования и выработки принципов теоретического мышления, все наши рассуждения могут оказаться ложными, т.е. лишёнными смысла.

Окружающий мир предстает в сознании человека через пространство и время. Материя ассоциируется с пространством; ее изменение и, соответственно, содержание — со временем. Однако любой статичный объект, рассматриваемый как часть пространства, совмещает в себе несколько вариантов существования (например, материю и форму, в которой эта материя воплощается, или форму и содержание). При этом форма всегда может быть вычленена и распространена в пространстве и времени, т.е. повторена в другом объекте, следовательно, она имеет непосредственное отношение ко времени.

Взаимообусловленность категорий пространства и времени, их проникновение друг в друга и амбивалентность объектов реальной действительности и представлений о них позволяют выстроить следующую Схему 1.

Схема 1.

НЕБЫТИЕ ↔ БЫТИЕ	ПРОСТРАНСТВО статика	ФОРМА	ЯЗЫК	СУБЪЕКТ
		КОЛИЧЕСТВО		
		АНАЛИЗ (мышление)		
	РЕАЛЬНЫЙ МИР (объекты) Масса Объем (объекты) динамика + статика			
	ПРИРОДА (ЭНЕРГИЯ)	МЕРА И СТЕПЕНЬ		
МИР СОЗНАНИЯ Скорость (представления, понятия) статика + динамика				
НЕБЫТИЕ	ВРЕМЯ динамика Характер изменений	СОДЕРЖАНИЕ (субстантивное и причинно-следственное)		
		КАЧЕСТВО		
		СИНТЕЗ (эмоции)		

Время присутствует в пространстве виртуально: в виде секунд, минут, часов и т.д., которые используются при отсчете количества движения. Пространство также присутствует во времени на уровне содержания в виде образов и представлений, соотнесенных с тем или иным отрезком реальной действительности. Взаимозависимость пространства и времени соотносится с взаимозависимостью более общих категорий — *Бытия* и *Небытия*, а также с категориями, в которых они находят свое проявление: *Количество* ↔ *Качество* = *Мера и степень* (см. Схему 1).

Мера и степень, определяющие принцип взаимодействия количества и качества, имеют прямое отношение и к связи, которая существует между формой и содержанием. Являющаяся частью пространства форма и относящееся ко времени содержание как две неразделимые части единого целого (объекта реальной действительности) свидетельствуют об изначально заложенной в природе и в сознании человека корреляционной связи между материей и духом.

Категория меры и степени определяет и функциональную зависимость между массой и скоростью. Известно, что импульс, выражающий меру механического

движения тела, в классической механике равен произведению массы этого тела на его скорость, при этом направление импульса совпадает с направлением вектора скорости. Таким образом, уже на уровне пространственных категорий имеет место их совмещение с категориями временными, что указывает на изначальный пространственно-временной способ существования объекта.

Не только окружающая нас действительность, но и язык отображает неразрывную связь количества и качества, пространства и времени и базируется на определенных алгоритмах, формирующих наши представления о внешнем мире и позволяющих отображать информацию о ситуациях, которые происходили, происходят или будут происходить в окружающей человека действительности.

С одной стороны, лексический состав языка предназначен для наименования объектов, признаков и вариантов их взаимодействия в пространстве и времени; а с другой — он является строительным материалом для предложений, которые служат для описания более объемных по содержанию ситуаций действительности и отношения к ним человека. «Действительное содержание есть действенное его содержание — то, что определяет специфический характер эстетического переживания, им вызываемого» [13, с. 9].

Для исследователей язык дает уникальный шанс на конкретном материале проследить за принципами реализации пространственно-временной модели реальности, в которой материальные (пространственные) формы взаимодействуют с нематериальной (временной) структурной и системной организацией.

Как единый алгоритмический комплекс, предназначенный для продуцирования информационных сообщений, язык включает в себя различные уровни системной организации: фонетический, семантический, лексический, морфологический, синтаксический. Каждый уровень отвечает за свой аспект функционирования и опирается на определенную систему средств выражения и значений. Однако между ними есть нечто общее.

Как знаковая система язык базируется на двух типах отношений, объединяющих языковые единицы в линейной или парадигматической последовательности. Синтагматические, линейные, связи в языке проявляются на уровне

морфологического строения отдельного слова, синтаксиса словосочетания и предложения или создания текста на синтаксическом и семантическом уровне. Парадигматические структуры представляют собой вертикальный срез оформления соотносящихся друг с другом явлений и имеют отношение к грамматике, описывающей категориальные словоизменительные модели лексем и типовые модели организации предложений. «Грамматика связана с логикой не прямыми, а сложно опосредованными и диалектически противоречивыми отношениями. Сущность этих отношений выявляется в положении о грамматике как языковом средстве выражения логических форм сознания. При этом роль грамматики далеко не сводится к выражению лишь данных форм. Грамматика организует язык в целом, опосредуя выражение элементами языка не только рационального, но и эмоционального сознания» [4, с. 4–5].

С одной стороны, вне содержательного линейного контекста парадигматически выстроенные формы слов и модели предложений не могут использоваться в качестве средств общения, с другой — содержательный контент, например, выраженный исходными формами языковых единиц без формальных средств их оформления, будет существенно затруднять коммуникацию. Взаимозависимость формы и содержания в данном случае не вызывает сомнений. Возможным такое совмещение становится благодаря тому, что любая языковая единица обладает не только формой, но и закрепленным за ней, присутствующим в сознании носителей языка содержанием.

Процесс построения речи напоминает работу с конструктором, в котором каждый языковой элемент в соответствии со свойственными ему формой и содержанием объединяется с другим элементом, создавая языковую единицу более высокого уровня: согласный звук в соединении с гласным образует слог, слоги выстраиваются в слово, слова — в предложения и т.д. Возможность комплексной (синтетической) оценки формы и соответствующего ей содержания дадут возможность воспринимать языковые единицы разного уровня в синтагматическом (смысловом) и парадигматическом (структурном) единстве.

Развитие природных систем происходит в соответствии с принципами, которые в неравновесной термодинамике получили название теории бифуркаций. При переходе динамической системы от равновесия к неравновесному состоянию, когда из-за отклонений (флуктуаций) от исходных параметров состояние системы становится критическим и достигает точки бифуркационного взрыва, характер ее движения или структура меняется. Результатом такого изменения может стать переход системы на новый, более высокий, уровень упорядоченности или погружение в непредсказуемый хаос.

Вполне вероятно, что алгоритм перехода физических, химических, биологических и т.д. систем от менее сложных и менее упорядоченных к более сложным и более упорядоченным формам существования, свойственен и сознанию. Процессы, которые определяют работу сознания, в основе своей опираются на заложенные природой алгоритмы развития. Их цель — сделать явным то, что в окружающем мире присутствует хотя и в скрытом, но внутренне оправданном и причинно обусловленном виде.

УРОВНИ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА И СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ НИМИ

Для любого уровня организации языка свойственно наличие базовых единиц: звуков речи (фонетика), сем (семантика), лексем (лексика), морфем (морфология), словосочетаний (синтаксис), граммем (грамматика), а также возникающих на их основе более сложных структурных образований. Рассмотрим Таблицу 1.

Таблица 1.

<i>Уровни организации языка</i>	<i>Базовые единицы каждого уровня</i>	<i>Промежуточные структурные образования</i>	<i>Конечные структурно-системные образования</i>
ФОНЕТИКА звук	Звуки речи (фонемы)	Слоги	Слова, словоформы, интонационные конструкции
МОРФОЛОГИЯ	Морфемы (абстр.) Морфы (конкр. реализация)	Слова	Словоформы

ЯЗЫК КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ...

ЛЕКСИКОЛОГИЯ	Лексемы (лексические значения)	Словосочетания	Фразеологические единицы и устойчивые сочетания
СЕМАНТИКА	Семы (лексемы, отражающие категориальные понятийные связи)	Семемы (лексико-семантический вариант слова)	План содержания словосочетаний и высказываний
СИНТАКСИС	Словосочетания (значения словосочетаний)	Предложения Высказывания	Сложные синтаксические целые

Очевидно, что в основе каждого уровня организации языка лежат одни и те же принципы, позволяющие осуществить переход от структурных форм воплощения языковых значений к их системной организации. Любая система обладает структурой, но структура не всегда является системным образованием. Произвольный набор звуков в языке составляет структурное множество в том смысле, что в него входят элементы, которые человек способен произносить и воспринимать на слух. С одной стороны, звуки различаются по месту и способу образования, а с другой — обладают определенной высотой, громкостью, длительностью, тембром, которые сохраняются и характеризуют их при внешних и внутренних изменениях. Следовательно, они образуют структуру — множество единиц, соотносящихся между собой на основе интегральных и дифференциальных признаков.

А созданные на основе звуков слоги, используемые для построения лексем, являются системными образованиями. В отличие от равноправных структурных элементов (звуков), слоги имеют иерархическое строение системного образования, которое отличается последовательностью расположения частей (согласный + гласный), встроенным алгоритмом осуществления действий, цикличностью использования моделей образования и их целевым предназначением.

По мере усложнения базовых языковых единиц на каждом из уровней осуществляется переход от статичных структурных элементов к более сложным

динамическим системным образованиям, которые характеризуются взаимодействием и функциональной зависимостью входящих в него компонентов. При этом независимые базовые элементы вступают во взаимодействие на условиях взаимной дополняемости, при которой основой для объединения является возможность компенсировать отсутствие у них каких-то качеств и свойств.

В отличие от структуры, система дает возможность осуществлять процесс, в котором движение имеет функциональную основу. Выполнение функций всегда лежит в содержательной плоскости; таким образом, переход от структуры к системному образованию, кроме механического усложнения, сопровождается появлением содержательного аспекта.

Процесс объединения структурных компонентов в некие содержательные системы проходит в языке через несколько стадий до тех пор, пока в дело не вступают единицы лексического уровня (лексемы) и структурные единицы синтаксического уровня (модели предложений). На лексико-синтаксическом уровне развитие языка обретает высшую цель своего существования — способность передавать информацию в пространстве и времени. Рассмотрим, каким образом и в соответствии с какими алгоритмами это осуществляется.

Начнем с фонетики, в которой уже на первой стадии слогаобразования проявляются общие закономерности, свойственные процессам перехода от структурных образований к системам. Связь между отдельными звуками возникает при условии их разнородности. В природе разнородность обуславливается физическими параметрами и служит основанием для взаимной дополняемости элементов в составе целого; она же создает предпосылки для формирования слога, в котором тоновая основа гласного дополняется шумовой природой согласных звуков.

Стремление системы к внутреннему равновесию, которое сопровождает процесс объединения разнородных структурных компонентов, не затрагивает природу образующих ее единиц. Внутри системного образования звуки сохраняют свои изначальные качества и могут служить показателями для разделения слогов в составе языковых единиц более высокого уровня. «Каждый слог представляет собой волну звучности, где гласный, всегда обладающий большей звучностью, образует вершину

этой волны. Согласные расположены на склонах волны, что обеспечивает постепенное нарастание звучности и ее падение. Такая организация звуковой цепи помогает слушающему воспринять ритмическую организацию сообщения — т. е. число слогов и приблизительное консонансное наполнение, отраженное в громкости согласных» [5, с. 191].

Очевидно, что функциональное значение системы не ограничивается каким-то одним показателем: системные образования обретают возможность выполнять целый ряд задач. Например, основная функция слога заключается в том, чтобы способствовать лучшему восприятию звучащей речи: смысловозначительная функция согласных дополняется тоновой природой гласных, которые улавливаются на более значительном расстоянии и отвечают за распространение речи в пространстве и времени. При этом, с одной стороны, «слог, объединяя группы звуков, создает упорядоченную картину изменений громкости во время звучания речи» [5, с. 191], а с другой — это равновесная упорядоченная картина базируется на неравновесности образующих его гласных и согласных звуков, что способствует дальнейшему развитию слога в составе языковых единиц более высокого уровня.

Принципы равновесности системного образования в целом и неравновесности образующих его элементов не только вступают во взаимодействие, но и обуславливают возможность существования системы на разных уровнях ее развития, потому что именно «неравновесность служит источником упорядоченности. Этот вывод послужил отправной точкой для идей, выдвинутых представителями Брюссельской школы во главе с И. Пригожиным» [16, с. 94].

По сравнению со звуками, которых потенциально может быть сколько угодно, слоги образуются не произвольно, а в соответствии с определенными правилами: один из звуков (чаще всего гласный, хотя в каждом языке существуют свои правила образования слогов) выступает как «вершина» звучности; взаимодействующий с ним согласный звук (согласные звуки) образуют «периферию».

Упорядоченность — это то, что позволяет элементам системы работать слаженно, сохраняя устойчивость. При этом каждый из элементов в составе системного образования несет «ответственность» за свой участок «работы».

Например, гласные звуки, отличающиеся от согласных большей суммарной энергией произнесения, выполняют в русском языке функцию формирования ударения в слове. С другой стороны, «изменения длительности гласного зависят от большого числа разнообразных по своей природе причин и поэтому не могут быть надежным критерием при определении места слоговой границы» [5, с. 203]. Эту функцию осуществляют согласные.

Упорядоченный, иерархический, принцип слогообразования указывает на системный характер слога по сравнению с природой звука как структурного образования, а тот факт, что данный процесс в языке базируется на принципе бинарной оппозиции, вписывается в общую закономерность, лежащую в основе физических основ существования мироздания. Характерные для звуков признаки (тон/шум, глухость/звонкость, твердость/мягкость), выступают как противоположные значения единых категориальных сущностей, обуславливающих их существование в рамках более сложных по структуре фонетических единиц, которые в результате взаимодействия разнополярных значений способны обретать устойчивость.

Неравновесный характер связи между звуками в составе слога (один из противоположных признаков никогда полностью не уравнивается другим) обеспечивает возможность для их дальнейшего взаимодействия в составе более сложных языковых единиц до тех пор, пока система не придет в состояние относительного равновесия в составе морфемы, слова, словосочетания или интонационных конструкций предложения. При этом системный статус единиц языка более высокого уровня определяется не формальными признаками, а функциональным значением, позволяющим дифференцировать входящие в состав системы отдельные структурные образования, тем самым постигая их значение.

Принципиально важным является тот факт, что при создании языковых единиц более высокого уровня применяется единый алгоритм построения. Если в качестве «ядра» звучности в слове выступает ударный слог; то для интонационной конструкции таким «ядром» является слово, на которое падает смысловое ударение: ***Вы́*** были на занятии?; *Вы **бы́**ли на занятии?*; *Вы были **на заня́тии**?* И если звук как

структурное образование не имеет смысловой нагрузки, хотя и может нести определенный эмоциональный заряд, то состоящие из звуков слова обладают лексическим и семантическим значением, а высказывание, построенное из слов в соответствии с определенной интонационной конструкцией, используется для осуществления полновесной коммуникации. Таким образом, по мере вхождения языковых структур в более сложные системные образования расширяются их семантические и функциональные возможности и, соответственно, возможности субъекта речи.

Следующий за фонетикой этап построения языковых единиц связан с вхождением слогов в состав морфем — структурных базовых единиц, формирующих внутреннюю структуру слова. Очевидно, что в отличие от слогов морфемы обладают значением и в большей степени ориентируются на содержательный принцип формирования языковых единиц. Вместе с тем они не имеют той степени семантической определенности, которой обладают лексемы. Их функция как промежуточных системных образований заключается в том, чтобы, опираясь на слоги, заложить в языке модели реализации семантических и категориальных языковых значений, создать материал для построения будущих лексем.

Внутренняя структура морфемы в большинстве случаев формируется на основе слогового принципа¹, в то время как между собой морфемы образуют иерархию, исходя из закрепленных за ними функций: в составе слова каждая морфема ориентирована на процесс слово- или формообразования. Если в фонетике деление слогов на виды ориентируется только на структурные показатели (различают слоги открытые, закрытые, прикрытые и неприкрытые), то в морфологии виды базовых единиц формируются не только по формальным критериям, но исходя из их функций в составе слова, т.е. опирается на семантику. Таким образом, структурное

---

¹ «Между характерной для русского слога звуковой структурой, представленной в основном открытыми слогами, и звуковой организацией морфем существует известное противоречие. Морфемы — и в первую очередь корневые, наиболее отчетливо осознающиеся как смысловые элементы носителями языка, — чаще всего заканчиваются согласным <...> Вопрос о соотношении слогового и морфемного членения рассматривался многими учеными и решался ими по-разному. Одни из них считают наличие морфемной границы существенным для слогаделения, даже определяющим его, другие допускают независимость членения на слоги от членения на морфемы» [5, с. 208].

усложнение языковых единиц влечет за собой смещение ориентиров: план выражения теряет свои позиции, уступая место содержательному аспекту. И если в плане выражения морфемы в значительной степени подчиняются принципам слогаобразования, то план их содержания соотносится с языковой единицей более высокого уровня: неравновесный характер морфем проявляется на уровне слова.

Системность определяется иерархической упорядоченностью входящих в нее единиц. В слоге такая упорядоченность присутствует: гласный звук в составе слога в русском языке выступает как системообразующий, «ядерный» компонент, вокруг которого группируются согласные звуки. На уровне морфологии, если мы возьмем отдельную морфему, такой «ядерный» компонент отсутствует, однако в составе лексемы в качестве морфологического «ядра» выступает корень — морфема, определяющая лексическое значение слова. С ним взаимодействуют вспомогательные аффиксальные структуры, дополняющие основное значение различными семантическими, категориальными и грамматическими смыслами.

Отсюда можно сделать вывод о том, что системность в языке возникает на основе структур, которые обретают способность упорядочиваться в соответствии с определенными правилами. Действительно, система складывается при условии наличия выбора из ряда образующих структуру однотипных образований. Если структура отсутствует и выбора нет, то и системе взяться неоткуда.

В соответствии с этим произвольные сочетания звуков можно рассматривать только в качестве структурных образований. Однако из определенного набора звуков в языке рождаются слоги, которые принадлежат к системным образованиям. Один слог представляет собой систему, а набор слогов вновь образует структуру потенциальных компонентов, предназначенных для формирования языковых единиц более высокого уровня. Соединенные в определенном порядке слоги образуют слово, которое выступает в качестве системы. Если слово, состоящее из набора слогов, выстроенных по определенным правилам, относится к системным образованиям, то словарный запас слов являет собой структуру, из которой впоследствии формируется система нового уровня — предложение. Очевидно, что ряд отдельных вырванных из контекста предложений не может претендовать на системный характер; и только в

составе сложных синтаксических целых, когда строение предыдущего высказывания определяет порядок слов в следующем, они обретают статус системного образования.

Связанные друг с другом предложения формируют текст, который представляет собой систему, а набор всех возможных текстов — это не что иное как структура. Однако в том случае, если тексты были отобраны по определенному принципу: по теме, жанру, стилю и т.д., они становятся системным образованием. И так далее. Таким образом, структура являет собой сколь угодно большой набор однотипных образований, обладающих интегральными и дифференциальными признаками, а принцип системности заключается в том, что отдельные составные части целого выстраиваются в соответствии с его целевым предназначением.

То же самое мы наблюдаем в природе. Элементарные частицы могут существовать в свободном состоянии, однако только в составе атома они обретают устойчивость. В свою очередь одиночные атомы пребывают в разрозненном виде до тех пор, пока не образуют молекулы на основе химических связей, удерживающих их силами взаимодействия в составе целого. Так что процессы образования речи ничем не обличаются от того, что происходит в природе, что свидетельствует о том, что в языке заложены те же эволюционные алгоритмы развития.

Вместе с тем между процессами, которые происходят в природе и в языке, имеется принципиальное отличие. Любое целесообразное и, следовательно, устойчивое химическое взаимодействие имеет цель, которая не всегда осознается человеком. Язык отличается тем, что представляет собой результат работы сознания; следовательно, при образовании речи цель в ней не только заложена изначально, но и маркирована соответствующими языковыми средствами выражения. В отличие от природы сцепка плана выражения и плана содержания в языке имеет осознанный характер.

Строго детерминированная структура позволяет субъекту делать выбор из образующих ее элементов, но каждый раз этот выбор влечет за собой ответственность, потому что выбранный компонент выступает в качестве составной части системного образования, т.е. обуславливает формирование и развитие языковых единиц более высокого уровня.

ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ

В языке процесс последовательного перехода от начального структурного образования (звуков речи) к системному объединению высшего порядка (тексту) включает несколько уровней реализации: 1) Физический (механический), на котором учитываются физические параметры звука и его способность к осуществлению позиционного взаимодействия с другими звуками речи: 2) Семантический, при котором на механическую целесообразность накладывается закрепленное за данным сочетанием слогов морфемное значение. В разных языках процессы реализации данных установок проявляются по-разному, но общий принцип поэтапного перехода от знака, т.е. языковой структуры, к значению слова и далее — к семантическим категориям, основанным на глубинных принципах построения языка, сохраняется; 3) Синтаксическая организация лексем в составе предложения тесно взаимодействует с фонетической (интонационной) организацией лексем в высказывании. Определяющую роль в этом процессе играют сложившиеся в языке синтаксические конструкции и ударение, которое позволяет из потока речи вычленить необходимую информацию.

Таким образом, начальный, фонетический, уровень языка проходит через все стадии формирования речи, выполняя на каждом из них задачи, способствующие облегчению процессов ее отправления и восприятия. Просодия на уровне слова лежит в основе формирования интонации высказывания и далее выходит на уровень более сложных текстовых структур, объединенных единой темой, например абзаца или сложного синтаксического целого.

С одной стороны, любой, сколь угодно длинный, текст как система сохраняет в себе все предыдущие уровни развития и может аналитически быть воспринятым на каждом из них в соответствии с правилами, которые в них заложены. С другой стороны, каждый отдельный элемент текста существует не сам по себе, а в структурном единстве подобных ему языковых образований, которые составляют потенциальный план выражения и соотносятся с ним на эмоциональном, семантическом или грамматическом уровне.

Эволюционные процессы в языке связаны с превращением структурных компонентов в системные образования. Они выстраиваются по определенным моделям, множатся, формируя структуры однотипных элементов, из которых в результате закономерного выбора создаются системы более высокого уровня с новыми режимами функционирования. При этом взаимодействие внутри структурных и системных образований в языке, как и в природе (отрицательно заряженные электроны и положительно заряженные протоны), происходит на основе полярного принципа, который базируется на физических показателях.

Так, тоновая основа гласного звука противостоит шуму, из которого состоят глухие согласные. В качестве вариантов глухих согласных выступают звонкие шумные и сонорные согласные, в которых тон и шум сочетаются в разных пропорциях. Помимо этого, в языке различают слоги закрытые и открытые, ударные и безударные, краткие и долгие.

Полярный принцип взаимодействия в языке сочетается с полевой, иерархической, организацией языковых структур. Например, морфемы делятся на корневые, выражающие основное лексическое значение (центр), и аффиксальные, отвечающие за его грамматическое значение (периферия). Существительные, обладающие субстантивным значением и способные притягивать к себе признаковые слова, противостоят глаголам, наделенным способностью отдавать свои значения. К существительным тяготеют прилагательные и предлоги, которые участвуют в оформлении словосочетаний субстантивного характера, а на противоположном полюсе располагаются наречия, которые обозначают признак действия или другого признака, и союзы, которые служат для соединения в единое предикативное целое слов, словосочетаний, простых предложений и частей сложных предложений [8, с. 150–178]. Семантическое значение лексических единиц определяет представление о синонимах и антонимах, а предложение включает группу подлежащего и сказуемого, с одной стороны, и главные и второстепенные члены — с другой.

Наличие структурных элементов, противоположных по месту, способу образования, семантическому или синтаксическому значению, позволяет на каждом языковом уровне выстраивать системные образования, обладающие относительным

равновесием, которые в свою очередь, вступая во взаимодействие друг с другом в соответствии с тем же полярным принципом, обеспечивают дальнейшее поступательное преобразование языковых единиц. Это динамический аспект развития языка. Статический же порядок в языковых структурах разного уровня, а также возможность их систематизации обеспечивается за счет организации однотипных компонентов по полевому принципу, учитывающему их функционально-прагматическую направленность и семантическое значение в процессе образования речи.

При переходе с одного языкового уровня на другой меняется и природа полярных связей: различия на уровне материи (произношения) преобразуются в смысловое противостояние — в антонимичные семантические значения. Данный процесс является определяющим для всех уровней языка, но на каждом из них обладает своими особенностями. Если на морфологическом уровне противостояние звуков по способу и месту образования дополняется различиями в их функциональном значении (корневые и аффиксальные морфемы), то на лексическом уровне разница в функциональном значении субстантивной и предикативной лексики осложняется наличием у языковых единиц пары, которая принадлежит к той же части речи, но обладает противоположным значением.

Сочетание аналитических (системных) и синтетических (структурных) возможностей текста позволяет соотнести его со сложившимися в сознании носителей языка представлениями о реальности, вычлняя те характеристики, которые были в нем заложены отправителем сообщения и должны быть расшифрованы его получателем.

ВЫВОДЫ

Любой, даже самый сложный в структурном и содержательном отношении, текст подчиняется заложенным в природе принципам организации «от низшего к высшему» и выстраивается в соответствии с законами развития внешнего мира. Соответствие языка другим объектам действительности позволяет лучше понять его сущность и особенности функционирования, обуславливая единый подход к

исследованию и описанию явлений действительности на междисциплинарном уровне.

Взаимодействие по внешним (структурным) и внутренним (системным) принципам — это временной аспект материального мира, который обеспечивает его существование и развитие на микро- и макроуровнях. Тот же самый алгоритм заложен и в языке: можно составить огромное количество слогов, которые не будут иметь абсолютно никакого практического применения, и только в системных образованиях более высокого уровня, выстроенных на основе определенных правил взаимодействия, слог обретает возможность стать единицей речи.

Если первый уровень взаимодействия отдельных слогов учитывает их физические параметры, то в составе семантической единицы (слова) слоги обретают способность вызывать у человека тот или иной эмоциональный или содержательный отклик, т.е. обладает функциональной направленностью.

Функциональность свойственна только системам, она обусловлена осознанием цели существования того или иного объекта действительности. С другой стороны, функциональность принадлежит времени, она указывает на изменение состояния — на переход из одного статичного состояние в другое самого объекта или субъекта, который вступает с ним во взаимодействие. И это касается не только языковых структур, но и принципов взаимоотношения человека с реальностью.

Список литературы

1. Александров, А. Д. Теория относительности как теория абсолютного пространства-времени [Текст] / А. Д. Александров // *Философские вопросы современной физики.* – М. : АН СССР, 1959. – С. 269–323.
2. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике [Текст] / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
3. Белоусов, К. И. Синергетика текста : От структуры к форме. Серия : Синергетика в гуманитарных науках. № 12 [Текст] / К. И. Белоусов. – изд. стереотипное. – М. : URSS, 2016. – 248 с.

4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2002. – 160 с.
5. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб. : СПбГУ, 1998. – 276 с.
6. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание : общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Текст] / А. Вежбицкая // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.
7. Волькенштейн, М. В. Современная физика и биология [Текст] / М. В. Волькенштейн // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 20–33.
8. Глазунова, О. И. Философия языка и проблемы современной лингвистики [Текст] / О. И. Глазунова. – М. : Ленанд (URSS), 2014. – 400 с.
9. Глазунова, О. И. Синергетика творчества: Опыт анализа художественного текста. Серия : Синергетика: от прошлого к будущему. № 61 [Текст] / О. И. Глазунова / Предисл. Г. Г. Малинецкого. – изд. стереотипное. – М. : URSS, 2018. – 344 с.
10. Евин, И. А. Искусство и синергетика. Серия : Синергетика в гуманитарных науках. № 4 [Текст] / И. А. Евин. – изд. стереотипное. – М. : URSS, 2020. – 206 с.
11. Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. Серия : Синергетика и прогнозы будущего. Книга 2: Образование. Демография. Проблемы прогноза. № 100 [Текст] / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – Кн. 2. – изд. 4, испр. и доп. – М. : URSS, 2020. – 384 с.
12. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : URSS, 2003. – 416 с.
13. Леонтьев, А. Н. К методологии вопроса. Предисловие [Текст] / А. Н. Леонтьев / Выготский Л. С. Психология искусства / Пред. А. Н. Леонтьева; комм. Л. С. Выготского, В. В. Иванова; общ. ред. В. В. Иванова. – изд. 3-е. – М. : Искусство, 1986. – С. 5–13.
14. Малинецкий, Г. Г. Пространство синергетики: Взгляд с высоты. Серия : Синергетика: от прошлого к будущему. № 60 [Текст] / Г. Г. Малинецкий. – М. : URSS, 2017. – 248 с.

15. Общее языкознание : Методы лингвистических исследований [Текст] / Под ред. Б. А. Серебrenникова. – М. : Наука, 1973. – 318 с.
16. Осипов, А. М. Термодинамика вчера, сегодня, завтра. Часть 2. Неравновесная термодинамика [Текст] / А. М. Осипов // Соросовский образовательный журнал. – 1999. – № 5. – С. 91–97.
17. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация : Динамическая теория информации. Серия : Синергетика : от прошлого к будущему. № 13 [Текст] / Д. С. Чернавский. – изд. 5. – М. : URSS, 2017. – 304 с.

References

1. Aleksandrov A. D. *Teoriya Otnositel'nosti kak Teoriya Absolyutnogo Prostranstva-Vremeni* [Theory of Relativity as a Theory of Absolute Space and Time]. *Filosofskie Voprosy Sovremennoi Fiziki*, Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 269–323.
2. Arnol'd I. V. *Osnovy Nauchnykh Issledovaniy v Lingvistike* [Basics of the Scientific Research in Linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1991. 140 p.
3. Belousov K. I. *Sinergetika Teksta: Ot Struktury k Forme. Seriya: Sinergetika v Gumanitarnykh Naukakh. № 12* [Synergetics of the Text. From the Structure to the Form. Series: Synergetics in the Humanities. No 12]. Moscow: URSS Publ., 2016. 248 p.
4. Blokh M. Ya. *Teoreticheskie Osnovy Grammatiki* [Theoretical Basics of Grammar]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2002. 160 p.
5. Bondarko L. V. *Fonetika Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Phonetics of Modern Russian Language]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 1998. 276 p.
6. Vezhbitskaya A. *Semantika, Kul'tura i Poznanie: Obshchechelovecheskie Ponyatiya v Kul'turospetsifichnykh Kontekstakh* [Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations]. *THESIS*, 1993, no 3, pp. 185–206.
7. Vol'kenshtein M. V. *Sovremennaya Fizika i Biologiya* [Modern Physics and Biology]. *Voprosy Filosofii*, 1989, no 8, pp. 20–33.

8. Glazunova O. I. *Filosofiya Yazyka i Problemy Sovremennoi Lingvistiki* [Philosophy of Language and Problems of Modern Linguistics]. Moscow: Lenand Publ. (URSS Publ.), 2014. 400 p.
9. Glazunova O. I. *Sinergetika Tvorchestva: Opyt Analiza Khudozhestvennogo Teksta. Seriya: Sinergetika: ot Proshlogo k Budushchemu. № 61* [Synergetics of Creativity. Experience of the Analysis of the Literary Text. Series: Synergetics. From the Past to the Future. No 61]. Pref. by G. G. Malinetskogo. Moscow: URSS Publ., 2018. 344 p.
10. Evin I. A. *Iskusstvo i Sinergetika. Seriya: Sinergetika v Gumanitarnykh Naukakh. № 4* [The Art and Synergy. Series: Synergetics in the Humanities. No 4]. Moscow: URSS, 2020. 206 p.
11. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetskii G. G. *Seriya: Sinergetika i Prognozy Budushchego. Kniga 2: Obrazovanie. Demografiya. Problemy Prognoza. № 100* [Series: Synergetics, and Forecasts for the Future. Book 2. Education. Demography. Problems with the Forecast. No 100]. Moscow: URSS Publ. 2020. 384 p.
12. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Osnovaniya Sinergetiki. Rezhimy s Obostreniem, Samoorganizatsiya, Tempomiry* [Foundations of Synergetics. Aggravation Modes, Self-Organization, and Tempomirs]. Moscow: URSS Publ., 2003, 416 p.
13. Leont'ev A. N. *K Metodologii Voprosa* [To the Methodology of the Question]. Pref. by A. N. Leont'ev; comment. by L. S. Vygotskii, V. V. Ivanova; ed. by V. V. Ivanov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, pp. 5–13.
14. Malinetskii G. G. *Prostranstvo Sinergetiki: Vzglyad s Vysoty. Seriya: Sinergetika: ot Proshlogo k Budushchemu. № 60* [Space of Synergetics. View from High Above. Series: Synergetics: from the past to the future. No 60]. Moscow: URSS Publ., 2017. 248 p.
15. *Obshchee Yazykoznanie: Metody Lingvisticheskikh Issledovaniy* [General Linguistics. Methods of Linguistic Research]. Ed by. B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1973. 318 p.
16. Osipov A. M. *Termodinamika Vchera, Segodnya, Zavtra. Chast' 2. Neravnovesnaya Termodinamika* [Thermodynamics Yesterday, Today, and Tomorrow. Part 2. Non-

Equilibrium Thermodynamics]. *Sorosovskii Obrazovatel'nyi Zhurnal*, 1999, no 5, pp. 91–97.

17. Chernavskii D. S. *Sinergetika i Informatsiya: Dinamicheskaya Teoriya Informatsii. Seriya: Sinergetika: ot Proshlogo k Budushchemu. № 13* [Synergetics and Information. Dynamic Information Theory. Series: Synergetics. From the Past to the Future. No 13]. Moscow: URSS Publ., 2017. 304 p.

LANGUAGE AS A SPATIAL-TEMPORAL MODEL OF REALITY

Glazunova O. I.

The language formation and development occurred in accordance with the physical laws that ensure the effectiveness of the interaction between its structural and systemic components. Speech sounds make up the structure on the basis of which individual syllables obtain a system status. The connection between individual sounds within a syllable occurs if they are heterogeneous. In contrast to equal structural elements (sounds), syllables have a hierarchical system composition, which is characterized by a sequence of parts (consonant + vowel), a built-in algorithm for implementing actions, the cyclical use of models and their intended purpose. The language's lexemes are composed of syllables (structural units) but have a system value — they obtain the lexical and grammatical meaning. The process of combining structural language components into content systems goes through several stages until the lexical level units (lexemes) and syntactic level structural units (sentence models) come into play. The interaction of language units of different levels on the basis of external (structural) and internal (system) indicators obeys certain rules that are promoting the gradual transformation of the material structures (phonetic, alphabetic, syllabic, morphemic, lexical and syntactic) into information units. The process of combining individual structures into the system units allows to compensate the lack of some their qualities and properties in order to complete the main task of communication.

Keywords: philosophy of language, units of language, principles of language transformation, structural and system analysis.

УДК 811.161

DOI:10.37279/2413-1679-2020-6-1-119-136

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Набиуллина Г. А.

Институт филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
г. Казань, Россия
Email: GuzelNab2@yandex.ru

Лингвистическое исследование, посвященное вопросам коммуникативной культуры тюркских народов, является весьма актуальным в современном языкознании. Целью данной статьи является изучение средств выражения вербальной агрессии в татарской лингвокультуре. Материалом исследования являются речевые клише со значением речевой агрессии. В решении поставленных задач предполагается использование описательного и стилистического метода, а также методов сплошной выборки, обработки, интерпретации и лексико-семантического анализа. В работе выявлены лексико-семантические способы и особенности выражения речевой агрессии в татарском языке. Установлено, что в корпусе лексем особое место занимают использование просторечной оскорбительной лексики, метафор, эпитетов, выражающих оскорбление, унижение, вздор, угрозу и агрессивное эмоциональное состояние индивида. Проклятие-злопожелание (каргышлар) является одним из идиоматических выражений агрессии, направленной против человека. Значение агрессии часто сопровождается междометиями, вводными словами, частицами. Проведенный анализ показывает, что в татарской лингвокультуре агрессия представлена как форма речевого поведения, являющегося негативным эмоциональным реагированием языковой личности. Избыточное употребление речевой агрессии в разговорных и публицистических сферах коммуникации и языке художественной литературы отрицательно воздействует на речевую культуру.

Ключевые слова: татарский язык, речевое поведение, речевая агрессия, лингвокультура, фразеологизмы, пословицы.

ВВЕДЕНИЕ

В первоначальном смысле термин *агрессия* от латинского слова *aggressio* имеет значение «нападение». В лингвистике имеются разные точки зрения на определение термина «вербальная агрессия» и разнообразие интерпретаций данного понятия. Термины «речевая агрессия», «вербальные и словесная агрессия», «языковое насилие», «языковая демагогия», «языковое манипулирование» употребляются в разных контекстах и зачастую их значения являются синонимичными [2].

Проблемы речевой агрессии в разных направлениях и аспектах изучены в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, психологов, социологов, юристов. В

лингвистической науке речевая агрессия рассматривается как способ речевого воздействия и относится к области коммуникативной деятельности, коммуникативного поведения. Теоретические основы изучения данной проблемы отражены в работах Л. Берковиц [2], Е. В. Власовой [3], И. В. Глуховой [5], В. Е. Копыловой [9], Н. Н. Кошкарновой [10], А. С. Ларионовой [11], Д. Майерс [12], М. А. Марзан [13], Л. М. Месропян [15], Н. Е. Петровой [16], Е. В. Сараевой [18], Н. В. Уфимцевой [23], Ю. В. Щербининой [24] и т.д. Теоретические исследования по данному вопросу показывают, что в лингвистической науке речевая агрессия рассматривается в основном как явление психолингвистическое. В определении понятия вербальной агрессии нам близок взгляд Ю. В. Щербининой, которая характеризует речевую агрессию как «обидное общение, словесное выражение негативной эмоции чувства и намерены в оскорбительной грубой неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [24].

Многие лингвисты [9; 15; 24] рассматривают речевую агрессию в плане коммуникативного поведения и связывают её с психологическим состоянием. По мнению Н. Е. Петровой и Л. В. Радибурской, речевая агрессия является «жестким выражением негативного эмоционально-оценочного отношения к кому, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [16]. В результате анализа теоретической литературы мы пришли к выводу, что одним из важнейших направлений в изучении проблемы речевой агрессии является проблема репрезентации в разных дискурсах и лексико-грамматические маркеры её реализации. Например, в трудах Ю. В. Щербининой вербальная агрессия рассматривается с точки зрения педагогического дискурса [24]. Имеется также ряд работ, посвященных выражению речевой агрессии в дискурсе СМИ, в политическом и художественном дискурсе [3; 10; 16]. Как нам представляется, изучение особенностей формирования и проявления вербальной агрессии в татарской лингвокультуре позволяет выявить речевые стратегии и языковые средства выражения негативных эмоций языковой личности. Актуальность исследования обусловлена тем, что исследование речевого акта агрессии татарского

народа позволяет переосмыслить коммуникативную культуру в современном контексте и выявить типичные и специфические характеристики коммуникативного поведения татар.

Целью данной статьи является изучение средств выражения речевой агрессии в татарской лингвокультуре.

В связи с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

- 1) отбор и систематизация лексических и идиоматических единиц, отображающих речевую агрессию;
- 2) изучение лексико-семантических способов выражения речевого поведения агрессии;
- 3) выявление особенностей речевого поведения агрессии в татарской лингвокультуре.

Для анализа мы отобрали лексемы, фразеологизмы, эпитеты, метафоры, пословицы, поговорки и клишированные изречения с негативной эмоциональной окраской, то есть в которых прослеживаются вербальная агрессия и деструктивное поведение языковой личности. Чтобы осуществить замысел исследования, был составлен корпус лексических и идиоматических единиц, количество которых превысило 1000 единиц в татарском языке. В качестве материала исследования послужили различные словари татарского языка (словарь пословиц и поговорок, толковый и фразеологический словари), художественные и публицистические тексты; собственные наблюдения над устной речью и письменным общением в татароязычным Интернете. Информационной базой исследования являются следующие источники: толковый словарь татарского языка [20], татарско-русский словари [21; 22], фразеологический словарь Ф. С. Сафиуллиной [19], словарь татарских пословиц и поговорок Н. Исанбета [6-8] и письменный корпус татарского языка [17].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В речевой агрессии нарушается этикет коммуникативных норм и гармоничное общение. Речевая агрессия негативно воздействует на речевую коммуникацию людей

в разных средствах общения. Она может быть направлена как на прямое оскорбление собеседника, так и по отношению к третьему лицу. Некоторые лингвисты определяют, что речевая агрессия может быть направлена и на формирование негативного отношения аудитории. По этому поводу при изучении речевой агрессии выделяются активные и пассивные формы прямой и не прямой агрессии. Следовательно, при помощи вербальных действий выражаются различные негативные отношения: угроза, оскорбление, унижение, упреки и обвинения, обидные и оскорбительные шутки, негативные пожелания, разочарование, брань, крик, рев, критические замечания.

Как мы полагаем, исследуя проблему вербальной агрессии в татарской лингвокультуре, можно выявить концептуализацию и культурно-национальную специфику агрессивного поведения языковой личности. В трудах по изучению национальной идентичности татар установлено, что в основе речевого поведения лежит самоуважение, чувство собственного достоинства народа. По мнению Е. В. Сараевой, «у представителей татарской национальности агрессивность и ее формы (физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия) имеют тесную обратную взаимосвязь с таким качеством, как совесть. Чувство ответственности, обязательность и добросовестность, точность и аккуратность в делах, соблюдение правил являются качествами, снижающими агрессивность татар» [18, с.167].

Как гласит татарская народная мудрость, словом можно больно ранить, а можно и убить человека. В татарских паремиях речевая агрессия раскрывается через ложь, сплетня, ссору и обиду. Татарские пословицы и поговорки призывают не вступать в ссору, а избегать ее, осуждают ложь и сплетни: *Ызгыш - дошманлыкның башы* 'Ссора начало вражды'; *Ызгыш төбе урын тарлыктан түгел, күңел тарлыктан* 'Ссора возникает не из-за тесноты места, а из-за тесноты души'; *Ачулансаң да, соңгысын айтмә. 'Разозлившись, не говори последнего'; Кычкырышка яхшы сүз керми. 'Во время драки добро не говорят'; Тинтәк тиккә кычкырыр 'Дураки ссорятся, умные договариваются'* и т.д. [6-8]. Как утверждают пословицы и поговорки, в татарской

лингвокультуре сплетня, ссора и ложь являются основными категориями речевого конфликта, которые вызывают агрессивное эмоциональное состояние собеседников.

Значение словесного нападения, грубого речевого поведения, оскорбления и угрозы в татарском языковом сознании выражается следующими фразеологизмами: *ачы телләнү* (наговорить колкостей), *бәхәскә керү* (вступить в спор), *әлиен укыту* (дать по мозгам), *авызыңны ябу* (заткнуть рот), *каты бәрелү* (резко отозваться), *каты әйтү* (строго предупредить), *кара ягу* (опорочить имя), *конфликтка керү* (конфликтовать), *кырыс сөйләшү* (строго разговаривать), *шәрран яру* (открыто высказать), *ду килү // ду кубу // ду кубару* (поднимать шум), *ду кубып кычкыру//шырыйлап кычкыру //шыр ярып кычкыру* (кричать во все горло), *чәнчеп алу* (опускать колкости), *чәнчеп сөйләү (әйтү)* (пускать шпильки), *тешләп алу* (говорить колкости), *пыр туздыру// буран туздыру// йонын очыру// тетмәсен тетү* (задать жару, задать перцу, показать где раки зимуют, ругать на чем свет стоит) [19]. Например, Гыйззәтуллин да **бәхәскә керде**: - Монда бер хикмәт бар, ну, туйке артист уйнатмый аны, - диде (М. Мәһдиев) Гиззатуллин тоже спорил: - Тут есть одно дело, ну, артист его не играет' (М. Магдеев) Кинәт Хафиз **шәрран ярып** кычкырып килеп керде (Г. Галиева.) 'Вдруг Хафиз вошел с криками' (Г. Галиева.) Белеп торам, ярты минуттан әни **пыр туздырып** шалтырата башлаячак. (А.Әхмәтгалиева) 'Я знаю, что через полминуты мама начнет звонить' (А.Ахметгалиева) [17].

Компонентами фразеологизмов со значением конфликтного общения выступают следующие лексемы:

ачу (гнев, злоба, злость): *ачу алу* (сорвать зло), *ачу кайтару* (свести счеты), *ачу белән//ачу итеп//үч итеп* (в отместку), *ачу катыш* (в гневе), *ачу кабару* (зло берет), *ачу кайнау* (кипеть от злобы), *ачу килү* (злость кипит), *ачу чыгу /ачу кубу* (зло берет), *ачу утында яну* (пылать гневом), *ачу бәрәп чыгу* (срываться с тормозов), *ачу тоту* (таить злобу), *ачу эчкә сыймау* (кипеть от злости), *ачудан кара коелу/ ачудан йөзе кыйшаю* (позеленеть от злости), *ачу чыгару//ачу китерү* (вызвать гнев), *ачу саклап йөрү//үч саклау* (помнить зло);

сүз (слово): *яман сүз әйтү* (сказать плохое слово), *сүзгә килү* (вступить в спор), *чанчүле* (чанечкеле) *сүз әйтү* (отпускать колкости), *зәһәр чәчү* // *зәһәрле сүз әйтү* (сказать колкость);

тавыш (голос, шум): *тавыш күтәрү* (повышать голос), *тавыш чыгару* (поднять шум), *тавыш зурга китү* (возникла ссора) [19].

Лексемы негативного экспрессивно-оценочного характера, то есть лексические единицы с однозначно отрицательной коннотацией, являются активным лексическим средством речевой агрессии, несущим «интеллектуальный и эмоциональный примитивизм, недоброжелательность, агрессивность» [5]. Для обозначения оскорбления, унижения, вздора, угрозы и агрессивного призыва активно употребляются глаголы с деструктивной семантикой. Такими являются глаголы с общим значением разрушительного действия (*тешләргә* 'грызть', *сугарга* 'бить' и т. д.); глаголы уничтожения (*суярга* 'зарезать', *утерергә* 'губить' и т. д.); глаголы повреждения (*яраларга* 'ранить', *тырнарга* 'царапать' и т. д.) [20-22].

Среди глаголов, обозначающих агрессивное речевое поведение, можно выделить следующие: *кычкыру* (кричать), *кычкырышу* // *әрләшү* (ругаться, ссориться), *акыру* (орать), *ызгышу* // *талашу* (ссориться), *(сүгү* (браниться), *каты бәрелү*, *тавышлану* (скандалить), *бәхәсләшү* (спорить), *сатулашу* (выть), *дулау* (бушевать), *хур итү* (позорить), *куркыту* (грозить), *янау* (шантажировать) и т. д. [20-22].

Особый интерес вызывает использование ненормативной и оскорбительной лексики, грубых, просторечных выражений, в том числе нецензурных слов и элементов с негативной экспрессивной окраской. Употребление инвективной, т.е. оскорбительной, лексики вызывает негативные эмоции к чему-либо или кому-либо: *жүләр* // *ахмак* (дурак, глупый), *надан* (глупый, невежественный), *азгын* (развратный, похотливый), *аңгыра* (тупой), *кабахәт* (мерзавец, подлец), *бәдбәхет* (проклятый), *мәлгунь* (проклятый), *убыр* (обжора, прорва), *аждаһа* (изверг), *хәшәрәт* (мерзавец, гад), *албасты* (злодей), *дивана* (бестолковый), *ерткыч* (изверг), *хәерсез* (негодник) [20-22].

Например, —*Телеңә төер чыккыры, убыр*, — диде дә, кырт борылып ихатага таба юналде. (В. Имамов) ‘— *Тупун тебе на язык, ненасытный ты человек, сказал он, внезапно повернувшись, и направился в сторону двора*’ (В. Имамов) [17].

Бер чанадан куып төшергәннәр иде, икенчесенә барып ябышты, мөгезле шайтан, сансыз, хайт, **мәлгунь!** (А. Гыйләжев); ‘*Из одних саней прогнали, он в другие полез, рогатый черт, несметный, айть, проклятый.*’ **Юньсез, ахмак!** (А. Гилязов) [17].

‘*Бестолковый, дурень!*’; **Жир бит** икәнсен, **абау** (А. Гыйләжев). ‘*Ничего себе, какой ты, оказывается, бесстыдник*’ (А. Гилязов) [17].

В татарском языке встречаются ненормативные слова из русского языка. К этому пласту относятся жаргонизмы и вульгаризмы, т.е. неприличная брань, предназначенная преимущественно для оскорбления адресата и для его отрицательных оценок. Как отмечает Р. Г. Апресян, «привнесение жаргона и ненормативной лексики в сферу общезначимой публички коммуникации» направлено на осуществление насилия, грубости, оскорбления и презрения [1, с. 134]. Например, *дылда, шушера, рожка, падла, подлец, подонок, негодяй, трепач, харя, морда, сволочь, подлец, стерва, козёл, мент, зараза, алкаш, шулер, бандит, жулик, мошенник* и т. д.

Кулны пычратасы килми инде, жәллим мин сине, **падла**, — диде дә китеп барды (М. Мәһдиев) ‘Не хочется марать руки, жалею я тебя, падла (М. Магдиев) [17].

Мин синең ише **негодяйларны** бик күп акылга утырткан (Т. Гыйззәт) ‘Я таких негодяев, как ты, много раз на место ставил’ (Т. Гиззат) [17].

Ах, жулик Фәтхи, ә! (Г. Камал.) Ах ты жулик, Фатхи! (Г. Камал) [17].

Исходя из данных примеров, мы можем утверждать, что грубопросторечная лексика выражает негативное отношение к адресату. В этом плане бранные слова, жаргон являются весьма активным средством оскорбления, унижения языковой личности.

Основным средством выражения агрессивного поведения в татарском языковом сознании выступает метафора. В татарской языковой идиоматике агрессивный человек характеризуется метафорами как *усал телле // әрем тел (злой на язык), чәнчкеле телле (колючий на язык), ачы телле // зәһәр телле (дерзок на язык), каты*

сүзле (резкий на язык), ачу саклаучан// кинә тотучан // кара эчле //эче кара // күңеле кара (злопамятный) [19].

Среди метафорических выражений, употребляемых в переносном значении, активное звено составляет зооморфная метафора с компонентом *эт* (собака). Например, *эт жән (собачье отродье), эт нәрсә (ну и дерьмо), эттән туган // эттән туган нәмәстә (собачье отродье), этлек эшләү // этлек кылу (дать подножку, подложить свинью), этлек итү (делать колкости), эт итү//эт итеп сүгү (отругать на чем свет стоит), эттән алып эткә салу //эттән алып дуңгызга салу (задать жару) [19].*

С помощью зооморфных метафор можно охарактеризовать внешний облик, темперамент, характер, поведение и социальный статус человека. Активными из них являются следующие лексемы:

*хайван (животное) - перен. бран. скотина, скот прост. | скотский (поступок)
дуңгыз (свинья)- перен. бран. неуклюжий, неповоротливый, грязный человек
елан (змея) - перен. бран. подлец, злодей; аспид, змея подколотная; избавились от этого наконец-то избавились от этого злодея
төлке (лиса)- перен. льстец; хитрец; лисутка, плут; старый плут
сарык (овец) - перен. слабый, невежественный, бездарный
сыер (корова) - перен. прост. корова, неуклюжий (человек); лежит как корова
бозау (теленки) - перен. прост. телёнок, мямля, несмелый
ишәк (осел) - бран. перен. осёл, ишак, дурак, остолоп, как ослиный, ишакий*

[21; 21].

В татарской лингвокультуре широко распространены **эпитеты**, выражающие оскорбление, унижение человеческого достоинства адресата. Наиболее стереотипизированными являются: *карт тәре, таи бәгырь, күзле бүкән (чурбан неотесанный), акылга таман, тәре баганасы (чурбан, болван), чукинган нәрсә (негодник), бәдбәхет нәрсә (негодяй), юлар нәрсә (дура несчастная), күзең чыккан нәрсә (глаз что ли нет), кулың черегән нәрсә (руки отсохли что ли) и т.д. [19].*

Например, Менә халык алдында жавап бир, **бәдбәхет нәрсә...** (А. Алиш) ‘Теперь держи ответ перед народом, окаянный’ (А.Алиш) [17].

Тэк что, выжт итеп урыныннан очып төшәчәк **азгын нәрсә!** (А. Вергазов) ‘Я таких негодяев, как ты, много раз на место ставил’ (А. Вергазов) [17].

Выражение угрозы может быть осуществлено при помощи вопросительных местоимений **нәрсә** (что), **ниемә хәжәт** // **нәстәгә** (к чему, зачем), **ни пычагыма** (на кой черт).

Например, **Нәрсә**, күз төбәндәге бер фонарь гына житмәгәнмени? (А. Тимергалин) ‘Что , тебе не хватило одного фонаря под глаз’ (А. Тимергалин) [17].

Нәстәгә миңа ир, **ни пычагыма?** (Н. Гыйматдинова). ‘Зачем мне муж, на кой черт’ (Н. Гиматдинова) [17].

Башыма тай типкән мәллә минем?! (Н. Гыйматдинова) ‘Я не дура, чтобы это делать!’ (Н. Гиматдинова) [17].

Нигә ул хәтле шашасың **соң?** (А.Алиш). ‘Зачем ты так с ума-то сходишь?’ (А. Алиш) [17].

Грубобросторечная лексика может использоваться в комбинации вспомогательных слов, которые усиливают значение агрессии и создают эффект напряжения и раздражения. В роле вспомогательных слов выступают следующие единицы:

1) междометия : **абау** (ой), **ах** (ах), **уф** (ах), **әстәгы** (боже).

Например, **Абау**, хәерсез, синмени әле бу? (А. Әхмәтгалиева); ‘Ах ты, негодник, это ты, что ли’ (А. Ахметгалиева) [17].

Ах, ерткычлар, ни эшләмәкче булалар соң? (А. Алиш) ‘Ах, твари, что они собираются делать?’ (А. Алиш) [17].

— **Әстәгы**, каян алым мин сиңа? (А. Әхмәтгалиева) ‘Господи, откуда я тебе достану’ (А. Ахметгалиева) [17].

Уф — **уф...** малай актыгы, урман жене Чытырмай, сиңа ничә мәртәбә әйтергә була?! (А.Гадел) ‘Ах ты сопляк, сколько можно повторять?!’ (А. Гадел) [17].

2) вводные слова **миңа димәгәе** (на кой черт), **давай**, **в конце концов**// **конца да концов** // **в конце да концов**, **нүжәли** // **неужели**, **панимаешь**, **вообще**, **ызначит**, **кәнишне** и т.д.) также усиливают значение агрессии.

Например, **Миңа димәгә** ник чукынышып бетмисез! (А.Гыйләжев) *‘Пропадите вы проподом’* [17].

Берсен дә кызганмыйм, **миңа димәгә**, чукынышып катсыннар (Вақытлы матбугат) *‘Никого я не жалею, я скажу тебе, пусть пропадут они проподом’* [17].

Давай, давай, йә түлә, йә чыгып ычкын! Кондуктор хатын, синең ишеләр белән шулай гына сөйләшеп була дигәндәй, башы белән ишеккә ымлады (А. Әхмәтгалиева) *‘Давай, давай, либо плати, либо выметайся! Кондукторша указала головой на дверь, словно бы говоря, что с такими, как ты, разговаривают только так’* (А. Ахметгалиева) [17].

Неужели аңламыйсың, аның белән бер өйдә тору миңа бик кыен (Г. Әпсәләмов) *‘Неужели ты не понимаешь, что жить с ним под одной крышей мне в тягость’*; (Г. Апсәлямов) [17].

Нүжәли бер дә гарьләнә белмисең син? (А. Вергазов) *‘Неужели у тебя нет совести?’* (А. Вергазов) [17].

"Соңгысы булсын, **панимаеш**, соңгысы. (Вақытлы матбугат) *‘Пусть это будет в первый и последний раз’* (Период.печать) [17].

Основным средством выражения агрессии, негативных пожеланий в татарском языке являются оптативные речевые высказывания. Жанр злопожелания широко известен фольклору многих этносов. Проклятие-злопожелание (каргышлар) — это одно из идиоматических выражений агрессии, направленной против человека [14]. По словам известного фольклориста Х. Махмутова, произнесение проклятий носит вредоносный характер, причиной их произнесения является обида [14]. Такая установка отражается и в самих народных изречениях: *Каргыш каргыш тудырыр (Проклятие рождает проклятие); Яманның – каргышы, яхшының – алкышы (От доброго человека — благопожелание, от плохого — проклятие)* и т.д. [6-8].

В татарском языке проклятия представляют собой систему клишированных формул. Коммуникативная направленность проклятий - пожелание бед и несчастий. Совершение проклятия нацелено на причинение адресату морального или физического вреда. К основным средствам выражения речевого акта проклятия относятся оптативные высказывания в форме повелительного и желательного

наклонений. Например, *башың беркере //чукынып киткере (пропади ты пропадом), бирәне тыгылгыры/ бирәне ертылгыры (чтоб тебя разорвало), жзык суккыры /жзык кергере (пропади ты пропадом), бугазы ертылгыры (чтоб поперек горла стало), каһәр суккыры (будь проклят), чәнчелеп киткере (чтоб ты сдох), кулың коргыры (пусть отсохнут руки), пычак кергере//эчеңа пычак кергере (бес в ребро), муены астына килгере // муены чыккыры (чтоб свернул себе шею), эче ертылгыры (чтоб тебя разорвало), мур кыргыры//үләт кыргыры (яугыры) (пропади ты пропадом), нәләт суккыры (төшкере, яугыры), өне тыгылгыры (пусть замрет), шайтан алгыры//жңен суккыры//жңен алгыры (черт побори) [19]. Как видно из примеров, в данных оптативных высказываниях глаголы, образованные при помощи архаичных аффиксов –гыры/-гере, -кыры\кере, выражают проклятие, зложелание.*

Глаголы также могут употребляться и в форме желательного наклонения 3 лица на –сын/-сен. Например, *күземә күренмәсен (глаза бы мои не видели), бугазына аркылы килсен // тамагына таи булып утырсын (чтоб тебе поперек горла встало), көн яктысы күрмәсен//дөнья йөзе күрмәсен (пусть ни видит белого света), каберең якын булмасын (не дай бог иметь с ним дело), яшем төшсен (пусть тебе отольются мои слезы), ләгънәт төшсен (будь проклят), токымың корысын (пусть твой род сгинет), хәерчелектән башың чыкмасын (пусть всегда будет нищим), чәчрәп китсен (пропади пропадом), телең корысын (пусть язык отсохнет), күзе чәчрәп чыксын (пусть лопнут твои глаза) [19]. Глаголы могут употребляться и в форме повелительного наклонения 2 лица: *Күземнән югал! (С глаз долой); Күземә күренәсе булма! (Чтоб глаза мои тебя не видели); Күземә күренәсе булма! (Не попадайся на глаза). Күрсәтәм мин сиңа күрмәгәңеңе! (Покажу я тебе); Бирдем кирәген! (Дал должное); Эзең булмасын! (Чтоб не было следов твоих); Чукынып кит! (Пропади ты пропадом); Шайтаныма олак! (Пропади ты пропадом) и т.д. [19].**

Образцы речевого акта проклятия-зложелания встречаются и в языке художественной литературы: *И аягың коргыры! намусымызны таптадың (Г. Тукай) 'Да чтобы у тебя ноги отсохли! Обечестил ты нас' (Г. Тукай) [17].*

Телгезгә тилчә төшкән нәрсәләр! (Г. Камал) 'Эх вы, злые языки' (Г. Камал) [17].

Телләрегез коргыры! (Г. Камал) 'Чтоб у вас язык отсох' (Г. Камал) [17].

— Ә син, пычагым кергере, ниемә дип якты көндә өйдә утырасың? — дип тиктомалдан ачуын аңа күчерде (В. Имамов) 'Ах ты зараза, почему в такой солнечный день сидишь дома? – без причины направила свой гнев на него' (В. Имамов) [17].

Проанализировав корпус собранных единиц, мы можем заключить, что в татарском языковом пространстве особое место занимают инвективная лексика, метафоры, эпитеты, которые выражают оскорбление, унижение, угрозу и агрессивное эмоциональное состояние индивида. Лексико-семантическое оформление агрессии часто сопровождается вопросительными местоимениями, междометиями, вводными словами и частицами.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает, что в татарской лингвокультуре агрессия представлена как форма речевого поведения, являющегося негативным эмоциональным реагированием языковой личности.

Средствами выражения речевой агрессии являются следующие лексико-семантические единицы: просторечная оскорбительная лексика и элементы с негативной окраской (*жүләр // надан (дурак, глупый), азгын (развратный, похотливый), ахмак (глупый), аңгыра (тупой)* и т.д.); вульгаризмы, т.е. неприличная брань из русского языка (*дылда, шушера, рожжа, падла, подлец, подонок* и т.д.); зооморфная метафора (*елан (змея), төлке (лиса), сарык (овец), сыер (корова), аю (медведь), бозау (теленка), дуңгыз (свинья)* и т.д.); эпитеты, выражающие оскорбление, унижение собеседника (*күзле бүкән (чурбан неотесанный)*); вопросительные местоимения, междометия, частицы, вводные слова усиливают значение агрессии (*миңа димәгәе, житмәсә, алай булгач*); оптативные речевые высказывания, выражающие злопожелание-проклятие.

Таким образом, в речевых выражениях агрессии отражаются национальная картина мира, стереотипы мышления языковой личности и личностные черты татарского народа. Чрезмерное использование речевой агрессии в разговорных и

публицистических сферах коммуникации и в языке художественной литературы отрицательно воздействует на речевую культуру языковой личности.

Список литературы

1. Апресян, Р. Г. Сила и насилие слова [Текст] / Р. Г. Апресян // Человек. – 1997. – №5. – С. 7–13.
2. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль [Текст] / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм – ЕВГО – ЗНАК: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 510 с.
3. Власова, Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30- х и 90- х гг. XX века) [Текст] : дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.19 / Е.В. Власова. – Саратов, 2005. – 214 с.
4. Ганиев, Ф.А. Русско-татарский словарь [Текст] / Ф. А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. – 240 с.
5. Глухова, И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) [Текст] / И. В. Глухова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2017. – № 12 (408). – С. 62-70.
6. Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыелмасы: 3 томда. 1 том: "Мәкальләребез турында" дигән фәнни хезмәт һәм аңлатмалар белән [Текст] / Н. Исәнбәт. – Казан: Таткитнәшр., 2010. – 623 с.
7. Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыелмасы: 3 томда. 2 том [Текст] / Н. Исәнбәт. – Казан: Таткитнәшр., 2010. – 749 с.
8. Исәнбәт, Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыелмасы: 3 томда. 3 том [Текст] / Н. Исәнбәт. – Казан: Таткитнәшр., – 2010. – 799 с.
9. Копылова, В. Е. Речевое манипулирование и речевая агрессия [Текст] / В. Е. Копылова // *Linguistica Juvenis*. – 2010. – № 12. – С.94–100.
10. Кошкарлова, Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ [Текст] / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (148). – С.48-52.

11. Ларионова, А. С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте (на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX веков) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. С. Ларионова. – Москва, 2009. – 25 с.
12. Майерс, Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. – СПб.: Питерком, 1999. – 684 с.
13. Марзан, М. А. Речевая агрессия в языке СМИ [Текст] / М. А. Марзан // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 2. – С. 96-99.
14. Махмутов, Х. Ш. Афористические жанры татарского фольклора [Текст] : дис. в виде науч. докл... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Х. Ш. Махмутов. – Казань, 1995. – 249 с.
15. Месропян, Л. М. Речевая манипулятивная агрессия как контаминированный вид речевого воздействия [Текст] / Л. М. Месропян // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3 (70). – С. 63-67.
16. Петрова, Н. Е. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие [Текст] / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
17. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.corpus.tatar/>. – (Дата обращения: 02.09.2019)
18. Сараева, Е. В. Особенности агрессивности у представителей различных национальностей [Текст] / Е. В. Сараева // Вестник Вятского государственного университета. – Киров : ВятГУ, 2010. – №3-1. – С.165-168
19. Сафиуллина, Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек [Текст] / Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
20. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. I том: А-В. [Текст]. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 712 с.
21. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А-Л). [Текст]. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

22. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М-Я). [Текст]. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
23. Уфимцева, Н. В. Проблемы аккультурации новых граждан России [Текст] / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 71-75.
24. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды [Текст] / Ю. В. Щербинина. – Москва, 2012. – 400 с.

References

1. Apresyan R. G. *Sila i Nasilie Slova* [Power and Violence of the Word]. *Chelovek* [Human Being], 1997, pp. 7-13.
2. Berkovits L. *Agressiya: Prichiny, Posledstviya i Kontrol* [Aggression: Causes, Consequences and Control]. SPb., Neva Publ., M., OLMA-Press Publ., 2001. 510 p.
3. Vlasova E. V. *Rechevaya Agressiya v Pechatnykh SMI (na Materiale Nemetsko- i Russkoyazychnykh Gazet 30- kh i 90- kh Gg. XX Veka)* [Speech Aggression in Print Media (Based on German- and Russian-Language Newspapers of the 30s and 90s of the 20th century)]. Saratov, 2005. 214 p.
4. Ganiev F. A. *Russko-Tatarskii Slovar* [Russian-Tatar Dictionary]. Kazan, Tatar. kn. Publ., 2009. 240 p.
5. Glukhova I. V. *Leksiko-Semanticheskie Sposoby Vyrazheniya Rechevoi Agressii (na Materiale Angloyazychnykh Pechatnykh SMI)* [Lexico-Semantic Ways of Expressing Speech Aggression (on the Material of English-Language Print Media)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences]. 2017, pp. 62-70.
6. Isenbet N. *Tatar Khalyk Mekallere: Mekaller Hzyelmasy: 3 Tomda. 1 Tom: Mekallerebez Turinda digen Fenni Khezmet hem Anlatmalar belen* [Tatar Folk Proverbs. Collection of Proverbs in Three Volumes 3 Vols. 1 Vol.]. Kazan, Tatkitneshr. Publ., 2010. 623 p.
7. Isenbet N. *Tatar Khalyk Mekallere: Mekaller Hzyelmasy: 3 Tomda. 2 Tom* [Tatar Folk Proverbs. Collection of Proverbs in Three Volumes 3 Vols. 2 Vol.]. Kazan, Tatkitneshr. Publ., 2010. 749 p.

8. Isenbet N. *Tatar Khalyk Mekallere: Mekaller Hzyelmasy: 3 Tomda. 3 Tom* [Tatar Folk Proverbs. Collection of Proverbs in Three Volumes 3 Vols. 3 Vol.]. Kazan, Tatkitneshr. Publ., 2010. 799 p.
9. Kopylova V.E. *Rechevoe Manipulirovanie i Rehevaya Agressiya* [Speech Manipulation and Speech Aggression]. *Linguistica Juvenis*, 2010, pp. 94-100.
10. Koshkarova N. N. *Lingvisticheskie Mekhanizmy Rechevoi Agressii v SMI* [Linguistic Mechanisms of Speech Aggression in the Media]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], no 10 (148), 2009, pp.48-52.
11. Larionova A. S. *Leksiko-Semanticheskie i Stilisticheskie Sposoby Vyrazheniya Agressii v Khudozhestvennom Tekste (na Materiale Khudozhestvennykh Proizvedenii Angliiskikh i Russkikh Pisatelei XIX–XX Vekov)* [Lexical-Semantic and Stylistic Ways of Expressing Aggression in a Literary Text (Based on the Material of Artistic Works of English and Russian Writers in the 19-20th Centuries)]. M., 2009. 25 p.
12. Maiers D. *Sotsialnaya Psikhologiya* [Social Psychology]. SPb., Piterkom Publ., 1999. 684 p.
13. Marzan M. A. *Rehevaya Agressiya v Yazyke SMI* [Speech Aggression in The Language of Mass Media]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philological. Journalism]. 2017, pp. 96-99.
14. Makhmutov Kh. Sh. *Aforisticheskie Zhanry Tatarskogo Folklor* [Aphoristic Genres of Tatar Folklore]. Kazan, 1995. 76 p.
15. Mesropyan L. M. *Rehevaya Manipulyativnaya Agressiya kak Kontaminirovanniy vid Rehevogo Vozdeistviya* [Speech Manipulative Aggression as a Contaminated Type of Speech Influence.] *Gumanitarnye i Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki* [Humanities and Socio-Economic Sciences]. 2013., pp. 63-67.
16. Petrova N. E., Ratsiburskaya, L. V. *Yazyk Sovremennykh SMI: Sredstva Rechevoi Agressii: Ucheb. Posobie* [the Language of Contemporary Media: the Means of Verbal Aggression: Proc. the Allowance]. M., Flinta, Nauka Publ., 2011. 160 p.

17. *Tatar Telenen Yazma Korpusi* [Written Corpus of the Tatar Language]. Available at: <https://www.corpus.tatar/>. (accessed 2 September 2019)
18. Saraeva E. V. *Osobennosti Agressivnosti u Predstavitelei Razlichnykh Natsionalnostei* [Features of Aggressiveness in Representatives of Different Nationalities]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University]. Kirov, VyatGU Publ., 2010, pp. 165-168.
19. Safiullina F. S. *Tatarcha-Ruscha Frazzeologik Suzlek* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan, Megarif Publ., 2001. 335 p.
20. *Tatar Telenen Anlatmaly Suzlege* [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. I tom: A-V. Kazan, TEhSI Publ., 2015. 712 p.
21. *Tatarsko-Russkii Slovar* [Tatar-Russian Dictionary]. In 2-vol. vol. 1 (А-Й). Kazan, Magarif Publ., 2007. 727 p.
22. *Tatarsko-Russkii Slovar* [Tatar-Russian Dictionary]. In 2-vol. vol. 2 (М-Я). Kazan, Magarif Publ., 2007. 725 p.
23. Ufimtseva N.V. *Problemy Akkulturratsii Novykh Grazhdan Rossii* [Problems of Acculturation of New Citizens of Russia]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2010, pp. 71-75.
24. Shcherbinina Yu. V. *Rechevaya Agressiya. Territoriya Vrazhdy* [Speech Aggression. Territory of Enmity]. Moskva, 2012. 400 p.

VERBAL AGGRESSION

IN THE SYSTEM OF SPEECH ACTS THE TATAR LANGUAGE

G. A. Nabiullina

Linguistic studies of the communicative culture of Turkic peoples are very relevant in modern linguistics. The purpose of this article is to study the means of expressing verbal aggression in Tatar linguistic culture. The research material is speech clichés with the meaning of speech aggression. Solving the tasks the author uses a descriptive and stylistic method, as well as continuous sampling, processing, interpretation and lexical-semantic analysis methods. The work reveals lexical and semantic methods and features of the expression of verbal aggression in the Tatar language. It is established that in the corpus of lexemes a special place is occupied by the use of colloquial offensive vocabulary, metaphors, epithets expressing insult, humiliation, nonsense, threat and the aggressive

emotional state of the individual. The curse-malice (kargyshlar) is one of the idiomatic expressions of aggression directed against a person. The meaning of aggression is often given by interjections, introductory words, particles. The analysis shows that in the Tatar linguistic culture aggression is presented as a form of speech behavior, which is a negative emotional response of a linguistic personality. Excessive use of speech aggression in the colloquial and journalistic spheres of communication and in the language of fiction affects speech culture negatively.

Keywords: Tatar language, speech behavior, speech aggression, linguoculture, phraseological units, proverbs.

УДК 81'373.611.161.1

DOI:10.37279/2413-1679-2020-6-1-137-160

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ АДЪЕКТИВОВ С КОМПОЗИТАМИ, РАЗВИВАЮЩИМИ ПРИЗНАК ПОДОБИЯ

Петров А. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: liza_nada@mail.ru

Кулаева Э. Э.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: mazik.crimea@mail.ru

В статье исследуется семантическая структура простых адъективов с суффиксом *-ат-* в их соотношении с однокоренными композитами на *-видный*, *-образный*, *-подобный*, развивающих значение подобия. Картотека языковых фактов была составлена на основе «Обратного словаря русского языка», «Словаря русского языка» в 4-х томах и Интернет-ресурсов. Были отобраны моно- и полисемичные адъективы с суффиксом *-ат-*, который сочетается с 28 основами. Сформированы деривационные парадигмы, в которые входят имена прилагательные с суффиксом *-ат-* и однокоренные композиты с суффиксоидами на *-видный*, *-образный*, *-подобный*, интегрируемые той или иной основой. Производные с суффиксом *-ат-* составляют с композитами семь четырёхчленных парадигм. С опорой на Интернет-ресурсы в каждой деривационной парадигме были сформированы сочетаемостные ряды адъективов, у которых количество приадъективных актантов варьируется. Максимальное количество лексических распространителей было зафиксировано в парадигме с основами *тарелк-* и *шишк-*. Именные распространители входят в различные тематические группы. Анализ сочетаемости у однокоренных лексических единиц призван выявить те или иные смысловые нюансы в передаче признака предмета и ответить на вопрос, являются ли адъективные композиты со значением подобия дублетами. Таким образом, ведущим в исследовании является валентностный анализ.

Ключевые слова: адъективы со значением подобия, адъективы с суффиксом *-ат-*, композиты на *-видный*, *-образный*, *-подобный*, сочетаемость суффикса *-ат-* с разными основами, деривационная парадигма, лексическая сочетаемость адъективов.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время все более актуальными становятся вопросы семантики современного русского языка. Ещё Л. В. Щерба писал, что «весь язык сводится к смыслу, к значению» [26, с. 153]. По мнению исследователей, «семантика прилагательного, в силу кажущейся простоты лексического значения, ограниченного... набора словообразовательных и грамматических морфем, никогда

не была привлекательной для лингвистов», следовательно, недостаточно изучена [11, с. 6].

Одним из источников образности в языке является категория подобия. Семантика подобия в русском языке передаётся при помощи различных языковых средств. Подобие изучали многие лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Е. А. Карпиловская, О. А. Лапшина, В. М. Огольцев, А. В. Петров, М. М. Покровский, А. П. Прокопец, И. А. Устименко и др.). Подобие передаёт такие отношения между предметами, явлениями и действиями, которые предполагают наличие у них одного или нескольких общих признаков при несовпадении других.

А. В. Петров выделяет предикативно-актантное поле с инвариантом *-похожий на то*, которое имеет неоднородное ядро и характеризуется двухслойной структурой. Первый слой представлен инвариантом *X как <словно, будто> Y*, второй – инвариантом *похожий на то..*, который совпадает с инвариантом поля [16].

Анализ литературы. А. Н. Шрамм в монографии «Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка» рассматривает некоторые стороны семантики качественных прилагательных; предлагает классификацию лексико-семантических вариантов, основанную на типологических различиях называемых ими признаков; анализирует наиболее частотные и наиболее многозначные прилагательные разных семантических классов с целью обнаружения специфических для них отношений между значениями, а также для установления направлений развития переносных значений [25, с. 68].

История рассматриваемых сложений показывает, что большое количество слов с компонентами *-видный*, *-образный*, *подобный* появилось в процессе становления научного стиля. По мнению Е. Н. Борисовой, посредством этих слов «описываемый предмет, орган, часть растения, насекомого, животного как бы сравнивается с известным предметом, уподобляется ему» [4, с. 156–157].

Вопрос о лексико-словообразовательном статусе компонентов *-видный*, *-образный*, *подобный* современными исследователями решается по-разному. Различие во взглядах учёных сводится в основном к тому, что одни исследователи считают их самостоятельными корневыми морфемами (К. А. Левковская,

В. В. Лопатин, К. Л. Ряшенцев), другие отрицают полноценность этих основ, называя их суффиксоидами, то есть полужнаменательными элементами (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский). Среди них выделяется формант «подобный». Как отмечает К. Л. Ряшенцев, «сложные имена прилагательные с компонентом *-подобный* несут в себе больший – по сравнению с другими сложениями – оттенок книжности, некоторой тяжеловесности; в них второй компонент имеет более конкретное лексическое значение уподобления, сходства; это отчасти объясняется тем, что компонент *-подобный*, в отличие от *-видный*, *-образный*, может употребляться как самостоятельное слово с тем же значением – ‘похожий на кого-, что-либо’» [19].

С. Ю. Адливанкин проанализировал «интуитивные» толкования прилагательных с суффиксоидами *подобный*, *-видный*, *-образный* и пришёл к выводу о том, что прилагательные с компонентом *-видный* наиболее часто трактуются на основе семантического компонента ‘похожий по виду’, компонент *-образный* в большинстве случаев приводит к появлению семы ‘близкий по форме’... Элемент *-подобный* чаще всего привносит в значение производного семантический компонент ‘похожий (нерасчленённо)’» [1, с. 92]. А. И. Кайдалова считает, что анализируемые форманты выражают одно и то же значение, различаясь только по своей активности [8, с. 48–58].

Цель статьи – исследовать семантическую структуру простых по словообразовательной структуре адъективов с суффиксом *-ат-* и сложных производных с суффиксоидами *-видный*, *-образный*, *подобный*, входящих в одну деривационную парадигму.

Источниками для составления картотеки языковых фактов послужили материалы «Обратного словаря русского языка» и «Словаря русского языка» в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой. В отдельных случаях использовались другие толковые словари: «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах и «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» в 2-х томах Т. Ф. Ефремовой. Исследование проводилось на базе Интернет-ресурсов (использовались поисковые системы Yandex и Google).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Исследование строится с опорой на деривационные парадигмы адъективных производных со значением подобия, объединённых общей субстантивной основой и дифференцированных суффиксом *-ат-* и словообразовательными средствами на *-видный, -образный, подобный*. На основе лексической сочетаемости устанавливается корреляция между простыми по структуре производными и однокоренными композитами, что позволит глубже изучить категорию подобия и средства её выражения в языке. Особое внимание обращалось на совпавшие приадъективные актанты, которые выделяются жирным шрифтом. Совпадение актантов может свидетельствовать в пользу дублетности производных единиц. Несовпадение адъективных распространителей сигнализирует о прикреплённости актантов к производным той или иной словообразовательной структуры. Изучение адъективов под углом зрения сочетаемости с определяемыми существительными позволит раскрыть особенности функционирования производных анализируемых словообразовательных моделей.

Исследователи выделяют моно- и полисемичные имена прилагательные. Мы установили, что суффикс *-ат-* сочетается с 28 основами, таким образом были выделены 28 производных слов, из которых 18 являются моносемичными.

Согласно толковым словарям, однозначные прилагательные с суффиксом *-ат-* реализуют следующие значения: 1) 'сделанный из...' (*черепитчатая крыша, тесёмчатые украшения, китайчатый халат*), 2) 'похожий на что...' (*губчатая масса, дудчатый стебель*), 3) 'видом напоминающий что...' (*булавчатые гвозди*), 4) 'снабжённый чем...' (*плёнчатые чешиу, мутовчатое расположение листьев*); 5) 'покрытый чем...' (*бородавчатые бока животного, ворсинчатая оболочка плода у млекопитающих*), 6) 'имеющий вид чего...' (*скобчатая резьба, тарельчатый диск*), 7) 'вышитый чем...' (*петельчатый узор*), 8) 'в виде чего...' (*таблитчатые клетки*),

9) 'имеющий что...' (каёмчатый платок, ресничатый алоэ, ячейчатый шкаф, сумчатый крот, метельчатые злаки); 10) 'имеющий рисунок в виде...' (глазчатый фазан, клетчатый платок).

Следующие моносемичные прилагательные имеют в своём составе сему подобия: *зубчатый, дудчатый, булавчатый, копейчатый, скобчатый, тарельчатый, мутовчатый, глазчатый.*

У многозначных адъективов были выявлены следующие семные структуры значений:

- 1) покрытый чем... (рубчатая кожа);
- 2) 'имеющий что...' (рубчатые колёса);
- 3) 'сделанный из...' ('клеёнчатый плац');
- 4) 'похожий на что...' (пальчатые листья);
- 5) 'снабжённый тем, что напоминает...' (пальчатый культиватор);
- 6) 'сделанный в виде чего...' (шишчатый узор);
- 7) 'представляющий собой что...' (трубчатый сифон для раковины);
- 8) 'имеющий форму чего...' (трубчатые макаронные изделия);
- 9) 'сделанный в...' (складчатая юбка);
- 10) 'образованный в виде...' (складчатые горы (геол.));
- 11) 'снабжённый чем...' (решётчатые окна);
- 12) 'видом напоминающий что...' (решётчатый остов колонны здания);
- 13) 'приготовленный из...' (крупчатая булка);
- 14) 'состоящий из...' (крупчатый снег);
- 15) 'подобный чему...' (крупчатые опилки).

Сравнение семантической структуры моно- и полисемичных имён прилагательных показало, что в классе полисемичных адъективов выделяется больше семных структур (10 разновидностей семных структур в моносемичных производных и 15 – в полисемичных дериватах). Количество совпавших семных структур незначительно. В обоих классах производных зафиксировано совпадение в значении 'видом напоминающий что...', 'снабжённый чем...', 'имеющий что...', 'сделанный из...'. В словарных толкованиях адъективов были вычленены интегральные семы,

которые сочетаются с различными дифференциальными семами, ср.: ‘имеющий *что...*’, ‘имеющий *вид чего...*’ и ‘имеющий *форму чего...*’. Дифференциальные семы могут быть вербализованы различными предлогами, ср.: ‘сделанный *из...*’ и ‘сделанный *в...*’ и ‘сделанный *в виде чего...*’.

Многозначные прилагательные с суффиксом **-ат-** комбинируют следующие значения:

- ‘покрытый *чем...*’, ‘имеющий *что...*’ – *рубчатый* (кожа, рукоять нагана);
- ‘сделанный *из чего...*’, ‘покрытый *чем...*’ – *клеёнчатый* (плащ, диван);
- ‘имеющий *что...*’, ‘покрытый *чем...*’ – *веснушчатый* (мальчик, лицо);
- ‘похожий *на что...*’, ‘снабжённый *тем, что напоминает...*’ – *пальчатый* (трава, культиватор);
- ‘сделанный *из чего...*’, ‘сделанный *в виде чего...*’ – *шишчатый* (дракон, узор);
- ‘сделанный *из...*’, ‘представляющий собой *что...*’, ‘имеющий *форму чего...*’ – *трубчатый* (батарея, сифон для раковины, макаронные изделия);
- ‘сделанный *в...*’, ‘имеющий *что...*’, ‘образованный *чем...*’ – *складчатый* (юбка, лицо, горы (*геол.*));
- ‘снабжённый *чем...*’, ‘представляющий собой *что...*’, ‘*видом напоминающий что...*’ – *решётчатый* (окна, забор, остов колонны здания);
- ‘приготовленный *из...*’, ‘состоящий *из...*’, ‘подобный *чему...*’ – *крупичатый* (булка, снег, опилки).

Таким образом, адъективы с суффиксом **-ат-** развивают следующие значения:

- а) общие – ‘соотносящийся *по...*’, ‘состоящий *из чего...*’;
- б) конкретизирующие общие значения – ‘имеющий *что*’, ‘снабжённый *чем...*’, ‘сделанный *из...*’, ‘покрытый *чем...*’, ‘приготовленный *из чего...*’, ‘вышитый *чем...*’, ‘состоящий *из...*’, ‘представляющий собой *что...*’, ‘сделанный *в...*’, ‘образованный *чем...*’, ‘характеризующийся *чем...*’;
- в) значение подобия – ‘имеющий *вид чего...*’, ‘похожий *на что...*’, ‘*видом / цветом / формой* напоминающий *что...*’, ‘похожий *по форме*’, ‘подобный *чему...*’;
- г) общие и конкретизирующие значения или комбинируют вышеназванные и значение подобия, например: ‘сделанный *в виде чего...*’, ‘имеющий *рисунок в виде...*’.

Как показал материал, суффикс *-ат-* реализует значение подобия в сочетании с семью основами в следующих полисемичных прилагательных: *пальчатый*, *трубчатый*, *метельчатый*, *шишичатый*, *решётчатый*, *сумчатый* и *тесёмчатый*.

Значение подобия в прилагательных может осложняться дополнительными семами, например, компонентами ‘снабжённый’, ‘сделанный’, ‘состоящий’. Ср.: *копейчатый* ‘состоящий из похожих на копьё прутьев’ (*копейчатая решётка*), *шишичатый* ‘сделанный в виде шишек’ (*шишичатый узор*) и др.

Часть прилагательных рассматриваемой словообразовательной модели входит в состав терминологических наименований и занимает постпозицию по отношению к определяемому имени: *андрографис метельчатый*, *древогубец метельчатый*, *амарант метельчатый*, *талинум метельчатый*, *кладофоропсис плёнчатый*, *паутичник плёнчатый*, *сыть плёнчатая* и др.

Семантика подобия передаётся в русском языке при помощи различных языковых средств, одним из которых являются форманты *-видный*, *-образный*, *подобный* [16].

Как показал фактический материал, суффикс *-ат* реализует значение подобия в сочетании с 14 основами. Было сформировано 10 четырёхчленных деривационных парадигм, в которых наблюдается совпадение приадективных актантов. В четырёх парадигмах с основами *мутовк-а*, *копейк-а*, *булавк-а*, *тесёмк-а* не наблюдалось совпадения приадективных актантов.

Совпадение приадективных актантов выявлено в парадигмах с основами *шишик-а*, *губк-а*, *метёлк-а*, *трубк-а*, *дудк-а*, *решётк-а*, *глазок-*, *палец-*, *скобк-а*, *сумк-а*.

Деривационная парадигма с основой шшишк-/шишич-

шишичатый ‘сделанный из шишек; в виде шишек’ (бутон, головка, дракоша, колени, накладка, **нарост** (‘галл’), **образование** (в шейке матки), поверхность, узор);

шишикообразный (бородавка, бубон, **бугорок**, вал, вена, вершина (гор), вздутие, вид, возвышение, воспаление (века), выпячивание (десны), вырост, **выступ**, **галл**, геморрой, голова, горошина, гребень, гроздь, думонтия ‘гриб’, затвердение (на теле), зуб, камень, колосок, комок, корень, корзинка, корневище, купол, листовка, лоб, **мухомор**, набалдашник, **нарост** (на лбу), **новообразование** (в яичках), ноготь,

нос, образование (под кожей), опухоль, отросток, папула ‘кожное новообразование’, пеллецифора ‘кактус’, перстень, **плод**, припухлость, **прыщ**, пузырь, рисунок, **семянка**, скала, соплодие, **соцветие**, стробилы ‘побеги’, узелок, уплотнение (в груди), **утолщение** (на конце пастушьей палки), **форма** (железы), фрукт, холм, цветок, цветоложе, шлем, энцефалокарпус ‘кактус’, ягода);

шишковидный (железа, карман ‘выпячивание верхней стенки желудочка головного мозга’, **мухомор**, лишай, **нарост, образование** (на железе головного мозга), остролодочник ‘травянистое растение’, пеллецифора ‘кактус’, тело);

шишкоподобный (**бугорок**, выпуклость, выпячивание (костей), **выступ, галл** ‘нарост на дереве’, груздь, деталь, затылок, киста (железы), корневище, многолистровка ‘плод’, **нарост** (на дереве), **новообразование** (на десне), **нос, образование** (в области пальцев ног), паз, палочка, **плод**, почка, **прыщ**, родинка, **семянка**, собрание (цветков), соплодие, **соцветие**, стебель, структура, **утолщение, форма** (новообразований на шее), холм, элемент).

В данной парадигме выявлено совпадение приадективных актантов у четырёх производных и у двух противочленов:

• *шишчатый* – *шишкообразный* – *шишковидный* – *шишкоподобный* (**образование, нарост**).

Охарактеризуем совпавшие актанты, которые по структуре являются производными словами. Субстантив «образование» употребляется в значении ‘то, что образовалось, создано в результате какого-л. процесса’ [20, II, с. 560], «нарост» имеет значение ‘слой какого-л. вещества, образование, наростшее, наслоившееся на поверхности чего-л.’ [20, II, с. 389]. Лексические значения имён относятся к конструктивно ограниченным, они неотделимы «от строго определённых форм сочетаемости этих слов с другими словами» [5, с. 186]. В контексте конструкции распространяются предложно-падежными сочетаниями со значением места: ср.: *шишчатое образование в шейке матки, шихковидное образование на железе головного мозга, шихкоподобное образование в области пальцев ног, шихкообразное образование под кожей*.

По десяти актантов совпало в противочленах • *шишкообразный* – *шишкоподобный* (*бугорок, выступ, галл, новообразование, нос, плод, прыщ, семянка, соцветие, утолщение, форма*) и один актант является общим в противочленах • *шишковидный* – *шишкообразный* (*мухомор*).

Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные актанты принадлежат к сложным словам. Субстантив «новообразование» имеет общий опорный компонент с совпавшим у четырёх противочленов актантом. Композит «мухомор» сочетается с адъективами *шишковидный* и *шишкообразный*, в результате появляются дублетные терминологические сочетания со значением ‘такой, на шляпке у которого есть образования, похожие на шишки’. С учётом полипропозициональной структуры словарная формулировка имеет следующий вид: «X имеет Y; Y подобен Z по A». Таким образом, в словарной дефиниции содержатся скрытые логико-семантические отношения между предметами реального мира, среди которых существует и подобие. На этот аспект дефиниций обращал внимание Ю. Н. Караулов [9, с. 307]. А З. И. Резанова пришла к выводу о «наличии в системе русского именного словообразования типовых моделей пропозитивного свёртывания» [18, с. 131]: «Основную пропозицию организует предикат обладания, зависимая предикация метафорического типа сама имеет сложную смысловую, полипропозициональную структуру: X имеет Y; Y подобен Z по A; или: (X имеет [Y] подобен Z по A). К этой группе относим: *пуговочник* ‘пижма’, *стеклянная* ‘бабочка’, *ланцетник* ‘животное, хвостовой плавник которого похож на ланцет’...» [18, с. 132]. Проанализированные сочетания *шишковидный* / *шишкообразный мухомор* позволяют предположить, что «типичные модели пропозитивного свёртывания» могут проявляться и в адъективном словообразовании.

Деривационная парадигма с основой губк-/губч-

губчатый ‘похожий на губку’ (бисквит, вещество (кости), волокно, **гриб**, ёршик (для чистки детских бутылочек), железо, кисть, коврик, коралл, кость (человека), ластик, лёд, **материал**, нарост, насадка (для швабры), пластырь, платина, поверхность (инструмента), поверхность (шляпки гриба), повязка, почка (мед.),

прокладка, резина, ролик, салфетка, свинец, слой, структура (матрицы), тело (мочеиспускательного канала), тёрка (для штукатурки), техпластина, титан, **ткань** (листа), уплотнитель (двери), **фильтр** (для пылесоса), **энцефалит** ‘воспаление головного мозга’, **энцефалопатия** ‘поражение мозговой ткани’);

губкообразный (вид, **гель**, **каркас**, клетка, кусок (сырной массы), **материал**, наполнитель, **орган**, осадок, отёк, панир ‘сыр’, полимер, стусток (в молоке), **ткань** (полового органа), углерод, **фильтр**, флакон, **энцефалопатия** ‘поражение мозговой ткани’);

губковидный (**гель**, **гриб**, кортекс ‘периферическая зона клетки’, **материал**, панцирь, трутовик ‘гриб’, узел, **энцефалит**, **энцефалопатия**);

губкоподобный (агрегат, вид (опухоли), **гель**, **каркас**, лабеллум ‘часть околоцветника’, **материал**, **орган**, пласт, полимер, сом, спонж, **энцефалопатия**).

В данной парадигме выявлено следующее совпадение актантов:

● *губчатый – губкообразный – губковидный – губкоподобный (энцефалопатия, материал)*;

● *губкообразный – губковидный – губкоподобный (гель)*;

● *губчатый – губковидный (гриб, энцефалит)*;

● *губчатый – губкообразный (ткань, фильтр)*;

● *губкообразный – губкоподобный (каркас, орган)*.

Деривационная парадигма с основой метёлк-/метельч-

Слово «метёлка» употребляется во втором значении ‘соцветие некоторых растений, напоминающее формой метлу’ [20, II, с. 260] и является ботаническим термином. Терминологическая закреплённость лексической единицы определяет узкую сочетаемость адъективов, их непересекаемость в границах парадигмы:

метельчатый ‘напоминающий по виду метёлку’ (амарант ‘растение’, андрографис ‘растение’, гортензия ‘цветок’, **соцветие**, флокс ‘цветок’);

метёлкообразный (ветви (берёз), концы (нитей в трасологии), крона (дерева), **соцветие**);

метёлковидный (завиток, кустарник, полынь, **соцветие**, форма (цветка));

метёлкоподобный (мутовки, **соцветие**, щитки (цветков)).

Как видно из представленных сочетаемостных рядов, у производных совпал только один актант:

● *метельчатый – метелкообразный – метелковидный – метелкоподобный (соцветие).*

Совпавший актант синтагматически закрепляет один из семантических признаков, выделяемых в структуре мотивирующего субстантива, – сему ‘соцветие’.

*Деривационная парадигма с основой **трубка-/трубч-***

трубчатый ‘имеющий форму трубки’ (анкер, аппарат, бинт, водосброс, гриб, двигатель, дренаж, ключ, колодец, конвейер, конденсатор, конструкция, кости (человека), лёд, леса (для строительства), лилия, лишай, матрас, молот, нарцисс, насос, нож, отстойник, пастеризатор, перхоть, печь, прибор, путь, радиатор, разрядник, реактор, стебель, строение (почвы), струевыпрямитель, теплообменник, тип (нервной системы), **форма** (молочных желез), хомут (глушителя), цветок, червь, шпунт, электронагреватель);

трубкообразный (**кишечник**, ключ, обломок (НЛО), **орган**, проросток, язва);

трубковидный (венчик, ветвь (кишечника), вороночник ‘гриб’, выступ, домик, канал, канареечник ‘растение’, кантарелл ‘бубенец’, **кишечник**, корпус (трости), лисичка ‘гриб’, лист, ноготь, **орган**, отдел (железы), отросток, пищевод, радиатор, рот, рябчик ‘цветок’, шип, шпорец ‘вырост лепестка цветка’);

трубкоподобный (вид (структуры), **кишечник**, образование, **орган**, полость, поток, сердце, сигара, ствол, структура, фильтр, **форма** (обломков НЛО).

Совпадение приадективных актантов наблюдается только в композитах:

● *трубковидный – трубкообразный – трубкоподобный (кишечник, орган).*

У прилагательных «трубчатый» и «трубкоподобный» совпал актант «форма» в значении ‘внешние очертания, наружный вид предмета’ [20, IV, с. 575]. Признак ‘форма’ имеет неограниченный список денотатов, поэтому в конситуации адективы реализуют конструктивно ограниченный тип лексического значения: распространяются уточнителями в родит. падеже: *трубчатая форма молочных желез, трубкоподобная форма обломков НЛО.*

Деривационная парадигма с основой дудк-/дудч-

дудчатый ‘похожий на дудку’ (асфоделлюс ‘растение’, **лист**, лук, монарда ‘растение’, омежник ‘растение’, **рогатик** ‘гриб’, **стебель**, толстянка ‘суккулент’);

дудкообразный (гудок, девайс ‘устройство’, деталь, **инструмент**, кустарник, **лист**, морда, нос, **стебель**, стручок, тембр, шаркунец ‘бубенец’),

дудковидный (гриб, макротифула ‘гриб’, растение, **рогатик** ‘гриб’);

дудкоподобный (звук, **инструмент**, мелодия, устройство).

В данной парадигме выявлено совпадение актантов в трёх противочленах:

- *дудчатый* – *дудкообразный* (**лист**, **стебель**);
- *дудчатый* – *дудковидный* (**рогатик**);
- *дудкообразный* – *дудкоподобный* (**инструмент**).

Деривационная парадигма с основой решётк-/решётч-

решётчатый ‘имеющий вид решётки, напоминающий решётку’ (апоногетон ‘растение’, **гериций** ‘гриб’, дверь, дегенерация ‘истончение сетчатки на периферической её части’, диаграмма, дистрофия (роговицы), дно, жёлоб, забор, кирпич, коврик, **конструкция**, кость (мозгового отдела человека), лабиринт, надрез, настил, обои, ограждение, окно, опора, отросток, панель, **пластинка**, полка, потолок, приступок, прогон, пяденица ‘бабочка’, снегозадержатель, стеллаж, тарелка, ящик);

решёткообразный (аппликация, каркас, **конструкция**, перегородка, **пластинка**, пластырь, тейп ‘эластичная лента из хлопка’, углубление (крепёжных щитов), **форма** (тейпов ‘эластичная лента’));

решётковидный (**гериций**, оформление (части тела), плодовые тела, **рант** ‘узкая полоска кожи по краям обуви со швом’, сеть, **слой**, сплетение, стенка, **структура** (из оконных баров), узор, **форма**, часть (подошвы), чешуя, элемент);

решёткоподобный (агрегат, дверь, включение, изделие, **конструкция**, отверстие, **рант**, **слой** (гидратации), ткань (радужной оболочки), **структура** (листа), электрод).

В данной парадигме совпали следующие актанты:

- *решётчатый* – *решёткообразный* – *решёткоподобный* (**конструкция**);
- *решётчатый* – *решётковидный* (**гериций**);

- *решётчатый* – решёткообразный (*пластинка*);
- *решётковидный* – решёткообразный (*форма*);
- *решётковидный* – решёткоподобный (*рант, слой, структура*).

Деривационная парадигма с основой глазк-/глазч-

глазчатый ‘похожий на глазок’ (астронотус ‘рыбка’, бражник ‘бабочка’, индейка, индюк, лампрологус ‘рыбка’, макрогнатус ‘рыбка’, нотоптер ‘рыбка’, скат, трагопан ‘птица’, халцид ‘ящерица’, хвостокол ‘скат’);

глазкоподобный (коллибия ‘гриб’, **пятна** (на крыльях бабочки));

глазкообразный (буковка, включение, грейфер ‘грузозахватное приспособление’, камера, продукт, **пятно** (на хвосте индейки));

глазковидный (биатора ‘лишайник’, бугорок, глаз, кораллы, лецидея ‘лишайник’, **пятна** (на стебле), форма (пятнышек на листьях)).

Выявлено совпадение одного актанта в трёхчленном звене парадигмы:

- *глазкоподобный* – *глазкообразный* – *глазковидный* (**пятно**).

Субстантив «пятно» употребляется в значении ‘часть какой-л. поверхности, выделяющаяся по цвету, тону, освещению’ [20, III, с. 574]. Семантические признаки ‘какая-л. поверхность’, выделяемые в словарной дефиниции лексической единицы, свидетельствуют о неограниченной сфере референтной приложимости лексемы, а конситуация выявляет рационалистическую и эстетическую оценку объекта [2]. Например, конструкция «глазковидные пятна на стебле растения» передаёт нормативную оценку (здоровый / больной), поскольку «глазковидные пятна» являются показателем болезни растения. Конструкция «глазкоподобные пятна на нижней стороне крыльев у червонца непарного, или щавелевого» включает эстетическую оценку («красивый») объекта.

Деривационная парадигма с основой скобк-/скобч-

скобчатый ‘напоминающий скобку’ (амортизатор, аппликатор, порезка (лунок), разновидность (резьбы), резьба, сооружение (для погребения));

скобковидный (вырост, желобок, зигзаг, корпус (электролобзика), край (губы), линии в ёлочку, наколы (на орнаменте), **ноготь**, орнамент, пластины, бронзовые

предметы, пятно (на крыльях), **рукоятка**, **ручка**, углубление (на орнаменте), **форма** (кресал), **ходы** (в древесине), штамп);

скобкообразный (вдавление, венчик, вертлюжок ‘элемент оснастки’, вмятина, выгрыз, вырез, деталь (корпуса), дом, конструкция, линия, нога, **ноготь**, обойма, окостенение (мышцы), переходник, полка, разрастание, разрез, рубец, рукав, **рукоятка**, струбцина ‘инструмент для фиксации деталей’, тень, фигура, **форма**, **ходы**, шов, ямка);

скобкоподобный (бровь, кюретка ‘хирургическая ложка’, огрызок, положение, радиатор, **ручка**, символы, структура).

В данной парадигме выявлено следующее совпадение актантов:

- *скобковидный* – *скобкообразный* (**ноготь**, **рукоятка**, **форма**, **ходы**);
- *скобковидный* – *скобкоподобный* (**ручка**).

Деривационная парадигма с основой сумк-/сумч-

сумчатый ‘имеющий то, что напоминает сумку; похожий на сумку’ (барсук, белка, волк, дьявол, животное, зверёк, кенгуру, кошка, крот, куница, лев, летяга, медведь, муравьед, мышь, птица, тигр, тушканчик);

сумкообразный (баул, вдавливание (эпидермиса), впадина (на животе), вырост, выступ, зуб, клапан, **клетка**, колт ‘украшение’, корпус (рюкзака), кусок гипса, **мешок**, оболочка, обтекатель, **орган**, полость (пчелы), рюкзак, **тело**, тяга, часть (пищеварительного тракта));

сумковидный (нарост, невод, оболочка, **образование** (в теле гриба), **орган**, парамеция ‘инфузория’, полость, разрастание, розетка, сегмент (тела), створка, туфелька, щель);

сумкоподобный (аксессуар, жилище (муравьёв), изделие, **клетка**, кофра ‘чемодан’, **мешок**, ноутбук, **образование** (у человека), объект, переноска, полость (на брюшке пчёл), просвет, рукав, **тело**).

В данной парадигме выявлено следующее совпадение приадективных актантов:

- *сумкообразный* – *сумковидный* (**орган**);
- *сумкообразный* – *сумкоподобный* (**клетка**, **мешок**, **тело**).
- *сумковидный* – *сумкоподобный* (**образование**).

Деривационная парадигма с основой тарелк-/тарельч-

тарельчатый 'имеющий вид тарелки' (массообменный **аппарат**, самогонный **аппарат**, аэратор, бетоносмеситель, гранулятор, держатель, **диск**, дозатор, дюбель, затвор, клапан, колонна, круг, **лист**, нож, питатель, пружина, саморез, смеситель бетона, станок, толкатель, **форма** (чаши унитаза), шайба, **элемент** (для фиксации материалов));

тарелкообразный (перегонный **аппарат**, летательный **аппарат**, барабан, батут, бугель 'подъёмник', глаз, **диск**, дюбель, изолятор, компрессор, **корабль**, кратер вулкана, купол, лепёшка, **лист** (лианы), лоток, манжет, **НЛО**, облик, объект, очаг, плафон, прибор, профиль, раструб 'расширение', резервуар-баллон, самолёт, **соцветие**, тип (наконечника), уступ, **форма** (двигателя), шар, шлем, цветки, **элемент** (пластины));

тарелковидный (абажур, антенна, **аппарат** (летательный), венчик, грузик, жертвенник 'стол', звездолёт, корпус, **лист**, локатор, патиссон, присоски, расширение верхушки завязи, ресторан, решето, **форма** (цветка), цилиндр, экран, **элемент** (материнского плата), эониум 'растение').

тарелкоподобный (атлетический снаряд, впадина (лопатки), **диск**, летательный **аппарат**, лещ, **лист**, **НЛО**, облака, объект, **соцветие**, **форма** (луковиц гладиолусов), частицы).

В данной парадигме совпали следующие приадективные актанты:

● *тарельчатый* – *тарелкообразный* – *тарелковидный* – *тарелкоподобный* (**аппарат**, **лист**, **форма**). Совпавшие актанты имеют общее, не конкретизированное значение, которое можно классифицировать как родовое; ср.: «аппарат 1» 'прибор, механическое устройство для выполнения какой-л. определённой работы' [20, I, с. 42] (*телефонный а., аппарат для сварки, а также космический а., летательный а.*); «лист 1» 'тонкая зелёная пластинка различной формы на черенке' [20, II, с. 187] (*круглая, овальная, ромбовидная ф. листьев*); «форма 1» 'внешние очертания, наружный вид предмета' [20, IV, с. 575] (*листья перистой ф., пружина зигзагообразной ф.*). Конкретизация актанта сопровождается усложнением конструкции за счёт адективных и субстантивных распространителей:

тарельчатый массообменный **аппарат**, тарелкообразный / тарелковидный летательный **аппарат**; тарельчатый **форма** чаши унитаза, тарелкоподобный **форма** луковиц гладиолусов; тарелковидная **форма** цветочков спирея голдмаунда; тарелкообразная **форма** движителя.

- тарельчатый – тарелкообразный – тарелкоподобный (**диск**);
- тарельчатый – тарелкообразный – тарелковидный (**элемент**).

Субстантив «элемент 4//» определяется как ‘спец. Деталь какого-л. сооружения, устройства, механизма’ [20, IV, с. 758] и в составе синтаксической конструкции распространяется уточнителем в родит. падеже: *тарельчатый элемент* для фиксации материалов; *тарелкообразный элемент* пластины; *тарелковидный элемент* материнского плата.

- тарелкообразный – тарелкоподобный (**НЛО, соцветие**).

Деривационная парадигма с основой пальц-/пальч-

пальчатый ‘похожий по форме на палец’ (жилкование (листа), ипомея ‘лиана’, клён, **лист**, ужовник ‘папоротник’, фибула ‘металлическая застёжка для одежды’, цитрон ‘кустарник’, шеффлера ‘дерево’);

пальцевидный (батат ‘корнеплод’, белок, бородавка, вдавление извилин, ветвь, **вырост**, дерматит, долото, железа, замещение, коралл, культиватор ‘сельскохозяйственная машина для обработки почвы’, лайм, **лист**, отёк мозга, парапсориаз, патиссон, пропашник ‘орудие для разрыхления почвы’, рашпиль ‘напильник’, сенсилла ‘видоизмененный участок покровов тела’, соединение, стебель, фрукт, шар);

пальцеобразный (бороздка, **вырост**, выступ, гайка, зона (дентина), конец тела, **лист**, **отросток**, придаток (кишки), провар, продукт, разрастание, сегмент, сито, скала, стилус ‘ручка с силиконовым наконечником’, структура, **форма**, холодильник, шов, электрод, элемент);

пальцеподобный (А-домен, F-домен, образования (на плавниках), **отростки**, поры (волокна), **форма** (ягод винограда)).

В данной парадигме выявлено следующее совпадение актантов:

- *пальчатый* – *пальцевидный* – *пальцеобразный* (**лист**);

- *пальцевидный* – *пальцеобразный* (*вырост*);
- *пальцеобразный* – *пальцеподобный* (*отросток, форма*).

ВЫВОДЫ

Таким образом, прилагательные с суффиксом *-ат-*, реализующие категорию подобия, составляют с однокоренными композитами на *-видный, -образный, подобный* 14 четырёхчленных парадигм.

Производные каждой модели имеют различную сочетаемость. Узкую сочетаемость реализуют адъективы, образованные от основ *шишк-(а), метёлк-(а), дудк-(а), глазок-, скобк-(а)*. Широкую сочетаемость развивают адъективы, образованные от основ *зубк-(а), решётк-(а), тарелк-(а), трубк-(а)*.

Количество совпадающих приадъективных актантов наблюдается у четырёх членов парадигмы с основами *шишк-/шишч-, зубк-/зубч-, метёлк-/метельч-, тарелк-/тарелч-* и сводится максимум к двум (исключение составляет парадигма с основой *тарельч-*), что свидетельствует о минимальной степени дублетности, существующей между однокоренными производными.

У трёх членов парадигмы с основами *трубк-/трубч-, решётк-/решётч-, глазк-/глазч-, тарелк-/тарелч-, палец-/пальч-* совпадает в основном по одному актанту.

Совпадение актантов было зафиксировано в двадцати одной оппозиции, состоящей из производных с различной комбинацией формантов:

- ат-* : *-видный* (3 оппозиции),
- ат-* : *-образный* (3 оппозиции),
- ат-* : *подобный* (1 оппозиция),
- видный* : *-образный* (5 оппозиций),
- видный* : *подобный* (3 оппозиции),
- образный* : *подобный* (6 оппозиций).

Разброс совпадающих актантов различен: два общих актанта выделены в следующих оппозициях:

- *дудчатый* – *дудкообразный*,
- *зубчатый* – *зубковидный*,

● *губчатый* – *губкообразный*,

● *губкообразный* – *губкоподобный*,

● *пальцеобразный* – *пальцеподобный*;

три общих актанта наблюдается в оппозициях

● *сумкообразный* – *сумкоподобный*,

● *решётковидный* – *решёткоподобный*;

четыре общих актанта зафиксировано в оппозиции ● *скобковидный* – *скобкообразный*; десять общих актантов выделены в оппозиции ● *шишкообразный* – *шишкоподобный*.

Однако у половины от общего количества зафиксированных адъективных оппозиций наблюдается совпадение по одному актанту. Наиболее частотными совпадающими актантами являются лексические единицы «лист», «нарост», «образование», «орган», «конструкция», «материал», «структура», «форма», «элемент», значения которых соотносятся с неограниченной сферой референтной приложимости лексем. Этот факт обуславливает способность адъективов передавать различные семантические нюансы, что объясняет существование в языке разнообразных словообразовательных средств для выражения семантики подобия в адъективной лексике и приводит к обоснованию тезиса о том, что совпадение актантов не всегда сопровождается дублетностью производных.

Список литературы

1. Адливанкин, С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке [Текст] / С. Ю. Адливанкин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт : монография [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Тождество или подобие? [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1981. – М. : Наука, 1983. – С. 3–22.

4. Борисова, Е. Н. Проблемы становления и развития словарного состава русского языка конца XVI–XVIII вв. : дис. д-ра филол. наук [Текст] / Е. Н. Борисова. – Смоленск, 1978. – 441 с.
5. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 162–191.
6. Джафаров, М. М. Очерки по истории русского словосложения : монография [Текст] / М. М. Джафаров. – Баку : Mütərcim, 2009. – 243 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
8. Кайдалова, А. И. К вопросу о грамматических особенностях сложных прилагательных [Текст] / А. И. Кайдалова // Вестник Московского университета. – № 5. – 1963. – С. 48–58.
9. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка : монография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 367 с.
10. Карпіловська, Є. А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексику: регулятори рівноваги [Текст] / Є. А. Карпіловська // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту : зб. наук. пр., присвяч. ювілею Загнітка А. П. – Донецьк : ДонГУ, 2004. – С. 122–132.
11. Котлярова, Е. Н. Относительные прилагательные русского языка в семантико-деривационном и функциональном аспектах [Текст] / Е. Н. Котлярова, С. В. Крюкова, Г. М. Шипицына. – Белгород : Изд-во Белг. гос. университета, 2003. – 252 с.
12. Лапшина, О. А. Семантическая категория подобия в современном русском языке [Текст] / О. А. Лапшина // Русская филология. Украинский вестник. – № 2 (39). – Харьков, 2009. – С. 18–21.
13. Обратный словарь русского языка [Текст]. – М. : Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.

14. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии : монография [Текст] / В. М. Огольцев. – Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1978. – 160 с.
15. Петров, А. В. Корреляция простых по структуре адъективов с однокоренными композитами на *-видный, -образный, подобный* [Текст] / А. В. Петров // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. – Симферополь, 2018. – № 2. – С. 35–41.
16. Петров, А. В. Семантические поля в идеографическом моделировании русского лексикона : автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филологических наук : специальность 10.02.02 «Русский язык» [Текст] / А. В. Петров. – Киев, 2013. – 40 с.
17. Прокопец, А. П. Сложные имена прилагательные с опорным компонентом *-видный* [Текст] / А. П. Прокопец // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2006. – Том 19 (58), № 4. – С. 163–169.
18. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования : монография [Текст] / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 218 с.
19. Ряшенцев, К. Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке [Текст] / К. Л. Ряшенцев. – Орджоникидзе : Изд-во СОГУ, 1976. – 285 с.
20. Словарь русского языка : в 4-х т. [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984.
21. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. [Текст] / под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
22. Устименко, И. А. Ономаσιологический класс сходства и подобия и его роль в ходе словопроизводственного процесса имён прилагательных [Текст] / И. А. Устименко // Научные труды Курского госпединститута. – Т. 62 (155). – Проблемы ономаσιологии. – Курск, 1976. – С. 119–126.
23. Харитончик, З. А. О рефлексии лексических значений компонентов в семантике аффиксальных производных [Текст] / З. А. Харитончик // Очерки о языке : избранные труды. – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 266–280.

24. Чепурина, И. В. Контаминированные производные в спонтанной речи жителей Крыма [Текст] / И. В. Чепурина // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2017. – Том 1 (69), № 2. – С. 118–134.
25. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка : монография [Текст] / А. Н. Шрамм. – Л. : ЛГУ, 1979. – 134 с.
26. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

References

1. Adlivankin S. J. *Iz Istorii Prilagatel'nykh Podobiya v Russkom Yazyke* [From the History of Russian Adjectives with the Meaning Similar]. *Problemy Struktury Slova i Predlozheniya*, Perm', 1974, pp.88–93.
2. Arutyunova N. D. *Tipy Yazykovykh Znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt: Monografiya* [Types of Linguistic Meanings. Assessment. Event. Fact. Monograph]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 341 p.
3. Arutyunova N. D. *Tozhdestvo ili Podobie?* [Identity or Similarity?]. *Problemy Strukturnoi Lingvistiki. 1981*, Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 3–22.
4. Borisova E. N. *Problemy Stanovleniya i Razvitiya Slovarnogo Sostava Russkogo Yazyka Kontsa XVI–XVIII vv.: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Problems of Formation and Development of the Vocabulary of the Russian Language of the Late 16th – 18th Centuries. Thesis]. Smolensk, 1978. 441 p.
5. Vinogradov V. V. *Osnovnye Tipy Leksicheskikh Znachenii Slova* [The Main Types of Lexical Meanings of the Word]. *Leksikologiya i Leksikografiya. Izbrannye Trudy*. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 162–191.
6. Dzhafarov M. M. *Ocherki po Istorii Russkogo Slovoslozheniya: Monografiya* [Essays on the History of Russian Word-Formation. Monograph]. Baku: Mütərcim Publ., 2009. 243 p.

7. Efremova T. F. *Novyi Slovar' Russkogo Yazyka. Tolkovo-Slovoobrazovatel'nyi: v 2-h Tomakh* [The New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and Derivational. In 2 Volumes]. Moscow: Russkii Yazyk, 2000.
8. Kaydalova A. I. *K Voprosu o Grammaticheskikh Osobennostyakh Slozhnykh Prilagatel'nykh* [To the Question of Grammatical Features of Complex Adjectives]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 1963, no 5, pp. 48–58.
9. Karaulov Ju. N. *Lingvisticheskoe Konstruirovanie i Tezaurus Literaturnogo Yazika: Monografiya* [Linguistic Formation and the Thesaurus of the Literary Language. Monograph]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 367 p.
10. Karpilovs'ka Ye. A. *Konkuruvannyya Variantnikh Nominatsii Yak Viyav Tendentsii Rozvitku Leksikonu: Regulyatori Rivnovagi* [Varied Nominations Competing as the Example of the Tendency towards the Development of the Vocabulary. Regulators of the Balance]. *Funktsional'no-Komunikativni Aspekti Gramatiki i Tekstu: Zbirnik Naukovikh Prats', Prisyachennikh Yuvileyu Zagnitka A. P.*, Donetsk: DonGU Publ., 2004, pp. 122–132.
11. Kotlyarova E. N. *Otnositel'nye Prilagatel'nye Russkogo Yazyka V Semantiko-Derivatsionnom i Funktsional'nom Aspektakh* [Relative Adjectives of the Russian Language in the Semantic-Derivational and Functional Aspects]. Belgorod: Izdatelstvo Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2003. 252 p.
12. Lapshina O. A. *Semanticheskaya Kategoriya Podobiya v Sovremennom Russkom Yazyke* [Semantic Category of Similarity in Modern Russian]. *Russkaya Filologiya. Ukrainskii Vestnik*, Khar'kov, 2009, no 2 (39), pp. 18–21.
13. *Obratnyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Reverse Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1974. 944 p.
14. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivyye Sravneniya v Sisteme Russkoi Frazeologii: Monografiya* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology. Monograph]. L.: Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta, 1978. 160 p.
15. Petrov A. V. *Korrelyatsiya Prostykh po Strukture Ad'ektivov s Odnokorennymi Kompozitami na -Vidnyi, -Obraznyi, Podobnyi* [Correlation of Structurally Simple Adjectives with Single-Root Composites Ended with -Видный, -Образный,

-
- Подобный]. *Uchenye Zapiski Krymskogo. Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, Simferopol', 2018, no 2, pp. 35–41.
16. Petrov A. V. *Semanticheskie Polya v Ideograficheskom Modelirovanii Russkogo Leksikona: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Semantic Fields in the Ideographic Modeling of the Russian Vocabulary. Abstract of Thesis]. Kiev, 2013. 40 p.
  17. Prokopets A. P. *Slozhnye Imena Prilagatel'nye s Opornym Komponentom -Vidnyi* [Compound Adjectives with Supporting Component -Видный]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo*, Simferopol', 2006, Vol. 19 (58), no 4, pp. 163–169.
  18. Rezanova Z. I. *Funktional'nyi Aspekt Slovoobrazovaniya: Monografiya* [The Functional Aspect of Word-Formation. Monograph]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo Universiteta, 1996. 218 p.
  19. Ryashentsev K. L. *Slozhnye Slova i ikh Komponenty v Sovremennom Russkom Yazyke* [Compound Words and their Components in Modern Russian]. Ordzhonikidze: Izdatelstvo SOGU, 1976. 285 p.
  20. *Slovar' Russkogo Yazyka: v 4-kh Tomakh* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Volumes]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
  21. *Slovar' Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka: v 17-ti Tomakh*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 Volumes]. Ed. by V. I. Chernyshyova. Moscow, L.: Izdatelstvo AN SSSR, 1948–1965.
  22. Ustimenko I. A. *Onomasiologicheskii Klass Skhodstva i Podobiya i ego Rol' v Khode Slovoпроизводstvennogo Protsessa Imyon Prilagatel'nykh* [Onomasiological Class of Similarity and Semblance and its Role in the Process of Word-Formation of Adjectives]. *Nauchnye Trudy Kurskogo Gospedinstituta*. Vol. 62 (155). Problemy Onomasiologii. Kursk, 1976, pp. 119–126.
  23. Kharitonchik Z. A. *O Refleksii Leksicheskikh Znachenii Komponentov v Semantike Affiks'al'nykh Proizvodnykh* [On the Reflection of Lexical Meanings of Components in the Semantics of Affixal Derivatives]. *Ocherki o Yazyke. Izbrannye Trudy*. Minsk: MGLU Publ., 2004, pp. 266–280.

24. Chepurina I. V. *Kontaminirovannyye Proizvodnyye v Spontannoi Rechi Zhitelei Kryma* [Contaminated Derivatives in the Spontaneous Speech of the Residents of Crimea]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki, Simferopol'*, 2017, Vol. 1 (69), no 2, pp. 118–134.
25. Shramm A. N. *Ocherki po Semantike Kachestvennykh Prilagatel'nykh: na Materiale Sovremennogo Russkogo Yazyka: Monografiya* [Essays on the Semantics of Qualitative Adjectives. Based on the Modern Russian Language. Monograph]. L.: LGU Publ., 1979. 134 p.
26. Shcherba L. V. *Yazykovaya Sistema i Rechevaya Deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. L.: Nauka Publ., 1974. 428 p.

CORRELATION OF THE DERIVATIVES WITH COMPOSITES, DEVELOPING THE FEATURE OF SIMILARITY

Petrov A. V., Kulaeva E. E.

The article examines the semantic structure of simple adjectives with the suffix *-at-* (*-am-*) in their relationship with single-root composites visible, *-vidnij*, *-obraznij*, *podobnij* (*-видный*, *-образный*, *подобный*) developing the meaning of similarity. The card file of linguistic facts was compiled on the basis of the «Reverse Dictionary of the Russian Language», «The Dictionary of the Russian Language» in 4 volumes and the internet resources. Mono- and polysemic adjectives were selected with the suffix *-at-* (*-am-*), which is combined with 28 bases. Derivation paradigms are formed, which include adjectives with the suffix *-at-* (*-am-*) and single-root composites with suffixes of *-vidnij*, *-obraznij*, *podobnij* (*-видный*, *-образный*, *подобный*), integrable by one or another basis. Derivatives with the suffix *-at-* (*-am-*) comprise seven fourmembered paradigms with composites. Based on internet resources, in each derivational paradigm, compatible series of adjectives were formed, in which the number of adjective actors varies. The maximum number of lexical distributors was recorded in a paradigm with the basics of *tarelk-* (*тарелк-*) and *shishk-* (*шшшк-*). Name distributors are included in various thematic groups. The compatibility analysis of single-root lexical units is intended to reveal certain semantic nuances in the transmission of the attribute of an object and answer the question of whether adjective composites with a similarity value are doublets. Thus, the leading study is the valency analysis.

Keywords: adjectives with a similarity value, adjectives with the suffix *-am-*, composites for *-vidnij*, *-obraznij*, *podobnij* (*-видный*, *-образный*, *подобный*), the compatibility of the suffix *-am-* with different foundations, the derivational paradigm, the lexical compatibility of adjectives.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НАУЧНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Неелова О. И., Сегал Н. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: Natasha-segal@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу лингвокогнитивных особенностей политического дискурса в научных измерениях конца XX – начала XXI века. Проводится систематизация и структуризация положений, освещающих эволюцию термина «политический дискурс» и смежных понятий, в современных направлениях и научных европейских и отечественных школах политической лингвистики. Особенности развития термина «политический дискурс» связываются с историей и социально-политическими особенностями государств, а также широким спектром социополитических факторов. В работе выделяются и уточняются основные стратегии политического дискурса, его жанровое своеобразие, наиболее ценные публичные каналы доставки политического сообщения. Доказывается, что для понимания эксплицитной и имплицитной целевой направленности политических текстов и систематизации языковых манипулятивных механизмов необходим комплексный анализ речевых стратегий, реализующихся в специальных для каждой конкретной стратегии тактиках, которые, в свою очередь, состоят из конкретных речевых приемов. На основе интерпретации дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена в статье формулируется авторское понимание политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, политическая речь, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение и распространение новых лингвистических направлений, связанных с изучением ключевых средств категоризации мира, определяется закономерным смещением фокуса исследовательского внимания с системно-структурной парадигмы на парадигму антропоцентрическую, когнитивно-прагматическую. Одним из таких наиболее актуальных направлений в контексте современных гуманитарных наук, бесспорно, является исследование *политического дискурса*, который сегодня представляет собой одну из разновидностей дискурса,

имеющую в современном обществе свои цели, задачи и функции. *Целью* предлагаемой статьи является комплексный анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса в научных измерениях конца XX – начала XXI века.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Появление термина *политический дискурс* обусловлено значимостью исследований, направленных на отражение специфики когнитивного подхода к исследованию текстовых корпусов, и непосредственно связано с развитием термина «дискурс» (фр. discours, англ. discourse, от лат. diskursus «движение, круговорот; беседа, разговор»), который был введен в научный терминологический аппарат американским ученым З. Харрисом в 1952 году и употреблен в словосочетании «анализ дискурса».

В исследованиях Н. Д. Арутюновой подчеркиваются социальный характер дискурса и характерные для него признаки и особенности. По мнению ученого, *дискурс* можно определить как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136–137]. Определяя *дискурс* как речь, “погруженную в жизнь”, лингвист выделяет основную характеристику, отличающую понятия *дискурс* и *текст*. Так, автор считает, что термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [1, с. 136–137].

В отечественной лингвистике работы, посвященные анализу *политического дискурса*, начали появляться в 20-е годы XX в. В истории изучения *политического дискурса* А. П. Чудинов выделяет следующие периоды:

1. Период с 1920-х по 1930-е гг. (исследования Г. О. Винокура, С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева и др.). Основным направлением изучения политического языка было исследование преобразований в лексической и стилистической системе русского литературного языка после 1917 г.

2. Период с 1930-х по 1940-е гг. (научные разработки Н. Я. Марра и его последователей). Целью научных изысканий ученых являлось выделение и характеристика «языка эксплуататоров» и «языка трудящихся» как самостоятельных подсистем национального языка.

3. Период с 1950-х по 1980-е гг. (работы Ю. Д. Апресяна, Л. А. Введенской, Е. А. Ножина и др.). Данный период определяется как отправная точка для формирования направления, связанного с анализом политической речи. Исследования теории и практики ораторского искусства и лекторского мастерства повлияли на интерес к анализу публичной речи и, в частности, речи политических деятелей [по: 8].

События конца 1980-х – начала 1990-х годов стали основой для формирования современного *политического дискурса*. Исследования *политического дискурса* данного периода не были однородными. Так, обзор научных работ, связанных с изучением языка политики, позволил выделить два ключевых направления: изучение языка тоталитарного строя (работы С. С. Ермоленко, Б. А. Зильберта, Ю. И. Левина, Н. А. Купиной) и анализ «нового языка» постперестроечного периода (исследования А. Н. Баранова, О. П. Ермаковой, Е. Г. Казакевича, Е. В. Какориной).

Будучи междисциплинарным по своим базовым свойствам, он интересует представителей социологии, социальной психологии, культурологии, специалистов по теории массовой коммуникации и теории воздействия. В связи с этим не существует единой трактовки понятия, так как каждая отрасль, изучающая *политический дискурс*, привносит в него особенности, наиболее ценные для соответствующего направления исследования.

При широком понимании термина *политический дискурс* ученые приходят к выводу, что он представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [2, с. 6], включает в себя «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [9, с. 31]. При узком понимании данного термина, как отмечает Т. ван Дейк, *политический дискурс* можно охарактеризовать как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно

политикой». Ученый подчеркивает, что к сфере политики принадлежат речи политиков, правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, поэтому именно они должны стать объектом изучения. Лингвист резюмирует, что «политический дискурс – это дискурс политиков», поэтому он не предполагает включение текстов, авторы которых не относятся непосредственно к политической сфере [4]. В рамках данной публикации мы будем придерживаться широкого понимания термина *политический дискурс*, согласно которому будем включать в объем практического материала любые тексты политической направленности.

Проблемы определения политического дискурса как одного из типов институционального общения, его признаков и функций тесно связаны с описанием политического языка, широко представленным в последние годы в научных исследованиях (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, О. И. Воробьева, В. З. Демьянков, М. В. Ильин, В. И. Карасик, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Е. С. Серажим, П. Серию, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворская и др.).

Политический язык, по мнению большинства исследователей, нельзя определить как особую подсистему языка, поскольку в нем не обнаруживаются какие-либо грамматические, фонетические, синтаксические элементы, которые отличали бы политический язык от других форм существования языка. Однако справедливо обозначить, что он имеет специфическую лексико-фразеологическую составляющую, которая является основой политической коммуникации и отличает язык политики от других вариантов национального языка. Такого взгляда на политический язык придерживается, в частности, О.И. Воробьева, которая подчеркивает, что «основой политического языка следует считать политическую лексику, которая занимает особое место в словарном составе языка: она частотна и представляет собой особый, наиболее важный аспект политической коммуникации» [3, с. 10-11]. Автор приходит к выводу, что, «с одной стороны, слова этой микросистемы являются терминами, отличающимися особой сферой употребления, точностью наименования и отсутствием коннотативных элементов. С другой стороны, именно политическая лексика и понятия, ею обозначаемые, вызывают

неоднозначное эмоционально-оценочное отношение к себе носителей языка, особенно в периоды интенсивной политизации различных сторон в жизни данного общества» [там же].

В данной работе мы не останавливаемся подробно на определении политического языка, взяв за основу общепринятое понимание его как знаковой системы, реализующей политическую коммуникацию. Это позволяет, на наш взгляд, связывать дефиниции «политический язык» и «политический дискурс» в единую научно-понятийную систему.

Как известно, связь между политикой и языком выражена, главным образом, в том, что ни один политический режим не может существовать без речевого контакта с обществом. Эта взаимосвязь лежит в основе современных лингвополитологических и концептуальных исследований. Функции языка в политическом дискурсе, по мнению лингвистов, реализуются в случае, если при благоприятных условиях возможно информировать адресата о политических идеях, давать политические рекомендации, советы и указания, убеждать избирателя своего/чужого электората.

Отождествляя *политический дискурс* с понятием политической речи, Т. В. Юдина расценивает политический язык как форму публичной речи, произнесенной оратором, и рассматривает такую коммуникативную ситуацию как само политическое действие [10, с. 3]. Политический язык часто возникает из аргументативных реакций, и это взаимодействие, это сцепление создает ее дискурсивное пространство. Подобную мысль находим у Г.М. Яворской, которая понимает *политический дискурс* как вид политической деятельности. По мнению ученого, «внимание к словам и понятиям, когда речь идет о политике, совершенно обоснованно, так как политическая деятельность – это, в первую очередь, деятельность дискурсивная, то есть осуществляющаяся в виде «разговоров» и разного рода текстов» [11]. Неоднозначная интерпретация термина *политический дискурс* и его описание в различных парадигмах обусловили необходимость систематизации и структуризации положений, выраженных в современных направлениях и научных европейских и отечественных школах политической лингвистики.

Усиление значимости *политического дискурса* привело и к расширению каналов его распространения. Так, в современных исследованиях отмечается, что наиболее ценными публичными каналами доставки политического сообщения являются печатные (газеты, журналы, книги, интернет-статьи, листовки, плакаты и т.д.) и аудиовизуальные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, иллюстрации и т.д.). Как отмечают ученые, *политический дискурс* в начале XXI века можно охарактеризовать как основу политической лингвистики, «особую подсистему национального языка, предназначенную в целом для политической коммуникации и, в частности, для реализации и пропаганды своих идей, информационного воздействия на членов социума (граждан), побуждения их к совершению политических действий...» [7, с. 6].

Функциональная специфика *политического дискурса* определяется его интенциональным содержанием. Мы придерживаемся позиции современных исследователей (Р. Водак, П. Б. Паршина, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворской и др.), согласно которой основная функция *политического дискурса* заключается в его использовании как инструмента политической власти. Это позволяет установить его основные функции и способы их реализации. В работе рассматриваются три доминирующие функции *политического дискурса*, которые отражают цель политической деятельности – завоевание власти:

- 1) коммуникативная функция;
- 2) функция борьбы за власть;
- 3) функция регулирования отношений между социальными институтами, в основе которой лежит стратегия построения толерантного конструктивного диалога путем компромисса.

Однако подход к определению функций политического дискурса неоднозначен: кроме перечисленных, в современной лингвистике ученые выделили также информационную, образовательную, интегративную функции, функцию социализации, функцию контроля, функцию формирования общественного мнения, функцию социальной солидарности, определения повестки дня, проекции в прошлое и будущее.

Мы соглашаемся с положением Е. И. Шейгал, согласно которому политический дискурс следует рассматривать с позиций системостризма, согласно которым все функции политического дискурса представляют собой слаженный механизм одной системы, предназначение которой заключается в обслуживании сферы политической деятельности.

Таким образом, функции политического дискурса относятся к числу институциональных характеристик и определяют его жанровое разнообразие. Как показывает анализ политических текстов, функции политического дискурса отражают прежде всего семантико-прагматическую специфику современной политической коммуникации. Данный факт и определяет стратегии и тактики политического дискурса.

О. Л. Михалева называет три ведущих стратегии политического дискурса и тактики внутри них: стратегия на понижение (тактика обвинения, тактика обличения, тактика угрозы и др.), стратегия на повышение (тактика презентации, тактика отвода критики, тактика самооправдания и др.), стратегия театральности (тактика предупреждения, тактика иронизирования, тактика провокации и др.) [5, с. 45]. Проведенный нами анализ текстов политических СМИ подтверждает теоретическое положение О. Н. Паршиной о наличии четырех ведущих стратегий в современном русскоязычном политическом дискурсе: стратегия самопрезентации, стратегия борьбы за власть, стратегия удержания власти, стратегия убеждения, общие тактики [6, с. 20].

ВЫВОДЫ

Таким образом, для понимания эксплицитной и имплицитной целевой направленности политических текстов и систематизации языковых манипулятивных механизмов необходим комплексный анализ речевых стратегий, реализующихся в специальных для каждой конкретной стратегии тактиках, которые, в свою очередь, состоят из конкретных речевых приемов. В политическом дискурсе такие институциональные характеристики, как функции, стратегии и тактики, являются базовыми и раскрывают коммуникативно-прагматического содержание

политического текста. На основе интерпретации дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена в статье сформулировано следующее понимание политического дискурса: политический дискурс – это речевая деятельность, реализуемая через знаковую систему и обусловленная ментальными установками субъекта и социополитическими факторами. Такое понимание термина «политический дискурс» доказывает его важное место в понятийно-терминологической базе дискурсологии.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137
2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты : традиции и новации [Текст] / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
3. Воробьева, О. В. Политическая лингвистика : политический язык как сфера социальной коммуникации: [монография] / О. В. Воробьева. – М. : ИКАР, 2008. – 296 с.
4. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк / под ред. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
5. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия [Текст] / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
6. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России [Текст] : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
7. Романов, А. А. Политическая лингвистика. Функциональный подход [Текст] / А. А. Романов. – М. – Тверь : ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.
8. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М. : «Гнозис», 2004. – 326 с.

10. Юдина, Т. В. Теория общественно-политической речи [Текст] / Т. В. Юдина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 158 с.
11. Яворская, Г. М. Политические метафоры и политические сюжеты. Заметки к диалогу Украина – Европейский союз [Текст] / Г. М. Яворская // Зеркало недели. – 2002. – № 9 (384). – 16 марта. – С. 6–7.

References

1. Arutyunova N. D. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskii Jentsiklopedicheskii Slovar'*. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1990, pp. 136–137.
2. Baranov A. N., Kazakevich E. G. *Parlamentskie Debaty: Traditsii i Novatsii* [Governmental Debates. Traditions and Innovations]. Moscow: Znanie Publ., 1991. 64 p.
3. Vorob'eva O. V. *Politicheskaya Lingvistika: Politicheskii Yazyk kak Sfera Sotsial'noi Kommunikatsii: Monografiya* [Political Linguistics: Political Language as a Sphere of the Social Communication]. Moscow: IKAR Publ., 2008. 296 p.
4. Deyk van T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Ed. by Yu. N. Karaulova, V. V. Petrova. B.: I. A. Boduen de Kurtene BGK Publ., 2000. 308 p.
5. Mikhaleva O. L. *Politicheskii Diskurs: Spetsifika Manipulyativnogo Vozdeystviya* [Political Discourse. Specifics of Manipulation Impact]. Moscow: Knizhnyi Dom LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
6. Parshina O. N. *Strategii i Taktiki Rechevogo Povedeniya Sovremennoy Politicheskoi Jelity Rossii: Dis. ... Dok. Filol. Nauk* [Strategies and Tactics of the Speech Behavior of the Modern Russian Political Elite. Thesis]. Saratov, 2005. 325 p.
7. Romanov A. A. *Politicheskaya Lingvistika. Funktsional'nyi Podkhod* [Political Linguistics. Functional Approach]. Moscow – Tver: IYa RAN, TvGU Publ., 2002. 191 p.
8. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya Mozaika v Sovremennoi Politicheskoi Kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in the Modern Political Communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 p.

9. Sheygal E. I. *Semiotika Politicheskogo Diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow: Gnozis Publ., 2004. 326 p.
10. Yudina T. V. *Teoriya Obshchestvenno-Politicheskoi Rechi* [Theory of the Socio-Political Speech] Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2001. 158 p.
11. Yavorskaya G.M. *Politicheskie Metafory i Politicheskie Syuzhety. Zametki k Dialogu Ukraina – Evropeyskii Soyuz* [Political Metaphors and Political Plots. Notes to the Ukraine – European Union Dialogue]. *Zerkalo Nedeli*. 2002, № 9 (384), 16 March, pp. 6–7.

**LINGUO-COGNITIVE FEATURES OF POLITICAL DISCOURSE IN
SCIENTIFIC MEASUREMENTS OF THE END OF THE XX - THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY**

O. I. Neelova, N. A. Segal

The article is devoted to a comprehensive analysis of the linguo-cognitive features of political discourse in the scientific dimensions of the late XX - early XXI century. The systematization and structuring of provisions covering the evolution of the term “political discourse” and related concepts is carried out in modern directions and in European and domestic scientific schools of political linguistics. Features of the development of the term “political discourse” are associated with the history and socio-political characteristics of states, as well as a wide range of sociopolitical factors. The paper identifies and clarifies the main strategies of political discourse, its genre identity, and the most valuable public channels for delivering a political message. It is proved that in order to understand the explicit and implicit targeting of political texts and systematize linguistic manipulative mechanisms, a comprehensive analysis of speech strategies is required that are implemented in tactics specific to each particular strategy, which, in turn, consist of specific speech techniques. Based on the interpretation of discourse as a linguocultural, intercultural and axiological phenomenon, the author formulates the author's understanding of political discourse.

Keywords: political discourse, political text, political speech, media text.

УДК 81'42 : 35.08

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЧИНОВНИК»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ**

Пономаренко И. Н., Мосьпан С. А., Кондратьева Т. С.

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mail: sunlana18@mail.ru**

В статье анализируется актуализированное в современной языковой картине мира слово «чиновник», ушедшее на периферию языка после Октябрьской революции. В исследовании поэтапно акцентируется внимание на представлении анализируемой языковой единицы в трех аспектах: лексикографическом (проводится анализ русскоязычных лексикографических источников, описывающих динамическую структуру слова «чиновник» с выявлением его ядерных денотативных сем), художественном (исследуются особенности моделирования образа чиновника в художественных произведениях XIX–XX веков (тексты Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова)), медийном (выявляется специфика формирования ассоциативного профиля чиновника в русскоязычных медиатекстах последнего десятилетия). На основании проанализированного материала авторы приходят к выводу, что в основе формирования коннотативного аспекта семантического пространства ключевой единицы «чиновник» в медиатекстах лежат особенности ее представления в русской классической литературе, поскольку компоненты оценочного значения исследуемой единицы совпадают с оценкой образов чиновников, описанных представленными авторами. В предлагаемом исследовании делается акцент на выделенные с опорой на художественные тексты базовые характеристики чиновников (внешность, финансовую «нечистоплотность» и пренебрежение своими должностными обязанностями) и исследуется специфика экстраполяции данных характеристик в тексты современных русскоязычных СМИ.

Ключевые слова: художественный дискурс, медийный дискурс, категория оценки, коннотация, чиновничество, чиновник, власть.

ВВЕДЕНИЕ

Для современной лингвокультурологии актуальным является исследование истории создания массовых стереотипов, которые позволяют увидеть исторические корни, оценить влияние экстралингвистических факторов и собственно лингвистическую трансформацию ключевых слов эпохи. Унаследованные из прошлого культурные, политические и социальные стереотипы, бесспорно, не утрачивают свое влияние и на современное общество. Описать механизмы конструирования образа, лежащего в основе формирования стереотипного восприятия, означает оценить его место в языке, а через него – в истории культуры. Как отмечает Н.А. Сегал, расширение спектра образов и сценариев, трансформация закрепленных в культуре констант и категорий приводит к обогащению

метафорического арсенала русского языка [7, с. 482]. Дополняя это наблюдение, считаем возможным утверждать, что этот процесс обогащен актуализацией языковых единиц, долгое время находящихся на периферии русского языка. Возвращение таких единиц в активный состав, как показывает анализ современных научных исследований (работы А. Н. Бранова, Э. В. Будаева, О. И. Воробьевой, О. В. Григоренко, Г. А. Заварзиной, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Т. Б. Крючковой, Г. Н. Складневской, Г. Я. Солганика, А. П. Чудинова, В. Н. Шапошниковой, Е. И. Шейгал и др.) сопровождается шлейфом возрождения уже сформированных оценок. Происходит это, несомненно, только при совпадении влияющих экстралингвистических факторов. Одним из стереотипов массового неприятия и объектом непрекращающейся критики является феномен чиновничества.

Традиционно исследованием самого понятия «чиновничество» занимались в рамках истории, юриспруденции и социологии, однако место языкознания среди гуманитарных наук, изучающих этот феномен, оставалось не занятым. Интерес лингвистов к этому явлению проявился только в начале XXI в. и был обусловлен влиянием экстралингвистических факторов. Бесспорно, ценным для исследователей языка является не только семантическое содержание слова «чиновник» в современной его лексикографической фиксации, но и тот факт, что лексема «чиновник» была изъята из обращения после Октябрьской революции и актуализировалась в современном русском языке, логично сосуществуя с нормативно-правовым синонимом «госслужащий».

Анализ лексикографических источников показал, что слово «чиновник» возникло в древнерусский (старославянский) период. Происхождение единицы берет начало от прилагательного «чиновный», которое образовано от слова «чин». В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указано: др.-русс. чинь «порядок, правило, степень, чин, должность, собрание» [9, с. 362]. Сходные значения зафиксированы в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» под ред. П.Я. Черных, где «чин» определяется как «установленный порядок совершения чего-либо», «ритуал», «церемония». Значимым является тот факт, что список значений в представленном словаре расширяется и включает следующее определение: «звание,

присеваемое государственным служащим и военным в соответствии с табелью о рангах» [10, с. 390].

Важно отметить, что в русском языке исследуемая единица имеет омоним. Так, в русской языковой традиции «чиновник» – это богослужебная книга, где зафиксированы «чины» различных служб по византийскому образцу для архиерейского богослужения (полное название «чиновник архиерейского богослужения») [8, с. 762]. Отметим, что лексема «чиновник» в данном значении имеет ограниченную сферу употребления и нейтральную оценку, тогда как лексема «чиновник» с интересующим нас значением в современном русском языке имеет отрицательную оценку.

В современных исследованиях по медиалингвистике особое внимание уделяется оценке слова «чиновник» в аспекте социокультурных исследований. Поскольку именно тексты СМИ транслируют модель национально-культурного речевого общения и создают «речевой портрет эпохи», дающий разностороннее представление об экономических, политических и социокультурных процессах.

Исследование коннотативного потенциала лексемы «чиновник» получило освещение в ряде научных исследований. Так, А. И. Приходько рассматривал оценку как социокультурный признак текстов СМИ. На примере анализа украинских медиатекстов автор показал, как влияют экстралингвистические факторы на появление оценочных значений лексических единиц, функционирующих в СМИ [5]. Исследователь В. А. Марьянчик осуществил комплексное лингвостилистическое описание оценочной структуры медиа-политического текста [3]. А. А. Негрышев описал способы композиционных импликаций оценки в медиатексте [4]. А.А. Салтыковой была разработана системная типология конкретных индикаторов, выражающих имплицитную оценку в публицистических текстах [6].

Многообразие подходов к изучению категории оценки при выявлении особенностей языкового моделирования ключевой единицы «чиновник» объясняется достаточной сложностью и многоаспектностью этого лингвистического явления. К недостаточно освещённым может быть отнесено рассмотрение роли художественной

литературы в формировании коннотативного аспекта семантического пространства единиц, получивших актуальность в текстах СМИ.

Цель нашего исследования – описать истоки формирования оценочных значений лексемы «чиновник», появившихся в художественных текстах XIX века и впоследствии получивших закрепление в медийных текстах начала XXI в.

Материалом для анализа послужили фрагменты произведений Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыков-Щедрин и А.П. Чехова. Выбор авторов не является случайным. Именно эти писатели в своем творчестве отразили как особенности национальной картины мира той эпохи, так и специфику индивидуальной оценки, которая предопределила стереотипизацию образа русского чиновника.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

На основе анализа художественных текстов мы выделили три аспекта, которые чаще других встречались в описании чиновников: внешность, финансовая «нечистоплотность» и пренебрежение своими должностными обязанностями. Обратимся к анализу данных аспектов

Внешность как одна из важнейших составляющих образа помогает сформировать представление о характере героя. Так, чиновник в художественных произведениях XIX в. внешне непривлекателен: *«низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным»* («Шинель», Н.В. Гоголь); *«лицо его, пухлое и отекающее, было покрыто слоем жирного вещества, который придавал его коже лоск почти зеркальный; огромная его лысина»* («Приезд ревизора», М.Е. Салтыков-Щедрин).

Особое внимание обращено на финансовую «нечистоплотность» чиновников: явно и имплицитно осуждаются такие пороки, как казнокрадство и взяточничество, например, *«взятка он не брал (царство хищения кончилось), однако нелицеприятными действиями успел-таки скопить капитал»* («Чижиково горе», М.Е. Салтыков-Щедрин); *«я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...»*

(«Ревизор», Н.В. Гоголь); *хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер* («Шинель», Н.В. Гоголь); *«и везде жужжат мириады пчел, которые, как чиновники перед реформой, спешат добрать последние взятки»* («Современная идиллия», М.Е. Салтыков-Щедрин); *«и все интендантские чиновники разворовали!»* («Современная идиллия», М.Е. Салтыков-Щедрин).

В литературе конца XIX в. зафиксировано пренебрежительное отношение чиновников к своим обязанностям: *«да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планирование. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя»* («Ревизор», Н.В. Гоголь), которые не исполняют свои профессиональные обязанности: *«чиновнику – что? Он приехал, взглянул, плюнул и уехал!»* («Пошехонские реформаторы», М.Е. Салтыков-Щедрин); *«все отставные провиантские чиновники, заявившие о необыкновенном усердии во время Севастопольской кампании. У всех на лице написано: я по суду не изобличен, а потому надеюсь еще послужить!»* («Дневник провинциала в Петербурге», М.Е. Салтыков-Щедрин).

Анализ фрагментов художественных текстов позволяет утверждать, что именно в классической литературе сформировался отрицательный лингвокультурный типаж «чиновник»: типичный представитель власти, который имеет непривлекательную внешность, не исполняет своих обязанностей, берет взятки, ворует из казны и часто бывает замечен в мошенничестве.

Исследуя истоки формирования отрицательной коннотации в семантическом пространстве слова «чиновник», мы установили, что на появление негативной окраски повлияли коннотативные характеристики, зафиксированные в художественных текстах XIX в. Важным является тот факт, что эти же оценочные значения были нами выявлены в актуальных медийных текстах. Приведем некоторые примеры.

Так, внешность чиновника в медиатекстах совпадает с его портретными характеристиками в художественных текстах: *«авторы ролика высмеивают стереотипный образ чиновника: толстый мужчина при галстуке, с портфелем в*

руках (залысины, усы и очки – по желанию)» (Газета РБ, 24.07.2017) // *«образлености, тучности, медлительности дожид до наших дней еще со времен Гоголя и Чехова... Меняются только детали: на смену шёлковому цилиндру и часам на цепочке приходят костюм от Armani и новый «Айфон»* (Газета РБ, 24.07.2017) // *«беспощадную войну с выпирающими животами чиновников затевал мэр Ильсур Метшин»* (Газета Daily: информационно-аналитическое издание, 06.06.2013) и др.

Более чем за сто лет не изменилась страсть чиновников к незаконному обогащению. Так же, как и в XIX в., чиновники замечены в хищении средств только теперь не из «казны», а из «бюджета»: *«российские чиновники знают толк в элитной недвижимости. В их собственности – лучшие дома, квартиры и особняки»* (Газета «Домашняя недвижимость», 01.01.2019). *«Слуги народа», избегая уголовного наказания, переписывают имущество на родственников: «в несовершенных демократиях для мелких чиновников взятки – аналог отмененных еще при Иване Грозном «кормлений», гарантия лояльности властной вертикали»* («Новая газета»: интернет-издание, 19.03.2019) и др.

Не изменилось и формальное, пренебрежительное отношение чиновников к работе: *«во-первых, чтобы отбить возросшие издержки, чиновники станут больше брать. Во-вторых, там, где чиновники не станут брать, они перестанут работать вообще»* («Новая газета»: интернет-издание, 29.04.2019) // *«Жители города негодуют в соцсетях, а чиновники не торопятся предпринимать какие-либо действия»* (Газета «Царь град»: интернет-издание, 15.07.2019) и мн. др.

Итак, в ходе исследования было проанализировано более 140 фрагментов художественных произведений и 500 примеров из текстов СМИ, что позволяет сделать следующие выводы.

ВЫВОДЫ

Оценочные характеристики семантического пространства лексической единицы «чиновник» художественных текстах и в текстах СМИ во многом совпадают. Это касается и непривлекательной внешности, и пренебрежительного отношения к

должностным обязанностям, и традиционного казнокрадства, которое теперь именуется хищением бюджетных средств.

Можно утверждать, что современная отрицательная оценка лексической единицы «чиновник» в медиатекстах была подготовлена классической художественной литературой. И как только изменилась социокультурная ситуация и на смену советскому служащему пришел чиновник, в медиадискурсе был зафиксирован типизированный образ со всем подготовленным набором отрицательных характеристик. Несомненно, на оценку возвращенного в активное употребление слова в первую очередь оказала влияние социополитическая парадигма, совпадение существенных характеристик которой нашло отражение в апелляции к лингвокультурному опыту предшествующей эпохи. Таким образом, реализация аккумулятивной функции языка и преемственность фоновых знаний в очередной раз позволяют говорить о едином информационном коде культуры и воздействующей силе русской классической литературы.

Список литературы

1. Борисенок, Т. В. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. культ. : 24.00.01 / Борисенок Т. В. – М., 2001. – 27 с.
2. Ипатова, А. А. Зачем современной России чиновник? [Текст] / А. А. Ипатова // Вестник РУДН. – 2013. – № 1. – С. 117–127.
3. Марьянчик, В. Л. Событие как элемент аксиологической структуры медиаполитического текста [Текст] / В. А. Марьянчик // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 3. – С. 54–58.
4. Негрышев, А. А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры [Текст] / А. А. Негрышев. – М., 2011. – С. 85–97.
5. Приходько, А. И. Оценочность как социокультурный признак журналистского текста [Текст] / А. И. Приходько // Медиалингвистика. – М., 2016. – № 1. – С. 73–81.

6. Салтыкова, А. А. Некоторые случаи индикации имплицитной аксиологической модальности в текстах СМИ [Текст] / А. А. Салтыкова // Вестник РГГУ – М., 2013. – № 8 – С. 152–163.
7. Сегал, Н. А. Метафорический образ железнодорожного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ [Текст] / Н. А. Сегал// Русский язык в поликультурном мире : IX Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2015 г.). Симферополь, 2015. – № 2. – С. 482–491.
8. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов – М., 2004. – 991 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь [Текст] / М. Фасмер – 4. – М., 1987. – № 1. – 830 с.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов [Текст] / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994. – № 2. – 560 с.

References

1. Borisenok T. V. *Obraz Chinovnichestva v Rossii i vo Frantsii vo Vtoroi Polovine XIX Veka: Avtoref. Dis. ... Kand. Kultur. Nauk* [Image of Officialdom in Russia and France in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, 2001.
2. Ipatova A. A. *Zachem Sovremennoi Rossii Chinovnik?* [Why Does Modern Russia Need an Official?]. *Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya*, 2013, no 1, pp. 117–127.
3. Mar'yanchik V. L. *Sobytie kak Element Aksiologicheskoi Struktury Mediapoliticheskogo Teksta* [Event as an Element of the Axiological Structure of a Media Political Text]. *Vestnik Pomorskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 2009, no 3, pp. 54–58.
4. Negryshev A. A. *Novosti v Presse: k Modelirovaniyu Makrotekstovoi Struktury* [News in the Press: on Modeling the Macro-Text Structure]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2011, pp. 85–97.
5. Prikhodko A. I. *Otsenochnost' kak Sotsiokul'turnyi Priznak Zhurnalistikogo Teksta* [Connotation as a Sociocultural Feature of a Journalistic Text]. Moscow: Medialingvistika Publ., 2016, no 1 (11), pp. 73–81.

6. Saltykova A. A. *Nekotorye Sluchai Indikatsii Implitsitnoi Aksiologicheskoi Modal'nosti v Tekstakh SMI* [Some Cases of Indication of Implicit Axiological Modality in Media Texts]. *Vestnik RGGU – Moskovskii Lingvisticheskii Zhurnal*, 2013, no 8 (109), pp. 152–163.
7. Segal N. A. *Metaforicheskii Obraz Zheleznodorozhnogo Transporta v Tekstakh Russkoyazychnykh Politicheskikh SMI* [Metaphorical Image of Railway Transport in the Texts of Political Media in Russian]. *Russkii Yazyk v Polikul'turnom Mire: IX Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya*, 2015, no 2, pp. 482–491.
8. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' Russkoi Kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2004. 991 p.
9. Fasmer M. *Etimologicheskii Slovar'* [Etymological Dictionary]. Moscow, 1987, no 4. 830 p.
10. Chernykh P. Ya. *Istoriko-Etimologicheskii Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka: 13 560 Slov.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. 13 560 Words]. Moscow, 1994, no 2. 560 p.

LINGUO-CULTURAL TYPE «OFFICIAL»

IN ART AND MEDIA DISCOURSE

Ponomarenko I. N., Mospan S. A., Kondratieva T. S.

The article analyzes the word “official” actualized in the modern linguistic picture of the world, which has gone to the periphery of the language after the October Revolution. The study gradually focuses on the presentation of the analyzed language unit in three aspects: lexicographic (analyzes the Russian-language lexicographic sources that describe the dynamic structure of the word “official” with the identification of its nuclear denotative sem), fiction (explores the features of modeling the image of the official in fiction works XIX-XX centuries (texts by N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, A.P. Chekhov)), media (reveals the specifics of the formation of the associative profile of officials ka in Russian-language media texts of the last decade). Based on the analyzed material, the authors conclude that the basis of the formation of the connotative aspect of the semantic space of the key unit “official” in media texts is the peculiarity of its presentation in Russian classical literature, since the components of the estimated value of the unit under study coincide with the assessment of the images of officials described by the authors. The proposed study focuses on the basic characteristics of officials highlighted with reference to literary texts (appearance, financial “uncleanliness” and neglect of their duties) and explores the specifics of extrapolating these characteristics into the texts of modern Russian-language media.

Keywords: literary discourse, media discourse, assessment category, connotation, bureaucracy, official, power.

УДК 81.42

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДИСКУРСОПОРОЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОДАЖ СТРАХОВЫХ УСЛУГ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕНИНГОВ)

Черемохина Д. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия
d.cheremohina@bsu.edu.ru

В статье предложен анализ языкового поведения участников маркетингового дискурса в сфере продаж страховых услуг. Материалом исследования явились тексты, представляющие собой результат деловой игры на тренинге. Тренировочные коммуникативные ситуации позволяют восстановить идеальный с прагматической точки зрения акт интеракции в страховой сфере. Автор рассматривает маркетинговый дискурс как мультисемиотический феномен, в образовании которого принимают участие разные типы знаковых систем. Исследовательский интерес к изучению особенностей формирования маркетингового дискурса определяется ярко выраженной прагматической направленностью знаков естественного языка. Доказывается, что прагматические факторы определяют порождение дискурса продаж как разновидности маркетингового дискурса. Выбор языковых средств выражения целей в дискурсе продаж, по утверждению автора, определяется социально-ролевым статусом коммуникантов, спецификой коммуникативной ситуации и коммуникативными универсалиями, лежащими в основе познавательной деятельности человека и обусловленными его этнической принадлежностью. Анализ этих характеристик коммуникативной ситуации деловых переговоров позволил автору выделить языковые факты, оказывающие прагматический эффект на адресата, которым в рассматриваемой ситуации выступает клиент. В статье приводятся примеры прагматически окрашенных лексических, грамматических, структурных и ассоциативных языковых единиц. Дискурсорождение в сфере продаж услуг представляется как целенаправленный процесс, контролируемый и направляемый представителем компании.

Ключевые слова: маркетинговый дискурс, дискурс продаж, дискурсорождение, прагматика, знаковая система, коммуникативная ситуация, коммуникативные универсалии.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативно-прагматическая парадигма лингвистики, пришедшая на смену системно-структурной, характеризуется расширением рамок исследования, определяет направление вектора лингвистических изысканий в область изучения дискурсивных особенностей функционирования языка. Методологический плюрализм, характеризующий современное состояние науки о языке, определяет возможности исследования дискурса как междисциплинарного феномена. Это становится возможным при рассмотрении языка как социального явления. Дискурсивный анализ, привлекающий данные истории, социологии, культурологии и других гуманитарных наук, рассматривает язык в процессе общения как одну из

семиотических систем, пересекающуюся с другими системами, например, с системой жестов. Структурный метод, вступивший по терминологии Ю. С. Степанова во «вторичную стадию» [12, с. 285], уступает место прагматическому и семантическому анализу дискурса как мультисемиотической системы.

Прагматика в классическом понимании, введенном в науку о языке Ч. Моррисом в 1938 году, противопоставлялась синтактике и семантике и исследовала отношения между знаками и их пользователями [6]. Границы современной прагматики определяются результатами исследований двух основных школ: англо-американской и европейской континентальной. Профессор Лаура Альба-Хуэс, описывая эти направления и сопоставляя их идеи в области дискурс-анализа, отмечает, что англо-американская школа рассматривает прагматику как один из компонентов лингвистической теории наряду с фонетикой, фонологией, морфологией и синтаксисом [14, с. 50]. Европейская континентальная школа использует более широкий подход и вслед за профессором Джефом Вершуереном определяет прагматику как «когнитивную, социальную и культурологическую науку о языке и коммуникации» [16, с. 2].

Методологической базой нашего исследования выступают идеи европейской континентальной школы прагматики, в русле которых прагматика выявляется во всех аспектах языкового поведения участников дискурса. Другим важным источником наших методологических поисков стала теория речевых актов, разработанная в работах Дж. Остина и Дж. Серла [7; 15]. Особая роль в решении задач исследования сыграла теория П. Грайса, в которой были сформулированы постулаты общения и принцип кооперации, заложивший основы прагматического изучения диалога [4].

Объектом нашего исследовательского интереса стал уникальный коммуникативный феномен XX-XXI века – маркетинговый дискурс. Уникальность объекта исследования определяется не столько ростом экономической активности населения, которая порождает подъем предпринимательской активности и, соответственно, формирование сферы продаж услуг, сколько особым статусом этого типа дискурса. Художественный дискурс, например, создается автором-творцом и репрезентирует особое видение мира, в нем могут обсуждаться с читателем и «вечные

проблемы», и сиюминутные желания. В бытовом дискурсе мы не найдем результатов философских размышлений, здесь, вероятно, тематический вектор коммуникации будет ограничен насущными проблемами. Языковые средства обеспечения дискурсообразования в бытовой сфере включают, как правило, не только общелитературную, но, в зависимости от ситуации, и жаргонную или просторечную лексику. Отдельные виды институциональных дискурсов (военный, например) характеризуются ограниченным составом лексических и грамматических средств. Структура и тема сообщения в таком типе институционального дискурса будет определяться социально-ролевым статусом коммуникантов. Очевидно, что рассмотренные виды дискурсов (художественный, бытовой, военный) обладают типологическими характеристиками: художественный и бытовой дискурсы – персонального типа, а военный – институционального. Двухнаправленный процесс формирования маркетингового дискурса включает в себя пересекающиеся векторы институционального (представитель компании) и персонального (покупатель, клиент компании), что, по нашему мнению, делает этот тип дискурса особым коммуникативным образованием.

Следующий фактор, определяющий наш интерес к маркетинговому дискурсу, детерминирован постулатом, что сфера продаж услуг функционирует для достижения, в первую очередь, прагматических результатов. Прагматика, как мы отмечали выше, исследует влияние знаков на их пользователей. В маркетинговом дискурсе воздействие осуществляется не только за счет знаков языка. Для решения практических задач в сфере продаж услуг привлекаются элементы и других знаковых систем, что позволяет говорить о маркетинговом дискурсе как мультисемиотической системе.

Следует отметить, что в нашей статье мы используем термин *маркетинговый дискурс* в узком значении, понимая его как последовательность речевых интеракций, определяемых требованиями ситуации деловых переговоров. Мы говорим о дискурсе продаж страховых услуг, который формируется в процессе деловых переговоров с потенциальным покупателем при учете экстралингвистических факторов. Таким образом, предметом нашего исследования выступает речевое поведение

коммуникантов в типовой ситуации деловых переговоров, воссоздаваемой нами по материалам тренинговых заданий.

Тренинг – это «система тренировок для совершенствования в какой-либо сфере жизни, для снятия отрицательных воздействий и т.п.» [11, с. 999]. Конкуренция в сфере продаж услуг определяет необходимость комплексного обучения сотрудников для повышения эффективности их деятельности. Развитие знаний и умений на тренинге достигается комплексным подходом, предполагающим использование разных маркетинговых жанров: диалога, лекции с использованием схем и таблиц, деловой игры и т.д. В нашей работе представлены результаты деловой игры на тренинге, через призму которой мы анализируем фрагмент маркетингового дискурса, а также особенности маркетингового мышления, находящие отражение в речи участников интеракции.

Интересно, что в бытовом, обиходном сознании также есть представления об особенностях маркетингового дискурса, точнее – маркетингового мышления, безусловно, являющегося когнитивной основой рассматриваемого феномена. Это положение демонстрирует наглядный пример, свидетелем которого недавно стал автор статьи. В одном известном супермаркете нашего города «зависла» касса. Реплики стоящих в очереди людей (типа «Мы же им деньги принесли, а еще ждать должны! Да они нас должны обслуживать по полной программе!») вполне сводимы к нескольким традиционным для современной сферы услуг шаблонам: *мы работаем для клиента* или *клиентоориентированный подход*. Действительно, мышление покупателей в современном обществе изменилось (вспомним, знаменитые «терпеливые» очереди в Советском Союзе), но изменилось и мышление продавцов. В этом особом типе мышления прагматика современности реализуется в сочетании творческого и схематичного, личного и общественного.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучить прагматические факторы дискурсопорождения в сфере продаж услуг. Материалом исследования явились тексты тренингов по продажам страховых услуг («Особенности работы с продуктом. Продажа услуг», «Активные продажи услуг», «Эффективные продажи»). Коммуникативные ситуации, рассматриваемые в статье,

были предложены для деловой игры на обучающих и поддерживающих занятиях в группе компаний «Дженсер», которая до 2018 года занимала лидирующие позиции на рынке продаж автомобилей. Дилерские центры компании оказывали разные услуги, связанные с обслуживанием и ремонтом автомобилей, в том числе, услуги по страхованию. Анализируемые фрагменты дискурса продаж, представленные в нашей работе, восстановлены на основе письменных результатов, полученных автором как участником тренинга и хранящихся в его личном архиве.

Особенности материала исследования определили методологическую основу работы. Одним из ведущих методов является *метод дискурс-анализа*, основанный на описании языковых и внеязыковых элементов, формирующих дискурс. Многие общие выводы и положения в нашей работе сформированы благодаря анализу частных лингвистических проявлений, что составляет суть *метода индуктивного анализа*. Важен для достижения цели нашего исследования и *сопоставительно-описательный метод*, позволяющий провести сравнение по различным показателям речевого поведения коммуникантов.

Рассматривая маркетинговый дискурс в русле идей европейской континентальной школы прагматики, определяем цель нашего исследования, которая заключается в выявлении прагматических особенностей дискурсообразования в маркетинговой сфере. Данная цель определяет основные процедуры исследования, которые реализуются путем решения следующих задач:

- 1) Определить основные семиотические системы, формирующие маркетинговый дискурс;
- 2) Выявить языковые и внеязыковые знаки, оказывающие прагматический эффект в речевой ситуации переговоров;
- 3) Сформулировать коммуникативные универсалии, влияющие на речевое поведение коммуникантов.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что порождение дискурса продаж как разновидности маркетингового дискурса определяется прагматическим эффектом, который особым образом создается при взаимодействии семиотических систем в маркетинговом дискурсе. Мы считаем, что существование

дискурса продаж как типовой формы маркетингового дискурса обусловлено прагматическими факторами, имеющими этнокультурные и общезыковые истоки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ч. Морис отмечал: «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [6, с. 37]. В семиотике знаки разграничиваются по типам на разных основаниях: по форме, по происхождению, по устройству их системы и т.д. Так, польский ученый Адам Шафф, определяя место языка как системы среди других знаковых систем, выделяет наиболее значимые группы знаков. Все знаки он делит на естественные, включающие в себя признаки и симптомы, и искусственные, состоящие из словесных и несловесных знаков. Последние, в свою очередь, делятся на сигналы и замещающие – собственно замещающие и символы. Искусственные знаки создаются человеком, а словесные представляют собой не что иное как язык [13, 167–217].

Сфера продаж услуг обеспечивается несколькими знаковыми системами. Отношения между знаками, формирующими систему, организуют рабочий процесс в соответствии с принципами работы компании. Опираясь на стандарты компании Дженсер, опубликованные в форме презентации [10], мы считаем, что невербальные системы в маркетинговом дискурсе могут включать:

- 1) мимику, отражающую внутреннюю готовность продавца и клиента к деловым переговорам («Улыбка – костюм вашего лица!» [10]);
- 2) позу и жесты, характеризующие стремление доминировать в переговорах или подчиняться ведущему (открытые, «дающие» жесты [10] со стороны представителя компании); важен в данной системе и «зрительный контакт с Клиентом», а также дистанция при разговоре – «как для дружеского общения» [10]);

- 3) одежду (речь в данном случае идет о представителе компании), определяющую принадлежность к определенному социальному институту. В институциональном дискурсе имидж представителя компании – это знак-символ ее бренда, демонстрирующий уважение к Клиенту («Ваша одежда должна говорить о вас прежде, чем заговорите вы» [10]).

Вербальные знаковые системы формируются:

- 1) естественным языком, служащим основным средством общения и средством передачи информации;
- 2) музыкальным фоном, который, по нашему замечанию, формирует особый настрой на начальном этапе деловых переговоров.

З. Д. Попова утверждает, что все типы доязыковых знаков от признаков до сигналов существуют как самостоятельные вещи и действия, знаковое использование которых возможно, но не является их природным свойством. Все типы послезыковых знаков (коды, символика и др.) она считает результатом преобразования естественного языка, результатом договора на естественном языке, без него они немислимы. Тем самым ею опровергается идея зарубежных лингвистов о том, что языковые знаки представляют собой не что иное как разновидность знаков вообще. Язык, по ее мнению, представляет собой не одну из многих знаковых систем человечества, а единственную систему, специально созданную для общения [9, с. 169].

Мы соглашались с исследователем в том, что все разнообразие искусственных систем знаков, созданных людьми, воспринимается только с помощью системы знаков естественного языка. Опираясь на этот тезис, рассмотрим влияние знаков естественного языка на восприятие маркетингового сообщения.

Выбор языковых средств выражения целей в дискурсе продаж определяется, на наш взгляд, следующим:

- 1) социально-ролевым статусом коммуникантов;
- 2) спецификой коммуникативной ситуации;
- 3) коммуникативными универсалиями, лежащими в основе познавательной деятельности человека и обусловленными его этнической принадлежностью.

Рассмотрим каждый пункт подробнее.

Социально-ролевой статус участников деловых переговоров

Вступление в диалог определяется индивидуальными прагматическими целями: с одной стороны, продажа товара или услуги и формирование положительного имиджа компании, а с другой, – выгодное приобретение того или иного товара или услуги. Тем не менее, в дискурсе продаж, который образуется на пересечении институционального и персонального, специалист компании меняет свой социально-ролевой статус продавца на статус эксперта и помощника и демонстрирует стремление достичь, в первую очередь, прагматических целей клиента. В отличие от других типов дискурсов (например, политического), специалист компании, высказывания которого обладают эпистемическим статусом *знания*, не противопоставляет себя и свои цели образу и целям клиента, потому что эффективность коммуникации для него определяется не только достижением предметной цели, но и сохранением коммуникативного равновесия. Прагматически нагруженными элементами в такой ситуации становятся лексические и грамматические средства.

– *КАСКО – это хорошо, но у меня сейчас **финансовые трудности**, так что придется в этот раз обойтись **без страховки**.*

– ***Понимаю** Вашу ситуацию. Хотите **помогу** подобрать ту программу, которая подойдет именно для **Вас**?*

Жирным шрифтом мы выделили прагматические нагруженные языковые элементы, которые указывают представителю компании на практическую цель клиента (*хочу купить, но думаю, что это дорого*). Глаголы-перформативы (*понимаю, помогу*) определяют изменения социально-ролевого статуса продавца на статус помощника и настраивают клиента на продолжение переговоров.

Социально-ролевой статус клиента тоже является прагматическим фактором дискурсопорождения. В нашей работе описаны диалоги с участием среднестатистического покупателя (носителя русского языка), который знает о возможности приобрести услугу, но не желает это делать или сомневается по тем или иным причинам. В практике продаж услуг возможны деловые переговоры, в которых

прагматика области персонального вербализируется с помощью жаргонной или грубо-просторечной лексики, в репликах клиента могут быть допущены ошибки в орфоэпии, словоупотреблении и грамматике. Важно, что нарушения нормы русского литературного языка не должно влиять на способы и средства репрезентации прагматических целей продавца услуги. В области пересечения дискурсов специалист компании все равно занимает позицию помощника и эксперта, а в случае успешного завершения переговоров еще и оформителя.

Специфика коммуникативной ситуации

Языковая ситуация деловых переговоров может быть интерпретирована как каноническая:

- 1) говорящий и слушающий присутствуют в одном коммуникативном контексте;
- 2) момент произнесения сообщения совпадает с моментом его восприятия;
- 3) говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте [8, с. 259].

Тем не менее, в отличие от других канонических речевых ситуаций, к которым, относится, например, ситуация бытового общения, в дискурсе продаж страховых услуг языковой код детерминирован рядом дополнительных признаков коммуникативной ситуации: 1) первая / повторная / ежегодная встреча с клиентом; 2) наличие / отсутствие опыта страхования; 3) наличие / отсутствие знаний о страховых компаниях или системе страхования в целом. Рассмотрим пример.

– Подождите, в прошлом году я заплатил за КАСКО 48 000 рублей. В этом году, Вы говорите, страховка стоит 59 000. Я ничего не понимаю! Вы на мне заработать хотите?

– Цена действительно изменилась. Хотите разобраться в причинах повышения тарифа?

– Давайте разбираться, конечно! Возможно, какая-то ошибка?

– Сейчас проверим. Скажите, были ли страховые случаи в текущем году?

– Да, я обращался один раз, стекло меняли.

– В данном случае на изменение цены повлиял страховой случай. Остались ли Вы довольны качеством и скоростью замены стекла на Вашем автомобиле?

– Да, в принципе, быстро поменяли.

– Изменения произошли на 11 000 рублей, то есть это 30 рублей в день, одна чашка чая, но при этом ваш полис будет покрывать и такие риски, как природные явления. Был случай в прошлом году, когда клиентке возместили ремонт автомобиля, на который от порыва ветра упала большая ветка. Что думаете об этом предложении?

Перед нами каноническая речевая ситуация, прагматика которой определяется следующими экстралингвистическими факторами: 1) у клиента есть опыт страхования; 2) он страховал свой автомобиль в нашей компании в прошлом году и знает свой прошлый тариф; 3) он расстроен из-за повышения стоимости страхового полиса. Эти признаки определяют речевое поведение представителя компании, для которого важно «удержать» клиента, оформить новый полис и спланировать следующую встречу. Нас интересуют языковые единицы разных уровней, которые решают эту задачу в дискурсе продаж.

Сразу обращаем внимание на **структуру реплики** представителя компании. Основным двигателем переговоров в данном примере является прием парафразы. Парафраз не вносит ничего нового в ход переговоров, не отражает мнение представителя компании, но продвигает общение в направлении решения маркетинговых задач. Кроме того, парафраз демонстрирует заинтересованность в решении проблем клиента и обеспечивает управление процессом переговоров (*Цена действительно изменилась. Хотите разобраться в...*).

Коммуникативные границы дискурса продаж, то есть некоторые ограничения, которые накладываются языковыми средствами на получаемую адресатом информацию, оформляются в деловых переговорах с помощью **дейктических слов**. Это лексические средства, актуализирующие свое значение только в рамках конкретного акта коммуникации: *Вы – Ваш – Сейчас – Это (предложение)*. Прагматическая роль этих средств актуализируется в процессе аргументации, клиент узнает о своей выгоде и, как правило, принимает решение в границах настоящего коммуникативного акта.

Аргументация предложения – важная композиционная часть деловых переговоров. **Ассоциативные корреляции**, которые включаются адресантом

области институционального в реплику, определяются тематическим вектором дискурсопорождения. В приведенном выше примере, этот вектор направлен в сторону объяснения причин подорожания и убеждения в выгодности страхового предложения, поэтому включение ассоциаций должно повышать уровень уверенности адресанта в его выгоде. Представитель компании в рассматриваемом диалоге выбрал метод растяжения цены по отношению к временному диапазону, то есть к сроку страхования. Числительные в этом случае служат принципам четкости и краткости, а сравнительный оборот (*одна чашка чая*) минимизирует кажущуюся крупной сумму страховой премии. Восприятие стоимости сглаживается и поддерживающим предложением, формирующим положительную **картинку-образ через третье лицо** (*Был случай в прошлом году, когда клиентке...*).

Прагматическими факторами дискурсопорождения являются и **экстралингвистические признаки** коммуникативной ситуации, которые относятся к области институционального: голос (уверенный), поза (открытая), интонации (доверительная, без повелительных и поучающих нот), настрой на работу с клиентом (зрительный контакт, активное слушание).

Таким образом, коммуникативная ситуация в которой формируется дискурс продаж, обладает рядом важных характеристик. Учет этих характеристик определяет успешность достижения целей деловых переговоров.

Коммуникативные универсалии в дискурсе продаж

Коммуникативно-деятельностный подход к изучению языка позволяет говорить о коммуникативных универсалиях, под которыми Н. С. Болотнова понимает «динамические структуры, имеющие деятельностную основу, ориентированные на межличностное общение в рамках одной или нескольких сфер коммуникации с учетом не только лингвистических, но и социально-психологических, когнитивных и других факторов» [1, С. 136-137]. Возможность выделения универсальных правил, регулирующих общение в сфере продаж страховых услуг, обусловлена характером нашего мышления и этнокультурной спецификой языкового кодирования.

Наши представления о том, что хорошо, а что плохо, мы впитываем из разных источников, которыми окружены в течение всей жизни. Эти культурные архетипы

социума первичны при концептуализации фактов действительности. Результатом общественной манипуляции нашими представлениями являются схемы социального и речевого поведения отдельных личностей. Серьезное исследование природы коммуникативных универсалий провела Н. С. Болотнова [2]. Она выделила коммуникативные универсалии словесно-художественного и масс-медийного структурирования. Анализ реплик представителей институционального и персонального в дискурсе продаж позволил нам на основе существующих исследований выделить некоторые универсальные правила, которыми пользуются коммуниканты, примеряя роли «продавец-покупатель». Хотим заметить, что эти правила универсальны и потому, что ожидаемы и одной, и другой стороной, участвующей в деловых переговорах.

1) Правило прагматически обусловленной речевой позитивности реализуется в языковых формулах, принятых в этнокультурном сообществе, в общей тональности коммуникации, в использовании представителем области институционального слов или прецедентных фактов только с позитивной оценкой.

Правило речевой позитивности важно на протяжении всего периода переговоров, но особое значение оно имеет на этапе вступления в контакт. В русском обществе «встречают по одежке», поэтому представитель компании стремится с самого начала завоевать расположение клиента, что реализуется с помощью этикетных формул приветствия и знакомства:

– *Добрый день! Меня зовут ... (для маркетингового дискурса традиционно представление по имени и фамилии), я сотрудник отдела страхования компании ХХХ. Как я могу к Вам обращаться?*

– *Здравствуйте, ... (представитель области персонального может назвать только имя).*

Завершаются переговоры тоже этикетными формулами, например:

– *Удачи на дорогах! Ждем Вас через год в офисе нашей компании.*

Принцип речевой позитивности используется и на других этапах переговоров. Сравним, например, варианты ответа на критику:

– *Сейчас время такое: получит страховая мои денежки и поминай, как звали!*

Вариант 1:

– Ну что Вы говорите? Все же подкреплено договором!

Вариант 2:

– Вы сомневаетесь, что страховая компания выполнит свои обязательства?

Вариант 3:

– Вы хотите быть уверенным, что страховая компания выполнит свои обязательства?

В первом варианте нет языковых фактов, сглаживающих критическое замечание клиента, а риторический вопрос со стороны представителя компании может только усугубить ситуацию: переговоры не продвинулись в сторону решения прагматических задач коммуникации. Лексема с отрицательным значением *сомневаться* во втором варианте тоже не отвечает принципам позитивности. Так, для достижения практической и коммуникативной целей переговоров выбираем третий вариант, в котором акцент делается на уверенности клиента, а далее, вероятно, последуют аргументы представителя компании, которые продвинут переговоры в сторону достижения целей.

2) Правило прагматически и когнитивно обусловленного представления знания и выражения компетентности в речевой ситуации.

В век компьютерных технологий каждый человек имеет возможность сохранить свое время, используя интернет-услуги, в том числе и страховые. Тем не менее, многие из нас предпочитают отправиться в офис страховой компании для того, чтобы узнать у специалиста об условиях, тарифах и других факторах, определяющих наш выбор. Причиной такого поведения является обладание специалистом определенным *знанием*, которое должно помочь нам в решении практических задач (например, купить страховку выгодно). Репрезентация *знания* представителем компании осуществляется поэтапно, исходя из потребностей клиента, ведь любого клиента утомит рассказ о тех данных, которые его совершенно не интересуют. Одной из техник представления знания специалиста является использование встречного обоснованного вопроса:

– Вы с какими страховыми компаниями работаете?

– Мы работаем с двенадцатью страховыми компаниями. В какой компании Вы страховались ранее?

В технологии встречного обоснованного вопроса *знание* специалиста компании демонстрируется с помощью предложения повествовательного типа, представляющего собой краткий ответ на вопрос клиента. Далее, для продвижения переговоров и прояснения потребностей клиента, специалист задает вопрос открытого типа.

3) Правило языковой репрезентации индивидуального подхода.

Принцип индивидуального подхода к каждому клиенту проник в маркетинговый дискурс из дискурса педагогического. На необходимость различать индивидуальные особенности учащихся и учитывать их при обучении указал еще древнеримский оратор Марк Фабий Квинтилиан: «Благоразумный наставник, прежде всего, должен узнать свойства ума и характер поручаемого ему ученика» [цит. по: 3, с. 30]. Теоретические основы индивидуализированного обучения разрабатывались в школах древнего мира и Средневековья.

Учет психологических и других экстралингвистических факторов лежит и в основе деловых переговоров. Представитель области институционального стремится понять потребности каждого клиента, подобрать страховой продукт и организовать условия сделки именно для него. В речи представителя компании выгода *именно для клиента* вербализируется лексическими средствами:

– Я планирую застраховать свой автомобиль завтра, сегодня у меня нет уже времени!

– В какое время завтра **Вам удобно** будет приехать? Мы подготовим документы заранее, чтобы сократить время **Вашего** ожидания.

4) Правило прагматически обусловленной и лексически и грамматически выраженной лояльности.

В толковом словаре лексема *лояльный* трактуется следующим образом: ЛОЯЛЬНЫЙ; -лен, -льна. Держащийся в пределах законности, благожелательно-нейтрального отношения к кому-чему-н. *Л. Человек. Лояльное отношение к властям.* || *сущ.* лояльность, -и, *ж.* Соблюдать л. [5, с. 313].

Представитель дискурса продаж стремится добиться лояльности клиента по отношению к своему продукту, а сам в свою очередь демонстрирует корректное отношение к мнению и чувствам клиента. На этапе аргументации проявление лояльности по отношению к клиенту и формирование его лояльности к услуге происходит лексическими и грамматическими средствами.

– Девушка, ничего не понимаю. Разницы между этими страховыми не вижу. Как же тут выбирать?

– Хотите разобраться, чем отличается наполнение страховых продуктов в этих фирмах?

Правильно понять потребности клиента – основа хорошего парафраза, который, в свою очередь, позволяет представителю компании перейти к аргументам, а клиенту, ожидающему поддержки в нелегком выборе, показать, что его слушают и слышат. Таким образом, формирование лояльности – клиентоориентированный процесс, обусловленный прагматическими целями коммуникантов.

Мы выделили прагматические факторы дискурсопорождения в сфере продаж страховых услуг. Вектор прагматического воздействия здесь направлен в сторону области персонального, представитель компании как адресант институционального дискурса стремится повлиять на адресата с целью сформировать у последнего положительное представление о страховом продукте. Социально-ролевой статус, наличие определенного знания, умение применять коммуникативные универсалии в разных ситуациях деловых переговоров – эти прагматические факторы позволяют назвать область институционального «более сильным» коммуникативным явлением, чем область персонального.

ВЫВОДЫ

Антропоцентрический подход расширяет лингвистический кругозор исследователя, внимание акцентируется на коммуникативных феноменах, одним из которых является маркетинговый дискурс. Развитие общества, культуры, средств

массовой информации формирует новые явления в сфере коммуникации, в частности, в ситуации деловых переговоров.

Мы доказали гипотезу, что возникновение особого коммуникативного явления, дискурса продаж, определяется прагматическими факторами, к которым относятся социально-ролевой статус коммуникантов, специфика коммуникативной ситуации и коммуникативные универсалии, лежащие в основе познавательной деятельности человека и обусловленные его этнической принадлежностью. Прагматические цели представителя институционального в дискурсе продаж формально не противопоставляются целям клиента. С помощью языковых элементов разных уровней представитель компании стремится достичь своей цели при сохранении коммуникативного равновесия.

Мы рассмотрели область институционального как «более сильную» коммуникативную сферу, которой принадлежит ведущая роль при продвижении деловых переговоров. Определенным двигателем деловой интеракции становится знание коммуникативных универсалий, которые исключают речевую агрессию, настраивают представителя компании на эффективную работу с клиентом, а клиенту позволяют ощутить уверенность в правильном выборе услуги. Не можем не заметить, что бывают случаи, когда использование коммуникативных универсалий воспринимается клиентом «в штыки». Коммуникативно грамотные клиенты ощущают на себе речевую манипуляцию, слышат репрезентанты маркетинговых схем. Возможно, новое время уже требует других маркетинговых решений и изменений в репрезентации прагматической установок.

Список литературы

1. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: медийные коммуникативные универсалии [Текст] / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 2015. – №9 (162). – С.19–27.

3. Галагузова, М. А. История социальной педагогики: Хрестоматия-учебник: учеб. пособие [Текст] / М. А. Галагузова. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 544 с.
4. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
5. Лопатин В. В. Русский толковый словарь [Текст] / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.
6. Моррис, Ч. Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
7. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1988. – С. 22-129.
8. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 258–259.
9. Попова, З. Д. Общее языкознание: Учебное пособие [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ, Восток–Запад, 2007. – 408 с.
10. Стандарты компании Genser: презентация [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://ppt-online.org/21921>. – (Дата обращения: 25.12.2019).
11. Складская, Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. [Текст] / Г. Н. Складская. – М. : Эксмо, 2007. – 1136 с.
12. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – Изд-е 6-е. – М. : ЛКИ, 2007. – 312 с.
13. Шафф, А. Введение в семантику [Текст] / А. Шафф. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 376 с.
14. Alba-Juez, L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation [Text] // *Russian Journal of Linguistics*. – 2016. – №20 (4). – P. 43–55.
15. Searle, J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language [Text]. – London, 1969.
16. Verschueren, Jef. Introduction: The pragmatic perspective [Text] // Key notions for pragmatics, Amsterdam : Benjamins, 2009. – P. 1–27.

References

1. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya Struktura Khudozhestvennogo Teksta v Assotsiativnom Aspekte* [The Lexical Structure of Literary Text in an Associative Aspect]. Tomsk, Izdatelstvo Tom. gos. ped. un-ta, 1994. 212 p.
2. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya Stilistika Teksta: Mediinye Kommunikativnye Universalii* [Communicative Style of the Text: Media Communicative Universals]. *Vestnik TGPU*, 2015. Pp.19–27.
3. Galaguzova M. A. *Istoriya Sotsialnoi Pedagogiki: Khrestomatiya-Uchebnik: Ucheb. Posobie* [History of Social Pedagogy: Textbook]. Moscow, Gumanit. Izdatelstvo Tsentr VLADOS Publ., 2000. 544 p.
4. Grais G. P. *Logika i Rechevoe Obshchenie* [Logic and Speech Communicaton]. *Novoe v Zarubezhnoi Lingvistike. Lingvisticheskaya Pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Linguistic Pragmatism]. Moscow, Progress Publ., 1985. Pp. 217–237.
5. Lopatin V. V. *Russkii Tolkovyi Slovar* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 928 p.
6. Morris Ch. *Osnovaniya Teorii Znakov* [Foundations of Sign Theory]. Moscow, Raduga Publ., 1983. Pp. 37–89.
7. Ostin Dzh. L. *Slovo kak Deistvie* [Word as an Action]. *Novoe v Zarubezhnoi Lingvistike. Teoriya Rechevykh Aktov* [New in Foreign Linguistics. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1988. Pp. 22-129.
8. Paducheva E. V. *Semanticheskie Issledovaniya: Semantika Vremeni i Vida v Russkom Yazyke. Semantika Narrativa* [Semantic Research: Semantics of Time and Type in Russian. The Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996. Pp. 258–259.
9. Popova Z. D. *Obshchee Yazykoznanie: Uchebnoe Posobie* [General Linguistics: Study Guide]. Moscow, AST Publ., Vostok–Zapad Publ., 2007. 408 p.
10. *Standarty Kompanii Genser: Prezentatsiya* [Genser Company's Standarts. Presentation]. 2015. – Available at: <https://ppt-online.org/21921>. (accessed on 25 December 2019).

11. Sklyarevskaya G. N. *Tolkovy Slovar Russkogo Yazyka Nachala XXI Veka. Aktualnaya Leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21st Century. Actual Vocabulary]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 1136 p.
12. Stepanov Yu. S. *Metody i Printsipy Sovremennoi Lingvistiki* [Methods and Principles of Modern Linguistics]. Vol. 6. Moscow, LKI Publ., 2007. 312 p.
13. Shaff A. *Vvedenie v Semantiku* [Introduction to Semantics]. Moscow, Izdatelstvo Inostranoi Literatury Publ., 1963. 376 p.
14. Alba-Juez L. *Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. Russian Journal of Linguistics*. 2016. Pp. 43–55.
15. Searle J.R. *Speech Acts: an Esseyin the Philosophy of Language*. London, 1969.
16. Verschueren Jef. *Introduction: The Pragmatic Perspective*. Key Notions for Pragmatics. Amsterdam, Benjamins Publ., 2009. Pp. 1–27.

PRAGMATIC MEANS OF DISCOURSE IN THE FIELD OF SALES OF INSURANCE SERVICES (BASED ON TRAINING MATERIALS)

Cheremokhina D. A.

The article offers the analysis of the language behavior of the participants in the marketing discourse in the field of insurance services. The material was the texts that are the result of a business game at the training. Training communicative situations allow to reestablish the ideal from a pragmatic point of view the act of interaction in the insurance sector. The author considers marketing discourse as a multisemiotic phenomenon, in the formation of which various types of sign systems participate. Research interest in the study of the peculiarities of the formation of marketing discourse is determined by the pronounced pragmatic orientation of natural language signs. It is proved that pragmatic factors determine the generation of sales discourse as a kind of marketing discourse. The choice of linguistic means of expressing goals in the sales discourse, according to the author, is determined by the socio-role status of the communicants, the specifics of the communicative situation and communicative universals that underlying human cognitive activity and due to his ethnicity. The analysis of these characteristics of the communicative situation of business negotiations allowed the author to identify the linguistic facts that have a pragmatic effect on the addressee, which in this situation is the client. The article provides examples of pragmatically colored lexical, grammatical, structural and associative language units. Discourse in the field of sales of services is represented as a focused process controlled and directed by a representative of the company.

Keywords: marketing discourse, sales discourse, discourse generation, pragmatics, sign system, communicative situation, communicative universals.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

НОВЫЕ МЕДИА И МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ПЛАТФОРМА ВОСПРИЯТИЯ МЕДИАПРОДУКТА

Богданович Г. Ю., Федорова А. Ю.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Россия**

Современное общество совершенствует свои коммуникативные возможности, опираясь на развивающиеся коммуникативные технологии. Во многом этому способствуют новые медиа, которые все чаще связывают с цифровыми характеристиками информационного пространства.

Гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, иногда и трансграничность во многом определяют цифровизацию медийного продукта, его гипертекстовую составляющую. Цифровая репрезентация фиксирует появление вариативности как признака новых медиа. Современные медиаплатформы отличаются появлением конвергентных особенностей медийного контента. Медиаконвергенция включает в себя: конвергенцию сетей, конвергенцию терминалов, конвергенцию услуг, конвергенцию рынков, конвергенцию жанров и форм, конвергенцию регулирования. Все это соответствует совершенно новому уровню восприятия современного медиапродукта.

Ключевые слова: новые медиа, медиаконвергенция, медиапродукт, медиаплатформа, цифровая коммуникация

ВВЕДЕНИЕ

Трансформационные процессы общества, начавшиеся в 1990-е годы, ознаменовались не только распространением интернета, но и существенными подвижками в осмыслении роли компьютера. Получив широкую доступность, компьютер стал не просто машиной для сложных расчётов, а полноценной частью повседневной жизни. Меньше чем за десятилетие, от персонального компьютера на рабочем месте мы перешли к личному персональному компьютеру в кармане у каждого – к смартфону. Окно браузера вместило в себя кинотеатр, телевизионный экран, стену в художественной галерее, библиотеку и многое другое.

По свидетельству источников, сегодня аудитория интернета насчитывает около 4,5 миллиардов человек, это на 298 миллионов пользователей больше, чем в прошлом году. Это значит, что 60% мирового населения пользуется интернетом. В России

количество интернет-пользователей составляет 118 миллионов, это 81% россиян. На сегодняшний день Россия находится на восьмом месте по количеству интернет-пользователей в мире [3; 10].

Цифровые технологии привели к повсеместной компьютеризации, изменившей большинство сфер жизни человека, сделали процесс потребления информации более мобильным, индивидуальным и интерактивным; превратили медиа в новые медиа.

Новые медиа (или цифровые медиа) – термин, который используется для описания электронных изданий и новых технологий цифровой коммуникации. Новые медиа – это новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах. Исследователи медиа сходятся во мнении, что основные характеристики, которые отличают новые медиа от старых, – это *гипертекстуальность*, *мультимедийность* и *интерактивность* (иногда сюда относят и *трансграничность*). Отмеченные родовые признаки Интернета как канала распространения информации, не свойственны ни бумажным изданиям, ни радиовещанию, ни телевидению.

Гипертекст представляет собой систему, состоящую из документов, связанных с помощью встроенных в текст перекрёстных ссылок (гиперссылок). Известно, что гипертекст на странице веб-сайта имеет связь между отдельными текстами на других страницах, что позволяет читать текст не только на одном уровне, как на бумаге, но благодаря внутренним и внешним ссылкам просматривать его вглубь.

Под *мультимедийностью* принято понимать совместное использование различных медийных платформ (*текста, фотографии, аудио-, видео-, графики, анимации*) с целью эффективного представления информации.

Вместе с тем, *трансграничность* представляет собой «всепроникаемость» новых медиа, выходящую за пределы привычных границ.

Наблюдения показывают, что *интерактивность* как взаимодействие между объектами и субъектами системы представляет собой многосторонний информационный обмен с потребителем или всей аудиторией. В традиционных медиа порядок воспроизведения строго фиксирован, а, взаимодействуя с цифровым объектом, пользователь может выбирать, какие элементы посмотреть и

продемонстрировать свою реакцию. Интерактивность является наиболее значимой отличительной чертой новых медиа. Поэтому новые медиа иногда называют *интерактивными медиа*.

Исследователь цифровой культуры и новых медиа Лев Манович понимает термин «новые медиа» несколько шире: «Если вы хотите понять, является нечто новыми медиа или нет, просто задайте себе вопрос: нужен ли компьютер, для того чтобы это воспринимать? Если ответ “да”, то перед вами новые медиа» [7].

По мнению специалиста, объектом новых медиа может являться «цифровая фотография, фильм, обработанный в той или иной программе, виртуальное трёхмерное пространство, компьютерная игра, автономные гипермедиа вроде DVD, гипермедиасайт или вся сеть в целом» [8, с. 46].

Л. Манович предлагает альтернативный список признаков новых медиа: цифровая репрезентация, модульность, автоматизация, вариативность и *транскодинг (транскодирование)*. Объект новых медиа должен обладать всеми этими признаками одновременно. Исследователь уверен, что изучение цифровых медиа неразрывно связано с изучением программного обеспечения (*soft studies*), поскольку только благодаря компьютерным программам человек может воспринимать новые медиа.

Цифровая репрезентация – это представленность объекта медиа в цифровом формате. Все объекты новых медиа, вне зависимости от того, были ли они созданы при помощи компьютера изначально или оказались оцифрованы из аналоговых источников, состоят из цифрового кода, то есть являются цифровыми репрезентациями объектов, результатами представленности информации в числовой форме [8, с. 61].

Признак модальности также называют принципом фрактальной структуры новых медиа. *Фрактал* – это множество, обладающее свойством самоподобия: математический или физический объект, в точности или приближенно совпадающий с частью себя самого. Целое фрактала имеет ту же форму, что и одна или более его частей. Объекты новых медиа, подобно фракталу, имеют одинаковую модульную структуру, которая остаётся неизменной вне зависимости от масштаба. Медиаэлементы, будь то изображения, звуки, формы или даже определённые

действия, представлены в качестве дискретных элементов (пикселей, кодовых комбинаций, скриптов). Они сохраняют свою изначальную логику, даже складываясь в более масштабные объекты, а те, в свою очередь, организуют ещё более крупные «предметы», вновь сохраняя изначальную структуру. Например, видео может состоять из сотен статичных изображений и аудиофайлов, и все эти отдельные элементы запускаются вместе и являются составными частями одного целого, но при этом остаются отдельными элементами, могут существовать отдельно друг от друга и подвергаться редактированию. Несколько таких видео можно смонтировать в одно, тем самым увеличивая масштаб видео как объекта, но составные части остаются теми же, что были [8, с. 64].

Получается, что из признака цифровой репрезентации и модульной структуры медиа-объектов рождается принцип автоматизации. В медиа при создании, управлении и доступе к цифровой среде многие задействованные процессы автоматизированы. Так работает большинство известных программ для редактирования изображений, трёхмерной графики, обработки текста, графической вёрстки и т.д. Например, редактируя фотографии в программе *Photoshop*, можно автоматически улучшать контрастность, менять палитру цветов, убирать зернистость и проводить другие операции буквально одним кликом компьютерной мыши.

Исследуя *вариативность* как признак новых медиа, Л. Манович подчёркивает, что объекты новых медиа принципиально не являются чем-то завершённым, а наоборот, могут существовать в разных, потенциально бесконечных вариациях. Человек традиционно включался в производство старых медиа, составляя тексты вручную, разрабатывая композицию или последовательность с использованием визуальных или аудиоэлементов. «Будучи однажды собранной, композиция оставалась такой навсегда, а количество её копий, согласно логике индустриального общества, росло. Новые медиа, наоборот, вариативны. [...] Вместо производства бесконечного количества идентичных копий объекты новых медиа позволяют создавать множества разных версий себя. Они не организованы человеком “от и до” и нередко автоматически формируются компьютером. Например, веб-страницы автоматически генерируются на основе без данных, используя шаблоны, созданные

дизайнерами» [8, с. 71]. Л. Манович предлагает считать вариативность ключевым признаком цифровых медиа, поскольку такие характеристики цифровых медиа, как гипертекстуальность и интерактивность, по его мнению, проистекают именно из вариативности [там же, с. 75].

Под понятием «транскодинг» подразумеваются коренные процессы компьютеризации. Новые медиа создаются, распространяются и архивируются при помощи компьютеров, и это влияет на традиционную культурную логику медиа. То, как компьютер «воспроизводит» окружающий мир, представляет данные и организует наше с ними взаимодействие, то, какие функции стоят за феноменом компьютерной программы (например, поиска, совпадения, сортировки и выборки), а также нормы взаимодействия человека и компьютера в целом – всё это влияет на культурную составляющую новых медиа, их логику, категории, развитие и содержание [8, с. 81]. Компьютерные и культурные элементы новых медиа влияют друг на друга, образуя синтез. Они соединяются, формируя новую компьютерную культуру, состоящую как из «человеческих», так и из «компьютерных» смыслов. Данное явление иллюстрирует тот факт, что сегодня мы постоянно носим с собой компактный персональный компьютер – смартфон, и люди связаны друг с другом не только личным знакомством вживую, но и социальными сетями, а также разнообразной информационной средой.

Думается, что выделять интерактивность как отдельный признак новых медиа, по нашему мнению, нецелесообразно, поскольку этот термин используется как междисциплинарный в силу своей употребительности в различных сферах человеческой деятельности. Для цифровых медиа такой термин приобретает тавтологический смысл, т.к. безусловно становится интерактивным и позволяют любому пользователю «видеть» компьютер в реальном времени, корректируя информацию, зафиксированную на экране. Поэтому любой объект с экрана компьютера воспринимается интерактивным, т.к. предполагает задействование различных элементов, связанных с современными технологиями.

Вместе с тем, М. Лукина настаивает на том, что говорить об интерактивности как о специфической черте, свойственной только интернет-СМИ, некорректно,

поскольку в традиционных СМИ всё ещё используется такая форма взаимодействия авторов и читателей, как письма в редакцию, звонки в прямом эфире, телефонные и студийные рейтинговые опросы и другое. Однако возможности интернет-СМИ гораздо шире: «Наследуя обретенные традиционными СМИ формы обратной связи и общую свою способность к интерактивности, интернет СМИ могут развивать их до уровня истинной двусторонности, действительной интерактивности, т.е. до сочетания синхронной (одновременной) и асинхронной (неодновременной) обратной связи, с одной стороны, и возможности обмена информацией между пользователями – с другой» [6].

Исследователь онлайн-общения Шейзаф Рафаэли выделяет три уровня интерактивности:

- двусторонняя, но не интерактивная коммуникация (звонки на ТВ или письма в редакцию; обратная связь);
- реактивная, или квазиинтерактивная коммуникация, где одна сторона получает информацию о реакции другой стороны;

полностью интерактивная коммуникация, где все субъекты коммуникации могут участвовать в обмене информацией [11].

Становится очевидно, что интерактивность является базовым потенциалом интернет-технологий. В интерактивной коммуникации классическая разница между автором и потребителем сообщения становится прозрачной, их роли теперь оказываются относительными и, более того, потенциально изменчивыми. Это открывает новые возможности для аудитории. Аудитория перестает быть только потребителем, теперь она может сама участвовать в производстве и обмене информацией. Если традиционные медиа рассматривали аудиторию как пассивного потребителя, аудитория «новых медиа» является принципиально активной частью медиасреды, и создателям медиа-контента приходится это учитывать.

По мнению американского культуролога и исследователя журналистики и коммуникации Генри Дженкинса, процесс оцифровки материальных данных в цифровой вид, пригодный для записи на электронные носители (это явление

называют «диджитализация», или «дигитализация») обеспечила благоприятные условия для медиаконвергенции [2, с. 41].

Считается, что автором термина «конвергенция» является английский священник и натурфилософ Уильям Дерем. Впервые термин появился в 1713 г. в работе «Физико-теология, или Демонстрация бытия и атрибутов Бога через его работы по творению» («Physico-theology: or a Demonstration of the Being and Attributes of God from His Works of Creation»). Термин начал использоваться в биологии, этнографии, физиологии, лингвистике и других науках. В XXI в. начал употребляться и по отношению к медиа.

Американский культуролог, теоретик медиа и исследователь массовой культуры Генри Дженкинс даёт такое определение процессу конвергенции: «Понятие обозначает технологические, индустриальные, культурные и социальные трансформации способов распространения медиа в нашей культуре. Самые распространённые трактовки данного термина включают в себя: распространение контента через различные медиаплатформы; кооперацию различных медиапроизводителей; поиск новых систем медиафинансирования, возникающих в разрыве между старыми и новыми медиа; миграционное поведение медиааудитории, готовой устремиться практически в любом направлении в поисках желаемых развлечений. Наиболее общее определение медиаконвергенции связано с ситуацией мирного сосуществования множества медиасистем и равномерного распространения медиаконтента между ними. В данном случае под конвергенцией понимается динамический процесс или серия взаимодействий между различными медиасистемами, а не одно взаимодействие» [2, с. 26]. Или ещё короче: «Конвергенция – это слово, позволяющее объяснить технологические, индустриальные, культурные и социальные изменения, находящиеся в прямой зависимости от того, кто говорит и как он воспринимает собственную речь» [2, с. 28].

В отечественных работах по теме исследования медиасреды часто используется определение понятия конвергенции Л. М. Земляновой: «В коммуникативистике этот термин используется для обозначения взаимодействия и объединения различных каналов и средств связи в условиях развития мультимедийных процессов и

информационных супермагистралей, совершающихся благодаря широкому внедрению новых технологий, обеспечивающих применение цифровой трансмиссии информации в коммутирующихся теле-компьютерных и телефонно-кабельных линиях» [5, с. 83].

Исследователь С. Л. Уразова выделяет ряд характеристик, обуславливающих преобразования медийного рынка, которые показывают причины возникновения конвергентных процессов в медиасреде:

1. Смена мономедийной среды на мультимедийную.
2. Замена классификационного названия медиа – из СМИ они трансформируются в СМК.
3. Возникает новая форма коммуникации – это интерактивность.

Процессы глобализации с учетом использования современных цифровых технологий изменяют параболу распространения информационного продукта [9, с. 11].

Норвежские учёные Андерс Фагерйорд и Танья Сторсул рассматривают термин *феномен медиаконвергенции* более полно, выделяя следующую классификацию, характеризующую различные медиаплатформы:

1. *Конвергенция сетей.* Превращение аналогового сигнала в цифровой, что делает безразличным то, какие данные транслировать.
2. *Конвергенция терминалов.* Объединение ранее различных устройств в единое multifunctionальное устройство, предназначенное для приема и потребления информации.
3. *Конвергенция услуг.* Появление совместных услуг на базе цифровых сетей и терминалов. Услуг, различающихся по своему функционалу, но предоставляемых одним и тем же «электронным» способом.
4. *Конвергенция рынков.* Вытекает напрямую из конвергенции терминалов, сетей и услуг и приводит к тому, что телекоммуникационные компании сегодня активно играют на медиарынке, например, открывая собственные телеканалы.

5. *Конвергенция жанров и форм.* В результате соединения различных медиаплатформ жанры, ранее свойственные какой-либо одной медиаплатформе, проникают и ассимилируются с другими.
6. *Конвергенция регулирования.* В результате возникновения совместных рынков, возникает необходимость ввести регулирующие процедуры, общие для всех этих больших рынков [4].

ВЫВОДЫ

Повсеместная компьютеризация привела к появлению новых медиа. *Новые медиа* (или *цифровые медиа*) – это термин, который используется для описания электронных изданий и новых технологий цифровой коммуникации. Основные характеристики новых медиа – это гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность. К характеристикам новых медиа также можно отнести цифровую репрезентацию, модульность, автоматизацию, вариативность и транскодинг (транскодирование).

Цифровые медиа принципиально интерактивны. Это приводит к новому роду взаимоотношений между создателем контента и потребителем. В интерактивной коммуникации классическая разница между автором и потребителем сообщения становится призрачной, их роли оказываются относительными и потенциально изменчивыми.

Повсеместная компьютеризация также обеспечила благоприятные условия для медиаконвергенции. И следует согласиться с мнением Л. М. Земляновой, что конвергенция медиа означает взаимодействие и объединение различных каналов и средств связи в условиях развития мультимедийных процессов и информационных супермагистралей, совершающихся благодаря широкому внедрению новых технологий, обеспечивающих применение цифровой трансмиссии информации в коммутирующихся теле-компьютерных и телефонно-кабельных линиях.

Причинами возникновения конвергентных процессов в медиасреде следует считать смену мономедийной среды на мультимедийную; замену классификационного названия медиа (из СМИ на СМК); возникновение новой формы

коммуникации – интерактивности; процессы глобализации изменяющие параболу распространения информационного продукта.

Медиаконвергенция включает в себя: конвергенцию сетей, конвергенцию терминалов, конвергенцию услуг, конвергенцию рынков, конвергенцию жанров и форм, конвергенцию регулирования. Все это соответствует совершенно новому уровню восприятия медиапродукта.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю., Калугина, А. Ю. Контент региональной тележурналистики : стендап (отечественный и зарубежный опыт) [Текст] / Г. Ю. Богданович, А. Ю. Калугина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 4. – С. 214–226.
2. Дженкинс, Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа [Текст] / Генди Дженкинс; пер. с англ. А. Гасилина. – М. : «Группа Компаний РИПОЛ классик», 2019. – 384 с.
3. Доклад о развитии интернета. Компьютеры – Соф.Железо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm>. – (Дата обращения: 04.04.2020)
4. Журналистика и конвергенция : почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные [Текст] / под ред. А. Г. Качкаевой. – М., 2010. – 200 с.
5. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : Англо-русский толковый словарь концепций и терминов [Текст] / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 83.
6. Интернет-СМИ : Теория и практика : Учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / под ред. М. М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 348 с.
7. Манович, Лев. Теории софт-культуры [Текст] / Лев Манович. – Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. – 208 с.

8. Манович, Лев. Язык новых медиа [Текст] / Лев Манович. – М. : АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2018. – 400 с.
9. Уразова, С. Л. Конвергентная журналистика в цифровой медиасреде : методическое пособие [Текст] / С. Л. Уразова. – М. : ИПК, 2010. – С. 11.
10. Digital 2020 : Global Digital Overview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview/>. – (Дата обращения: 04.04.2020).
11. Rafaeli, S. The Electronic Bulletin Board : A Computer-driven Mass Medium / S. Rafaeli // Computers and Social Sciences. – 1986. – No 2. – P. 123–136.

References

1. Bogdanovich G. Yu., Kalugina A. Yu. *Kontent Regionalnoi Telezhurnalistiki: Stendap (Otechestvennyi i Zarubezhnyi Opyt)* [Content of Regional TV Journalism. Stand-up (Domestic and Foreign Experience)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 4, pp. 214–226.
2. Dzhenkins G. *Konvergentnaya Kul'tura. Stolknovenie Starykh i Novykh Media* [Convergence Culture: Where Old and New Media Collide]. Transl. by A. Gasilin. Moscow, Gruppya Kompanii RIPOL Klassik Publ., 2019. 384 p.
3. *Doklad o Razvitii Interneta. Komp'yutery – Sof.Zhelezo* [Report on the Development of the Internet. Computers – Sof.Zhelezo]. Available at: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm>. (accessed 04 April 2020).
4. *Zhurnalistika i Konvergentsiya: Pochemu i Kak Traditsionnye SMI Prevrashchayutsya v Mul'timediinye* [Journalism and Convergence. Why and How Traditional Mass Media Turn into Multimedia]. Ed. by A. G. Kachkaeva. Moscow, 2010. 200 p.
5. Zemlyanova L. M. *Kommunikativistika i Sredstva Informatsii: Anglo-Russkii Tolkovyi Slovar' Kontseptsii i Terminov* [Communication Science and Media. English–Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo Universitetata, 2004. P. 83.

6. *Internet-SMI: Teoriya i Praktika: Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Vuzov* [Internet Mass Media. Theory and Practice. Textbook for University Students]. Ed. by M. M. Lukina. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 348 p.
7. Manovich Lev. *Teorii Soft-Kul'tury* [Theories of Soft Culture]. Nizhnii Novgorod, Krasnaya Lastochka Publ., 2017. 208 p.
8. Manovich Lev. *Yazyk Novykh Media* [Language of New Media]. Moscow, AD MARGINEM PRESS Publ., 2018. 400 p.
9. Urazova S. L. *Konvergentnaya Zhurnalistika v Tsifrovoi Mediasrede: Metodicheskoe Posobie* [Convergent Journalism in the Digital Media Environment. Methodological Guide]. Moscow, IPK Publ., 2010. P. 11.
10. *Digital 2020: Global Digital Overview*. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview/>. (accessed 04 April 2020).
11. Rafaeli S. *The Electronic Bulletin Board: A Computer-driven Mass Medium*. *Computers and Social Sciences*, 1986, no 2, pp. 123–136.

NEW MEDIA AND MEDIA CONVERGENCE AS A MODERN PLATFORM FOR MEDIA PRODUCT PERCEPTION

Bogdanovich G. Yu., Fedorova A. Yu.

Modern society improves its communication opportunities, relying on developing communicative technologies. It is greatly influenced by new media, which are increasingly associated with digital characteristics of the information space.

Hypertextuality, multimedia, interactivity, and sometimes transborderness largely determine the digitalization of a media product, its hypertext component. Digital representation captures the appearance of variability as a sign of new media. Modern media platforms are distinguished by the appearance of convergent features of media content. Media convergence includes convergence of networks, convergence of terminals, convergence of services, convergence of markets, convergence of genres and forms, and convergence of regulation. This corresponds to a completely new level of perception of a modern media product.

Keywords: new media, media convergence, media product, media platform, digital communication

УДК 654.197

DOI:10.37279/2413-1679-2020-6-1-211-232

ЭНДЕМИЧНЫЕ ГЕРОИ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭФИРА (НА ПРИМЕРЕ «ВЕСТИ. КРЫМ»)

Громова Е. Б.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе,
г. Севастополь, Россия
E-mail: katya-64@inbox.ru

В статье анализируется спектр героев в выпусках новостей «Вести. Крым» телерадиокомпании «Таврида». Автор определяет степень эндемичности и нестандартности героев, квалифицирует их по роду занятий и политической позиции. В статье анализируется также эмоциональный фон сюжетов, как поле, на котором действуют герои и основные идеологемы, сопровождающие их представление. Глубокое и системное исследование героев информационных сюжетов, как одного из аспектов персонификации регионального новостного контента, поможет выработке рекомендаций для оптимизации и эффективного функционирования региональной новостной телевизионной программы. **Ключевые слова:** инфотейнмент, медиагерой; портрет современника; антропоцентризм; сторителлинг, крымский региональный эфир, идеологема.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы заключается в научно-практической необходимости исследования особенностей современного телевизионного новостного контента в информационном пространстве Республики Крым, определении и систематизации эндемичных и доминантных типов героев сюжетов, особенностей и трендов в показе людей в информационных региональных программах, что до сих пор не нашло всестороннего изучения и анализа в научных работах. Глубокое и системное исследование героев информационных сюжетов, как одного из аспектов персонификации регионального новостного контента, поможет выработке рекомендаций для оптимизации и эффективного функционирования региональной новостной телевизионной программы.

Несмотря на достаточно убедительную представленность темы концептуального обоснования функций регионального и местного телевидения в работах исследователей (Э. Г. Багиров, Г. Ю. Богданович, А. В. Вырковский, А. П. Данилов,

Ю. М. Ершов, Ю. А. Жуков, С. Н. Ильченко, М. А. Мясникова, Е. Ф. Тихонова, Г. Г. Щепилова), защищенных диссертаций по проблемам и вызовам регионального и местного эфира, тема героя новостных телевизионных программ пока еще не нашла системного отражения в научной литературе. Спустя пять лет после воссоединения Крыма с Россией, доминирующие типологические характеристики героев информационных сюжетов представлены недостаточно. Исследователи не обращались к теме самопрезентации крымчан через региональный телевизионный эфир. А между тем, герой, выводимый журналистами на экран в новостях, играет ведущую роль в формировании доверия между аудиторией и СМИ. Автор считает уместным использование термина «эндемик» для обозначения людей, чья жизнь, деятельность, судьба связаны с анализируемым регионом, а еще чаще – только с ним. При появлении этих героев в эфире других регионов, они могут не вызвать такого интереса, как в Крыму, поскольку отражают именно крымскую идентичность, местные связи и стереотипы.

Понятийный аппарат работы находится на стыке геополитики, регионалистики, коммуникативистики и теории журналистики, хотя по многим позициям категории этих областей знаний не совпадают. Можно с уверенностью говорить о существовании особенностей крымской региональной коммуникации, определенных чертах и признаках, которые проявляются достаточно зримо во время сбора информации для сюжетов, проведения съемок, монтажа сюжетов и получения обратной связи.

В Крыму после 2014 внимание государства и республиканской власти к региональному телевидению скорее чрезмерное, чем недостаточное. После 2014 года произошло масштабное техническое переоснащение телевизионных каналов АНО ТРК «КРЫМ» (телеканалы «Крым 24» и «Первый Крымский»), а также создан и оснащен телеканал «Миллет» (крымско-татарский республиканский телерадиоканал). Каналы существуют за счет денег из государственного и республиканского бюджетов. На их фоне сегодня в Крыму очень слабо выглядят частные каналы, которые остались без поддержки государства как инвестора и без инвестиций крупного частного бизнеса (например, ИТВ). Они не получают грантов

и иного, помимо рекламных заработков, финансирования. Некоторые были вынуждены закрыться (например, FM). 23 июля 2018 в Крыму впервые вышла в эфир телерадиокомпания- ТРК «Таврида» с главным информационным продуктом «Вести. Крым», это «дочка» телеканала «Россия1», с юридической «пропиской» в филиале АО «ТРК- 3». В Севастополе годом раньше, 17 июля 2017 года, стал вещать ее региональный аналог «Вести. Севастополь» (ТРК «Севастополь»). Новости этих двух компаний выходят четыре раза в день региональными врезками в федеральные информационные выпуски на телеканале «Россия 1», а по воскресеньям транслируется итоговый выпуск. Именно таким образом региональные новости «Вести. Крым» и «Вести. Севастополь» встроены в систему ВГТРК. После года руководства телерадиокомпанией «Таврида» Н. Долгачевым ее возглавил директор ТРК «Севастополь» А. Минаков, которому, по всей видимости, предстоит решить проблему кадровой оптимизации и качественной трансформации новостей ТРК «Таврида».

Новости, на наш взгляд, формируют не портреты, не имидж, а образы героев. Разумеется, при строгом лимите времени в информационном сюжете качественный портрет героя сюжета создать достаточно трудно, и в логике подачи теленовостей это делать, наверное, не нужно. Ученые четко разделяют понятия портрет, имидж и медиаобраз в современных СМИ [7]. Имидж изначально имеет оттенок преднамеренности, чем кардинально отличается от образа и, тем более, портрета. Медиаобраз какого-либо лица, объекта, вбирая в себя всю совокупность существующих стереотипов и имиджей, является «наиболее сложным, универсальным и социализированным конструктом. В профессиональном тезаурусе начал закрепляться термин «медиагерой» в значении «герой в зеркале СМИ», но часто под «медиагероем» имеют ввиду и героев из романов и телевизионных сериалов. Е. Зеленина считает, что для журналистики все же «портрет», несмотря на его «усеченность» и «скорострельность» в изготовлении, остается наиболее подходящим термином, особенно для изображения героя современности[4]. Мы же уверены, что понятие «образ» более подходит к получаемому на экране результату. Во-первых, потому, что журналисты новостей, как правило, не ставят себе прямой

цели создать портрет; во-вторых, используют для создания сюжета в формате «сторителлинга» только те качества героя и события из его жизни, которые нужны ситуативно. В новостях журналисты создают медиаобраз героя, используя при этом в формате «сторителлинга» жанр «оперативного портрета» или «репортажного портрета».

Объект исследования: информационные выпуски «Вести. Крым» (ТРК «Таврида»). *Предмет:* телегерои информационных выпусков. *Гипотеза исследования:* при выборе журналистами и продюсерами новостных телевизионных программ эндемичных, нестандартных, и вместе с тем реальных (не вымышленных) героев можно достичь высокого уровня доверия к новостным программам государственных региональных СМИ.

Цель исследования: выявление эндемичных типов героев новостных сюжетов регионального телевизионного эфира. *Задачи исследования:* типологизация героев-эндемиков в крымском региональном телеэфире; выявление специфики использования информационных жанров и выразительных средств при показе героев крымского регионального телеэфира; систематизация приемов создания образа героя в региональных крымских новостях.

Методологию исследования составили методы критического анализа, систематизации, обобщения, контент-анализа. Базовая единица анализа – антропоцентричный сюжет (т.е. информационный сюжет, сделанный на основе человеческой истории, с участием конкретного героя). В основе статьи – анализ контента новостных телевизионных программ, которые выходили в эфир с 01.07.2019 по 01.08.2019 (в общей сложности 27 выпусков с оригинальным контентом). В этот период шло развернутое посюжетное «сканирование» новостей. Конечной практической задачей исследования, проводимого в рамках работы, является выработка рекомендаций для регионального вещания с целью внедрения эффективных техник создания новостного видеоконтента, интересного аудитории, составленных с учетом запроса крымского общества на образ экранного героя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Важное условие успешной коммуникации в региональном телеэфире – это сами ньюсмейкеры, герои сюжетов и нарратив - истории о них. Герои должны быть также эндемичны, как и события, о которых рассказывает программа. Зрителю интересен региональный эфир в том числе и потому, что он хочет видеть в программах не только подтверждение общего, но и отражение особенного, т.е. тех специфических черт, героев, событий, который свойственны процессу жизни на его территории и делает эту жизнь особенной. Благодаря историям, положенным в основу информационных сюжетов, региональные новости становятся все более антропоцентричными, (под антропоцентризмом понимаем сосредоточие на проблематике человека). Исследователь М. М. Янгляева считает, что часто происходит подмена настоящего героя рекламным, и победителем в конкурентной борьбе за зрителя оказывается не «гений места», т.е. герой, который отличается «высоким социальным качеством», а продукт наиболее эффективной рекламной или пиар кампании [8]. К этому давно привыкли крымские зрители в исполнении местных государственных каналов «Первый Крымский», «Крым24», «Миллет», существование которых во многом зависит от крымской власти. Поэтому им хотелось бы увидеть совсем другого героя в более независимой программе «Вести. Крым».

Одним из главных приемов создания образа героя в региональных новостях становится сторителлинг. «Полтонны мусора за час (!) поднимают спортсмены-любители со дна моря» - сообщает автор сюжета в выпуске от 03.06.2019 (1). «Все происходит на глазах у отдыхающих, кто-то благодарит, а кто-то пытается помочь», - добавляет журналист. В другом сюжете этого же выпуска спортсмены переплывают Керченский пролив. Среди них Брайни Фэни, 62 года, которая прилетела из Лондона, чтобы принять участие в заплыве. Один из пловцов говорит: «Это для меня возможность соединить берега, такие важные для всей страны». Образы экранных

героев совпадают с основными моделями крымской идентичности. Вряд ли на экране новостей возможно появление человека, не поддержавшего Крымскую весну и те реформы, которые проводятся с 2014 года. Не станет героем и тот, кому безразлична крымская природа, ее экология и красота. «Маленькой Елизавете только три дня, через два дня ее выпишут из роддома, и ей предстоит увидеть, как красив Крым», - говорит корреспондент Э. Здоров в родовой палате, а затем рассказывает о полуострове как центре детства (2). Герои многочисленных сюжетов о форумах, конференциях, съездах, которые проводятся в Крыму, – молодые люди с творческим потенциалом, их вдохновляют пейзажи и события. «В такой момент, – говорит о форуме «Таврида» его участница, – ты знакомишься с самим собой» (3).

«Умение выводить на уровень медиаперсон рядовых граждан» [4], на наш взгляд, обязательное условие создания образа современника в региональном эфире. Зритель видит, что новостную повестку дня делают простые люди, такие же, как и он сам. Поэтому, одна из лучших «антропоцентричных» тем в новостном выпуске - о значении личности, простого человека в истории. В Артеке вспоминают Саманту Смит - девочку, которой удалось растопить лед между Россией и США в эпоху холодной войны. Детская дипломатия оказалась эффективнее любой другой. За путешествием Саманты в Артек по приглашению Ю. Андропова следил весь мир. В сюжете интервью с артековцами эпохи «первой» холодной войны, и с иностранными журналистами. Журналисты – гости Артека – подчеркивали, что сейчас не хватает именно такой Саманты Смит в отношениях между Россией и США (4).

В каждом сюжете содержится история от героя и о герое. Мы можем назвать «Вести. Крым» антропоцентричной программой, которая закрепляет в традициях новостного регионального вещания практику портретного репортажа. Обычно такой репортаж ставит целью изображение личности героя в проблемной ситуации. Е. В. Зеленина и Т. Ю. Порецкая отмечали особенности, отличающие российское ценностно-смысловое поле: глубокую разработку в национальной аксиосфере таких концептов, как «душа», «душевность», «совесть», «судьба», высокую ценность внутренней духовной жизни человека и т.д. [4].

Что же входит в аксиологическую матрицу героев новостных сюжетов «Вести. Крым»? И кто они такие?

Андрей Ткачук, аграрий из Советского района, вывел свою формулу успеха - «знание и любовь к своему делу», герой «привязан» к прогнозу погоды на лето, он и появляется в сюжете потому, что интервью с ним предшествовало сообщение об аномальной жаре в Крыму. Если будет влага, уверен А. Ткачук, то его хозяйство получит больше 40 ц с га, если нет – меньше. Мы видим Александра Хрычова – участника конкурса дояров, у которого свое поголовье скота и каждая корова – с характером (5). Цель конкурса - популяризация профессии дояра. К сожалению, увлекшись самим процессом конкурса - сборка доильного аппарата, компьютерное доение и т.д.- корреспондент не называет победителя - специалиста, который будет представлять Крым в Башкортостане, на всероссийском Чемпионате. И это выдает отношение автора к аграрной теме, как, в некоторой степени, теме экзотической. Хотя нельзя сказать, что аграрная проблематика представлена неактивно в «Вести. Крым». Герои сюжетов - виноградари и виноделы, хлеборобы, фермеры–животноводы, тепличники - встречаются почти в каждом выпуске. Программист, который создал цифрового помощника, распознающего любой голос - Дмитрий Савченко из Симферополя - «большую часть времени проводит в виртуальном мире, чтобы изменить реальный». Молодой курсант – руку и сердце своей возлюбленной перед несколькими сотнями танцоров «Офицерского бала» (6).

Однако, к сожалению, именно вечный крымский праздник делает этих людей героями эфира. Так, например, рыбаки, трюмы корабля которых забиты рапаной, а также их портовый лоцман, появляются в выпуске не потому, что журналиста интересует их ежедневный труд, просто город отмечает День рыбака (7).

Герой эфира «Вести. Крым» спортивен и патриотично настроен, поэтому он и бежит «тропами памяти», - так называется марафон в горах на Южном берегу Крыма. Участники соревнований – не только местные жители, которые пришли на старт семьями, но и туристы из других городов России. Все они посчитали нужным примкнуть к горному марафону, организованному в честь 75 годовщины освобождения Крыма (8). Жанр материала можно определить как «оперативный

портрет», он основан на рассказе о поступке героя. Еще один жанр, который используют «Вести. Крым», - портретная зарисовка, где помимо героя важна сама ситуация и другие люди, которые оказались рядом. И, непосредственно, сам репортаж является успешным жанром для раскрытия героя, а, точнее, профессионально подготовленный репортаж обязательно «продвигает» героя с его личной историей, даже если в сюжете говорится о больших, массовых и чрезвычайно важных событиях.

Но если с героями все более-менее понятно, то кто такой антигерой в новостных программах? С антигероем связаны антиценности и образ антигероя в новостных сюжетах почти не прописан в научной литературе. Есть некоторые наброски и общие подходы у Л. Г.Свитич, Е. В. Зелениной, Г. В. Лазутиной. Общее в этих работах – представление антигероя как ложного героя дня, аксиологического конфуза, который порождает медиа в головах людей. Нет отдельных исследований образов антигероев в региональных СМИ. Мы также не нашли убедительного портрета антигероя в региональных новостях, кроме нескольких упоминаний о террористах, членах запрещенных религиозных организаций, пьяных водителях и строителях-бездельниках. Но почти всегда антигерои оставались безмолвными. И это отличает «Вести. Крым» от федеральных информационных программ. Антигерой здесь если и показывается, то «издали», совсем не крупным планом, либо слово дается его представителям, сам он становится «героем» очень редко. Антигероя, как правило, не описывают и не «препарируют», его только упоминают. Например, в период с 1.07.2019 по 1.08.2019 в выпусках «Вести. Крым» антигероями, к которым «не приближались», но о которых с осуждением упоминали за кадром или в интервью с экспертами, были: мошенник, который подделывал документы (не показан), браконьеры, которые занимаются нелегальным выловом мидии (не показаны), подозреваемый в убийстве (не показан), наркоман на мопеде (не показан), члены запрещенных мусульманских движений (не показаны), украинский генерал (процитирован), строитель модульного детского сада, который не может договориться с жильцами (показан, проинтервьюирован), нарушители закона по использованию транспорта на воде (показаны без интервью), нерадивые строители

жилия в п. Черноморское (показаны без интервью), строитель мемориала памяти (показан, проинтервьюирован), фотографы-живодеры (показаны, голоса за кадром). Очень часто за антигероев интервью дают представители силовых структур. Новости тиражируют стереотипные представления об отрицательном герое, предполагающие немедленное разделение социума по отношению к нему на своих и чужих. Очевидно то, что тексты об антигероях содержат средний и высокий уровень манипулятивности.

Какой же преобладающий психотип медиагероя мы видим на крымском региональном экране в исполнении «Вести. Крым»? Это герой в процессе преодоления трудностей (в идеальном варианте) или подачи «заявки» на свершение чего-либо полезного для общества. Он произносит интенции о том, что трудности обязательно преодолит. Герой может также находиться на вершине успеха.

Вот как выглядит статистика героев по профессиональному признаку в сканируемом нами промежутке времени с 1.07.2019 по 1.08.2019 (для анализа мы брали только «антропоцентричные» сюжеты, содержащие небольшую историю конкретного человека): так в течение месяца героями сюжетов «Вести Крым» стали строители – 6 сюжетов, ученые – 8, специалисты в области культуры – 14, герои «Крымской весны» – 0. Достаточно необычно, но уже очевидно для Крыма, что ореол героизма участников «крымской весны» сменился престижем успешного фермерства, предпринимательства, волонтерства. Так, например, о героях «крымской весны» – ополченцах, казаках, «вежливых людях» журналисты вспоминали в последний раз разве что в канун 5-летия Крымской весны в выпуске от 17.03.2019 (9). В связи с датой на экране появился традиционный набор действующих лиц крымского юбилейного сюжета. Вспоминали, «как это было», руководители республики В. Константинов и В. Аксенов. Конечно, на экране были и «простые люди»: например, симферополец Александр Коновалов, который сделал открытки о воссоединении Крыма с Россией. «Первый юбилей после долгих и изнурительных украинских будней», - звучит закадровый оценочный текст. Показан Женя - уже большой мальчик, «прототип» памятника, - именно ему сделал «вежливый человек» предложение погладить кота. Правда, скульптор вместо Жени все же изобразил в

бронзе девочку. В юбилейном сюжете показан полуостров, как рекордсмен по количеству желающих вступить в юнармию, в кадре - присяга юнармейцев. Пожилые женщины благодарят: «Спасибо Путину, Кадырову» (10).

Итак, в период мониторинга (1.07.2019 – 31.08.2019), в числе героев выпуска новостей были «чиновники на работе» – 7, военные, спасатели, силовики - 22, политики - 8, производственники - 1, аграрии (в том числе рыбаки) – 17, представители бюджетной сферы (врачи учителя, соработники) – 3, студенты - 4, школьники – 2, спортсмены - 13, просто люди (сюжеты о «повседневной жизни», «вишенка на торте») - 17, дети – 7, антигерои – 13. Таким образом, ярче всех в новостях «Вести. Крым» представлены военные, спасатели и др. (силовой блок), на втором месте – аграрии и просто люди – герои из будничной жизни, а на третьем – специалисты в области культуры. Наименьшая представленность – у производственников, школьников и служащих различных областей бюджетной сферы.

В самом «романтичном» ключе «Вести. Крым» рассказывают о строителях. Например, сюжет о строителях крымского моста в выпуске от 19.03.2019 (11). Закадровый текст изобилует эвфемизмами и патетикой, это напоминает дискурс времени строительства БАМа и освоения целины: «руки рабочих создают новую историю», «стройка века запомнится надолго», «автодорожная часть бьет все рекорды», «мост достойно пережил первую зиму - благодаря ему Крым действительно воссоединился с Россией», «здесь трудились специалисты со всей России». В интервью с Дмитрием Кондаковым, заместителем Директора компании – генерального подрядчика на строительстве моста - ставится акцент на надежную систему безопасности: «сотни камер следят за состоянием моста». «О мосте говорится как о народном достоянии, про его белоснежные арки сочиняют поэмы, в его честь делают вино», – подчеркивает журналист. Свою очередную минуту славы всякий раз при обращении к крымскому мосту получает и «главный начальник» – Кот Мостик, который следит за ходом стройки, он – «ровесник моста и холостяк».

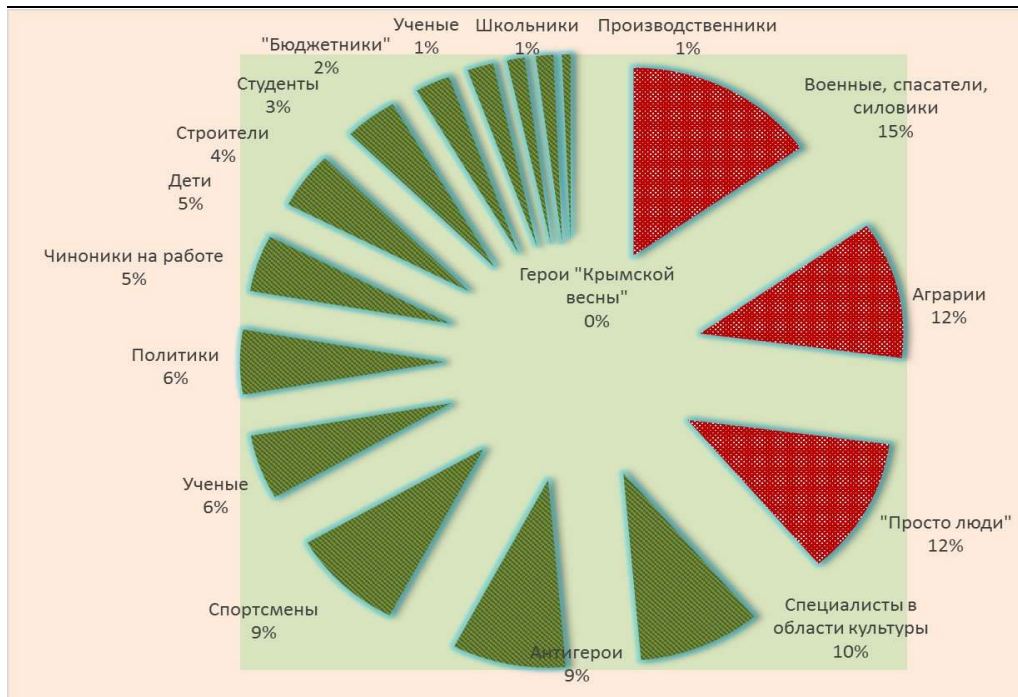

Рис. 1. Эфирный мониторинг героев в сюжетах выпусков «Вести. Крым» 01.07.2019 – 31.07.2019

Среди героев сюжетов есть настоящие бренды, к которым «Вести. Крым» возвращаются часто, при первой же возможности. И по этой причине из эндемичных и нестандартных, они становятся стандартными. Например, это бывший прокурор РК, а теперь Депутат Государственной Думы России Наталья Поклонская (12). В интервью-осмыслении собственной роли в событиях крымской весны, Наталья Поклонская – настоящая героиня, всегда готова «взять автомат и пойти защищать крымскую границу». Поклонская предпочитает обтекаемые выражения, например, об экологической катастрофе в Армянске: «Чтобы не запускать панику, говорят, что все хорошо в Армянске, на самом деле, не все хорошо. Пусть чиновники действуют активнее». Еще один брендовый герой, который появляется в эфире «Вести. Крым» при каждом удобном случае - это байкер Хирург (Золдостанов) со своими последователями (13). Этот герой из эндемичного и нестандартного, благодаря усилиям журналистов, тоже стал стандартным и привычным. Мотопробег,

организованный «Ночными волками» в марте 2019, собрал сотни автомобилистов и байкеров со всей России. На горе Гасфорта под Севастополем участники автопробега развернули самый большой российский флаг - 1423 кв. м. Елена Еремина из Краснодара приехала в Крым с мужем-байкером, почему-то говорит: «Раньше мы не могли попасть в Крым». Хотя ежегодное байк-шоу на горе Гасфорта «Ночные волки» проводят с 2009 года. «Никто не знал, что будет после того, как сделали первый шаг в пропасть, но подошла рука России», - вспоминает руководитель клуба «Ночные волки» из Севастополя. Все, что делает Хирург с последователями, для «Вести. Крым» сакрально. Посещает ли он места предварительного заключения, где беседует с тремя подростками, говорит ли с сотнями тысяч зрителей во время байк-шоу.

Изучение героев-эндемиков приближает нас к пониманию главных идеологем информационных выпусков – мыслей-слоганов-посланий, которые повторяются неоднократно, в том числе, и самими героями, и характерны прежде всего для Крыма, а большинство из них – только для Крыма. Их нельзя назвать «общим местом», но их и не надо разъяснять телезрителям. Они – как знакомые символы, общие выводы, частной иллюстрацией которых является тот или другой сюжет. Вот основные идеологемы анализируемых выпусков: «У украинцев повышенный интерес к отдыху в Крыму (или «мы все равно – братья»)), «Наши корабли дают отпор поржавевшим посудинам НАТО», «Крымских аграриев ожидает рекордный урожай зерновых», «Молодежь сохраняет и модернизирует культурный код своих предков» (14) (выпуск от 05.07.2019). Традиционные мысли и высказывания героев: «было сложно, но сейчас все налаживается» (15): «история в Крыму не ушла в прошлое» (16), «Россия – страна возможностей» (17), «Жизнь меняется. Крым меняется» (18), «Новые объекты изменяют Крым до неузнаваемости», «Восстановление справедливости» (по многим вопросам, например, возвращение Балаклавы статуса города). «Генерал Незалежной разразился паникой. Украине нечего противопоставить России» (19), «Идея родилась давно, но не находила поддержки в Украине» (20), «в Крыму есть все, как в Греции, и даже больше» (21), «Мы – разные, мы - равные» (о детях с ограниченными физическими возможностями) (22), «Крым снова бьет рекорды» (о

туристическом потоке) (23). Мы обязательно найдем повторение этих идеологем и их визуальную иллюстрацию в выпусках любого месяца.

Все вышеперечисленные идеологемы действительно имеют право быть осмыслены в обществе, и, более того, большинству из них зрители верят. Но, судя по явным перекосам в информационном поле в сторону определенных сфер жизни, тем и типов героев, о которых мы говорили выше, создается некая доминантная реальность, которая имеет довольно отдаленное отношение к действительному состоянию общественной жизни. Об этом подробно писал Бакулев Г. П. [1]. Эта культивируемая социальная реальность создается в результате многократного показа по телевидению шаблонных презентаций социальных явлений, в том числе, и определенных героев.

Принцип вовлечения в жизнь героев репортажа соблюден журналистами «Вести. Крым» достаточно профессионально. Это происходит благодаря «театрализации» медийного дискурса. Театрализация медийного дискурса, перформанс, геймификация, часто с активным включением аллюзий, элементов интертекстуальности и сценических действий, - становится обязательной частью практически каждого сюжета. Наше общество остается «обществом спектакля», даже когда оно смотрит региональные новости. Например, выпуск итоговой программы от 02.06.2019, сюжет об отмене роуминга (24). Сюжет рассказывает о том, как изменит нововведение жизнь молодого водителя старых «Жигулей», у которого много друзей на Кубани. Корреспондент едет в машине рядом с водителем. Затем разговаривает по телефону со своей коллегой из Москвы, они обсуждают погоду, работу и следят за счетчиком. Это - иллюстрация новой законодательной нормы, доходчивый способ рассказать крымскому телезрителю, что любой регион России стал для его гаджета «домашним». Или корреспондент в багажном отделении аэропорта «Айвазовский» ищет потерянный танцором из Тулы багаж - сопровождает ленту конвейера, потом садится рядом с водителем кара и путешествует по залу распределения багажа. Или доит буренку на конкурсе крымских дояров, а также «засургучивает» бутылку вина 2014 года для защиты от кислорода (25). Ведущий идет по стадиону в Артеке во время празднования дня рождения лагеря и пытается перекричать детские голоса.

Перформанс содержится в самих анонсах будущих выпусков, которые являются составной частью новостей «Вести. Крым». Так, корреспондент в старом «газике» на разбитой горной дороге снимает стендап способом сэлфи и сообщает, что параллельно его маршруту, без всякой дороги, поднимаются в гору, на вершину Эклизи-Бурун, герои его сюжета – участники крестного хода (26).

«Вести. Крым» имитируют «альтернативность», критичность взгляда на окружающую жизнь в отличие от «мейнстримных» медиа (напр., каналов АНО ТРК «КРЫМ» - «Первого крымского» и «Крым 24»). Например, репортаж о визите министра транспорта России на строительство трассы «Таврида», соединяющей Севастополь с Керчью, был сделан с минимальным вниманием к высокому гостю и максимальным к крымским дорогам - главным и второстепенным, сельским, разбитым, но очень важным для жителей и туристов (27). В то время как на канале «Крым 24» московскому министру было уделено максимальное время, «мейнстримные» медиа всегда излагают точку зрения власти на происходящие события и значение в них того или иного человека, в то время как альтернативные медиа в большей степени ориентируются на «человеческие истории» и на мнения экспертов [2, 3]. «Вести. Крым» стараются занять позицию скорее альтернативных, нежели «мейнстримных» медиа. Здесь уместно вспомнить автора обобщающей практику репортажа книги О. Лонскую, которая пишет, что «в репортажах, поводом для которых становятся показушные мероприятия власти, очень тяжело отойти от навязанного властью восприятия события» [6]. Мы не можем с уверенностью сказать, что «Вести. Крым» всегда предоставляют альтернативную точку зрения. Однако степень «сервитутности» в этой программе ощутимо меньше, чем у других «мейнстримных» медиа в Крыму. Впрочем, с другой стороны, именно «сервитутность» заставляет «Вести. Крым» вести себя в духе всех «мейнстримных» медиа, когда речь идет об Украине. «Соседняя» страна обычно называется «незалежной», о руководителях говорится исключительно в высокомерном и ироничном стиле, как об интеллектуально неполноценных людях, военная техника называется «ржавой» и не способной выполнять боевые задачи и т.д. Но все меньше зрителей согласны воспринимать такого рода информацию, тем более, что у

большинства крымчан на Украине остались родственники и друзья. «Вести. Крым» продолжают настаивать на таких формулировках и задают тем самым определенные стандарты отношения к соседней стране для людей, не привыкших мыслить самостоятельно. Но если мы хотим, чтобы наши внуки пожимали друг другу руки, а семьи воссоединились, мы должны сопротивляться навязыванию в текстах региональных новостей ярлыков, эпитетов, метафор, эвфемизмов, оскорбительных сравнений в отношении людей соседней страны.

С другой стороны, неприкасаемость «брендовых» личностей, отсутствие альтернативной точки зрения на то, что они делают, характерно для «Вести. Крым». Так, байк-шоу «Тень Вавилона» 10 августа 2019, которое посетил сам В. Путин на мотоцикле с коляской, в сопровождении руководителей Крыма и Севастополя, было представлено в итоговом выпуске «Вестей. Крым» исключительно в позитивном, восторженном, патетическом ключе. В то время как социальные сети были полны возмущенными высказываниями, осуждавшими многочасовые пробки на дорогах, медлительность ДПС, огромное количество пьяных зрителей, недостаток туалетов, антисанитарию, дороговизну билетов, примитивные пропагандистские интенции, идеологические штампы в сценарии и драматургии шоу (28).

ВЫВОДЫ

Контент-анализ информационных выпусков «Вести. Крым» позволил проанализировать крымского эндемичного героя на фоне социальных проблем различного характера. Важнейшим условием диалога с аудиторией стал фактор отражения в региональной программе новостей с эндемичными (свойственными только этому региону) инфоповодами, событиями и героями, а также эндемичными идеологемами.

Предъявленная научная проблема определяет спектр дальнейших научных исследований, ключевой элемент которых - изучение точек деструкции и барьеров доверия в новостных программах региональных СМИ и роль телевизионного героя в нарушении процесса эффективной коммуникации. Что же касается эволюции самой

профессии журналиста в ее региональном телевизионном информационном срезе, то мы не можем согласиться с исследователями, которые говорят о деградации журналистской профессии, «зацикливании» журналистов на коротких новостях, рерайте и т.д. (Задорин И. В., Сапонова А. В., Сирина Е. А, Колисниченко А. В.) Региональные телевизионные новости - многоаспектная задача, и здесь требуются специалисты с разнообразными навыками и талантами – автора, редактора, ведущего, очень часто видеооператора и режиссера, модератора контента социальных сетей и сайта в одном лице. Т.е. сам журналист, работающий в региональном информационном поле, - тоже герой, он представляет собой достаточно «эндемичное» явление, профессиональная деятельность которого заслуживает отдельного исследования.

Список литературы

1. Бакулев, Г. П. Массовые коммуникации. Западные теории: учебное пособие [Текст] / Г. П. Бакулев – М. : «Аспект пресс», 2016. – 190 с.
2. Богданович, Г. Ю., Калугина, А. Ю. Контент региональной тележурналистики: стендап (отечественный и зарубежный опыт) [Текст] / Г. Ю. Богданович, А. Ю. Калугина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 5 (71). – № 4. – С. 214–226.
3. Дмитриев О. Инструментарий альтернативных медиа в привлечении аудитории в условиях мультимедийности [Текст] / О. Дмитриев // Медиаальманах. – 2019. – № 1. – С. 40–47.
4. Зеленина, Е. В., Порецкая, Т. Ю. Медиагерой нашего времени (по результатам контент-анализа журнала «Русский репортер» [Текст] / Е. В. Зеленина, Т. Ю. Порецкая // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5 (97). – С. 157–166
5. Зеленина, Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты [Текст] / Е. В. Зеленина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – N 2 (6). – С. 33–52.

6. Лонская, О. Репортаж. От идеи до гонорара [Текст] / О. Лонская. – ЗАО Издательство «Аспект–пресс», 2015. – с. 17.
7. Черевко, Т. С. Образ, стереотип, имидж – границы применения и модель взаимодействия [Текст] / Т. С. Черевко // Медиаальманах. – 2011. – № 6 (47). – с. 12.
8. Янгляева, М. М. Роль современных масс-медиа в продвижении моделей национальной самоидентификации [Текст] / М. М. Янгляева // Медиаальманах. – 2019. – № 1. – С. 161–169.

Примечания

1. Выпуск 03.06.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-03-06-2019-1125/>. Дата обращения: 03.07.2019.
2. Выпуск «Вести. Крым» 02.06.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=673&v=kCo475C9nkw. Дата обращения: 21.07.2019.
3. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/v-sudake-zavershilas-devyataya-smena-foruma-tavrida/>. Дата обращения: 24.07.2019.
4. Выпуск «Вести. Крым» 01.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-01-07-2019-1125>. Дата обращения: 16.07.2019.
5. Выпуск «Вести. Крым» 11.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/>. Дата обращения: 12.07.2019.
6. Выпуск «Вести. Крым» 17.06.2019. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F1B201BA0LA>. Дата обращения: 04.07.2019.
7. Выпуск «Вести. Крым» 15.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-15-07-2019-1125/> Дата обращения: 16.07.2019.
8. там же
9. Выпуск «Вести. Крым» 17.03.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/?s=28.03.2019>. Дата обращения: 11.08.2019.
10. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/krymchane-eto-nashe-zhelanie-vernutsya-na-rodinu/>. Дата обращения: 12.08.2019.

11. Выпуск «Вести. Крым» 19.03.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/pervaya-ryatiletka-krymskij-most-simvol-obedineniya/>. Дата обращения: 12.08.2019.
12. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/krymskaya-vesna-intervyu-natali-poklonskoj-polnaya-versiya/>. Дата обращения: 12.08.2019.
13. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/v-krymu-proveli-mnogotysyachnyj-avtomotoprobeg/>. Дата обращения: 12.08.2019.
14. Выпуск «Вести. Крым» 05.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-05-07-2019-1700/>. Дата обращения: 11.08.2019.
15. Выпуск «Вести. Крым» 11.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/>. Дата обращения: 11.08.2019.
16. Выпуск «Вести. Крым» 03.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-03-07-2019-1425/>. Дата обращения: 11.08.2019.
17. Выпуск «Вести. Крым» 02.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/?s=02.07.2019>. Дата обращения: 11.08.2019.
18. Выпуск «Вести. Крым» 10.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-10-07-2019-1700/>. Дата обращения: 11.08.2019.
19. Выпуск «Вести. Крым» 14.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/?s=14.07.2019>. Дата обращения: 11.08.2019.
20. Выпуск «Вести. Крым» 16.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-16-07-2019-2045/>. Дата обращения: 11.08.2019.
21. Выпуск «Вести. Крым» 22.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-22-07-2019-1700/>. Дата обращения: 11.07.2019.
22. Выпуск «Вести. Крым» 23.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-23-07-2019-1700/>. Дата обращения: 11.07.2019.
1. 23. Выпуск «Вести. Крым» 24.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-24-07-2019-1700/>. Дата обращения: 11.08.2019.
23. Выпуск «Вести. Крым» 02.06.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=673&v=kCo475C9nkw. Дата обращения: 23.07.2019.

24. Выпуск «Вести. Крым» 11.07.2019. Режим доступа: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/>. Дата обращения: 12.07.2019.
25. Выпуск «Вести. Крым» 17.06.2019. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F1B20lBA0LA>. Дата обращения: 03.07.2019.
26. Режим доступа: <https://youtu.be/v47bgWZvSI0>. Дата обращения: 22.07.2019.
27. Итоговый выпуск «Вести. Крым» 11.08.2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=QY_wC6rXoFg. Дата обращения: 12.08.2019.

References

1. Bakulev G. P. *Massovye Kommunikatsii. Zapadnye Teorii: Uchebnoe Posobie* [Mass Communications. Western Theories. A Study Guide]. Moscow: Aspekt Press Publ, 2016, p. 190.
2. Bogdanovich G. Yu., Kalugina A. Yu. *Kontent Regionalnoy Telezhurnalistiki: Stendap (Otechestvennyi i Zarubezhnyi Opyt)*. [Content of Regional TV Journalism. Stand-up (Domestic and Foreign Experience)] *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 4, pp. 214–226.
3. Dmitriev O. Instrumentariy Al'ternativnykh Media v Privlechenii Auditorii v Usloviyakh Mul'timediinosti [Alternative Media Toolkit in Attracting an Audience in a Multimedia Environment]. *Mediaal'manakh*. Moscow St. Univ. Publ., 2019, no 1, pp. 40–47.
4. Zelenina E. V., Poretskaya T. Yu. *Mediageroi Nashego Vremeni (po Rezul'tatam Kontent-Analazia Zhurnala Russkii Reporter)* [The Media-Character of Our Time (Based on the Results of the Content Analysis of the Magazine Russian Reporter)]. *Izvestiya Irkutskoy Gosudarstvennoy Ekonomicheskoy Akademii*, 2014, no 5 (97), p. 157–166.
5. Zelenina E. V. *Portret Geroya: Tsennostno-Smyslovye i Tvorcheskie Aspekty* [Portrait of a Characher. Value-Semantic and Creative Aspects]. *Voprosy Teorii i Praktiki Zhurnalistiki*, 2014, no (6), pp. 33–52.

6. Lonskaya O. *Reportazh. Ot Idei do Gonorara* [Reportage. From Idea to Fee]. Aspekt Press Publ, 2015.
7. Cherevko T. S. *Obraz, Stereotip, Imidzh – Granitsy Primeneniya i Model' Vzaimodeistviya* [Concept, Stereotype, Image. Boundaries and Interaction Model]. *Mediaal'manakh*. Moscow St. Univ. Publ., 2011, no 6 (47), p. 12.
8. Yanglyaeva M. M. *Rol' Sovremennykh Mass-Media v Prodvizhenii Modelei Natsional'nykh Samoidentifikatsii* [The Role of Modern Media in Promoting National Identity Models]. *Mediaal'manakh*. Moscow St. Univ. Publ., 2019, no 1, pp. 161–169.

Notes

1. Vypusk 03.06.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-03-06-2019-1125/> (accessed 03 July 2019).
2. Vypusk Vesti. Krym 02.06.2019. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=673&v=kCo475C9nkw (accessed 21 July 2019).
3. Available at: <https://vesti-k.ru/v-sudake-zavershilas-devyataya-smena-foruma-tavrida/> (accessed 24 July 2019).
4. Vypusk Vesti. Krym 01.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-01-07-2019-1125/> (accessed 16 July 2019).
5. Vypusk Vesti. Krym 11.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/> (accessed 12 July 2019).
6. Vypusk Vesti. Krym 17.06.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=F1B20lBA0LA> Data (accessed 04 July 2019).
7. Vypusk Vesti. Krym 15.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-15-07-2019-1125/> (accessed 16 July 2019)
8. tam zhe
9. Vypusk Vesti. Krym 17.03.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/?s=28.03.2019> (accessed 11 August 2019).
10. Available at: <https://vesti-k.ru/krymchane-eto-nashe-zhelanie-vernutsya-na-rodinu/> (accessed 12 August 2019).

11. Vypusk Vesti. Krym 19.03.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/pervaya-pyatiletka-krymskij-most-simvol-obedineniya/> (accessed data 12 August 2019).
12. Available at: <https://vesti-k.ru/krymskaya-vesna-intervyu-natali-poklonskoj-polnaya-versiya/> (accessed 12 August 2019).
13. Available at: <https://vesti-k.ru/v-krymu-proveli-mnogotysyachnyj-avtomotoprobeg/> (accessed 12 August 2019).
14. Vypusk Vesti. Krym 05.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-05-07-2019-1700/> (accessed 11 August 2019).
15. Vypusk Vesti. Krym 11.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/> (accessed 11 August 2019).
16. Vypusk Vesti. Krym 03.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-03-07-2019-1425/> (accessed 11 August 2019).
17. Vypusk Vesti. Krym 02.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/?s=02.07.2019> (accessed 11 August 2019).
18. Vypusk Vesti. Krym 10.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-10-07-2019-1700/> (accessed 11 August 2019).
19. Vypusk Vesti. Krym 14.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/?s=14.07.2019> (accessed 11 August 2019).
20. Vypusk Vesti. Krym 16.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-16-07-2019-2045/> (accessed 11 August 2019).
21. Vypusk Vesti. Krym 22.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-22-07-2019-1700/> (accessed 11 July 2019).
22. Vypusk Vesti. Krym 23.07.2019 Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-23-07-2019-1700/> (accessed 11 July 2019).
23. Vypusk Vesti. Krym 24.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-24-07-2019-1700/> (accessed 11 August 2019).
24. Vypusk Vesti. Krym 02.06.2019. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=673&v=kCo475C9nkw (accessed 23 July 2019).

25. Vypusk Vesti. Krym 11.07.2019. Available at: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-11-07-2019-2045/> (accessed 12 July 2019).
26. Vypusk Vesti. Krym 17.06.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=F1B20lBA0LA> (accessed 03 July 2019).
27. Available at: <https://youtu.be/v47bgWZvSI0> (accessed 22 July 2019).
28. Itogovyi Vypusk Vesti. Krym 11.08.2019. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=QY_wC6rXoFg (accessed 12 August 2019).
- .

CRIMEA ENDEMIC HEROES IN THE REGIONAL TELEVISION AIR

Gromova E. B.

The article includes analysis of heroes row in the news program “Vesti,Crim” (Teleradiocompany “Tavrida”) Author determines the level of hero’s endemicity and originality, describes their occupation and political position. The emotional ground of the plots is analyzed in this article as well the ideologemes that support the hero’s presentation. A deep and systematic study of the heroes of informational plots, as one of the aspects of personification of regional news content, will help develop recommendations for optimizing and effective functioning of the regional news television program.

Keywords: infotainment, Media hero; contemporary’s portrait; anthropocentrism; storytelling, Crimea regional air, ideologeme.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гвоздик Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Глазунова Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Громова Екатерина Борисовна – старший преподаватель кафедры журналистики филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Россия

Гуменюк Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Дзюба Алина Анатольевна – аспирант кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта, Россия

Кондратьева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Кулаева Эльмаз Энверовна – аспирант кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Лушников Галина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта, Россия

Мальцева Гаяне Юриковна – аспирант, ассистент кафедры русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Машкова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Мосьпан Светлана Алексеевна – ассистент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Набиуллина Гузель Амировна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Неелова Ольга Игоревна — старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

АВТОРЫ

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пономаренко Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Сегал Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Федорова Алена Юрьевна – обучающаяся 4 курса направления подготовки «журналистика» факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Черемохина Дарья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы ФГАОУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Беспалова Е. К.

В. СИРИН VS V. НАВОКОВ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ.....3

Гвоздик Т. С.

И. С. ШМЕЛЕВ И Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: К ПРОБЛЕМЕ «СВЯТОЙ ПЛОТИ».....15

Гуменюк О. М.

РОДОВИЙ І ЖАНРОВИЙ СИНКРЕТИЗМ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ
НАРОДНОЇ ЛІРИЧНОЇ ПІСНІ.....28

Лушникова Г. И., Дзюба А. А.

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»
В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ
АВТОРОВ.....42

Мальцева Г. Ю.

АЛФАВИТНЫЙ ИКОНИЗМ ОТТО В ИГРОВОЙ ПОЭТИКЕ В. НАБОКОВА (НА
МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО
БЕРЛИНУ»).....58

Машкова Е. Е.

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»: СПОРЫ О ДУШЕ
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ.....76

**2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Глазунова О. И.

ЯЗЫК КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ
РЕАЛЬНОСТИ.....95

Набиуллина Г. А.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....119

Петров А. В., Кулаева Э. Э.

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ АДЪЕКТИВОВ

С КОМПОЗИТАМИ, РАЗВИВАЮЩИМИ ПРИЗНАК ПОДОБИЯ 137

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Неелова О. И., Сегал Н. А.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В

НАУЧНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА.....161

Пономаренко И. Н., Мосьпан С. А., Кондратьева Т. С.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЧИНОВНИК»

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ 171

Черемохина Д. А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДИСКУРСОПОРОЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОДАЖ

СТРАХОВЫХ УСЛУГ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕНИНГОВ).....180

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Богданович Г. Ю., Федорова А. Ю.

НОВЫЕ МЕДИА И МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ПЛАТФОРМА

ВОСПРИЯТИЯ МЕДИАПРОДУКТА.....199

Громова Е.Б.

ЭНДЕМИЧНЫЕ ГЕРОИ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО

ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭФИРА (НА ПРИМЕРЕ «ВЕСТИ. КРЫМ»).....211

АВТОРЫ.....233